

ISSN 0321-0367

ВЕСТНИК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І Леніна

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

3

1981

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

№ 3
СНЕЖАНЬ

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), В. С. ГРЫГОР'ЕЎ,
І. І. ЖБАНКОВА, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам. га-*
лоўнага рэдактара), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
Р. В. БУЛАЦКІ, Р. І. ВАДЭЙКА, А. А. ВОЛК, І. К. ГЕРМА-
НОВІЧ (*адказны сакратар*), В. В. КАЗЛОВА, І. П. КАХНО,
Ф. І. КУЛЯШОЎ, М. У. ПІСКУНОЎ, В. П. РАГОЙША,
Б. В. СТРАЛЬЦОЎ, П. І. ТКАЧОЎ, М. Я. ЦІКОЦКІ,
Л. М. ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*), І. В. ШАБЛОЎ-
СКАЯ, П. П. ШУБА

Да 60-годдзя БДУ імя У.І.Леніна

В. П. РАГОЙША

НАБЫТКІ ЛІТАРАТУРАЗНАУЧАЙ ДУМКІ (1970—1980)

Літаратуразнаўчая навука ў БДУ імя У. І. Леніна мае свае даўнія традыцыі. У даваенныя і першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі ў рэчышча гэтых традыцый уліліся творчыя здабыткі такіх буйных вучоных, як прафесары І. І. Замоцін (1874—1942), Я. І. Барычэўскі (1883—1934), А. М. Вазнясенскі (1888—1966), М. Я. Піятуховіч (1891—1937), І. В. Гутараў (1906—1967). Значны ўклад у развіццё навукі пра літаратуру ўнеслі вучоныя-філолагі ў апошнія дзесяць гадоў: прафесары С. Х. Александровіч, Н. С. Гілевіч, Ф. І. Куляшоў, М. Р. Ларчанка, А. А. Лойка, І. Я. Навуменка, Л. І. Фіглоўская, дацэнты Д. Я. Бугаёў, Н. В. Галаўко, В. А. Захарава, В. В. Казлова, У. С. Карабан, Л. Л. Кароткая, І. П. Кахно, Б. П. Міцкевіч, П. І. Ткачоў, В. М. Цімафеева, М. Б. Яфімава і інш.

У 70-я гады на чатырох літаратуразнаўчых кафедрах—беларускай літаратуры, рускай класічнай літаратуры, рускай савецкай літаратуры, зарубежнай літаратуры — працавала 60 выкладчыкаў, у тым ліку 6 дактароў і 36 кандыдатаў навук. Вырасла кагорта маладых вучоных, у пару творчай сталасці ўвайшлі прадстаўнікі сярэдняга пакалення універсітэцкіх выкладчыкаў. Дысертацыі на атрыманне вучонай ступені доктара філалагічных навук абаранілі С. Х. Александровіч («Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX—пачатку XX стагоддзяў», 1971) і П. І. Ткачоў («Памфлет і яго формы. Тэарэтычныя праблемы, гістарычны вопыт, сучасная практыка», 1980). Кандыдатамі філалагічных навук сталі С. Н. Чубакоў («Праблема вайны і міру ў творчасці Л. М. Талстога», 1970), І. С. Скарапанавы («Ідэяна-мастацкія пошукі М. А. Булгакава. 20-я гг.», 1972), А. А. Станюта («Ідэя чалавека ў творчасці Ф. М. Дастаеўскага. 1840-я—1860-я гг.», 1973), У. А. Навумовіч («Проза «Маладняка», 1974), А. В. Сокалава («Асаблівасці рэалізму Буніна-празаіка дакастрычніцкага перыяду», 1975), Т. І. Шамякіна («Асноўныя стылявыя напрамкі сучаснай беларускай прозы», 1975), Г. Л. Няфагіна («Руская савецкая апавесць 60-х—70-х гадоў. Драматызацыя жанра», 1979), Л. К. Тарасюк («Фальклорныя традыцыі ў сучаснай беларускай паэзіі», 1980). Ва ўніверсітэцкім, рэспубліканскім і саюзным друку з'явіліся даследаванні універсітэцкіх вучоных, якія ўзбагацілі не толькі беларускую, але і ўсесаюзную навуку пра літаратуру.

Спецыфіка навуковай працы выкладчыка—выразная арыентаванасць яе на вучэбны працэс. Менавіта таму значную частку навуковай прадукцыі універсітэцкіх літаратуразнаўцаў складаюць выданні, звязаныя з выкладаннем літаратуры. Патрэбамі вучэбнага працэсу вытлумачваецца і выхад у свет цэлага шэрагу хрэстаматый, анталогій, зборнікаў, укладзеных літаратуразнаўцамі БДУ і, як правіла, рэкамендаваных у якасці вучэбных дапаможнікаў. На высокім навуковым і метадычным узроўні выданы «Беларуская літаратура XIX стагоддзя. Хрэстаматыя», 1971 (укладлі С. Х. Александровіч, А. А. Лойка, В. П. Рагойша); «Песні сямі вёсак. Традыцыйная народная лірыка Міншчыны», 1973 (Н. С. Гілевіч); «Беларускі фальклор у сучасных запісах. Традыцыйныя жанры», 1973

(В. А. Захарова); «Хрестоматія по введзенню в літаратураведзенне» (Выд. 2-е, 1973 (У. С. Карабан, Л. Л. Кароткая); «Лірычныя песні. Беларускі фальклор у сучасных запісах», 1976 (Н. С. Гілевіч); «Беларуская народная творчасць савецкага часу», 1978 (В. А. Захарова, Р. М. Кавалёва, В. Д. Літвінка, Р. І. Яраслаўцава); «Беларуская літаратура XIX — пачатку XX стагоддзяў. Хрестаматія крытычных матэрыялаў», 1978 (С. Х. Александровіч, В. С. Александровіч); «Древняя русская литература в исследованиях. Хрестоматия», 1979 (Л. М. Гусева, Л. Л. Кароткая); «Лірыка беларускага вяселля», 1979 (Н. С. Гілевіч). І. В. Зазека сабраў, сістэматызаваў і выдаў паэтычныя творы беларускіх партызан перыяду Вялікай Айчыннай вайны («Лясныя песні». Выд. 2-е, 1974). А. А. Лойка, які шмат гадоў з'яўляецца кіраўніком універсітэцкага літаратурнага аб'яднання «Узлёт», у 70-я гады падрыхтаваў дзве новыя кнігі вершаў універсітэцкіх паэтаў «Універсітэт паэтычны» (1971) і «Вёсны» (1977); да гэтага былі выдадзены кнігі «Узлёт» (1965), «Натхненне» (1967). Асобныя выданні выбраных твораў вядомых рускіх і беларускіх пісьменнікаў уклалі С. Х. Александровіч, Д. Я. Бугаёў, Н. С. Гілевіч, А. А. Лойка, П. І. Ткачоў, Ф. І. Куляшоў і інш. Прычым, ва ўсіх такіх выданнях яму ўкладальнікаў належаць таксама грунтоўныя ўступныя артыкулы (або пасляслоўі), разгорнутыя каментарыі да змешчаных твораў.

Нямала часу універсітэцкія вучоныя аддаюць навуковаму рэдагаванню. Так, пад агульнай рэдакцыяй М. Р. Ларчанкі (і пры яго сааўтарстве) выйшаў грунтоўны вучэбны дапаможнік «Беларуская народна-паэтычная творчасць» (1979). М. Б. Яфімава з'яўляецца сааўтарам і навуковым рэдактарам вучэбнага дапаможніка «Беларуская дзіцячая літаратура» (Выд. 2-е, 1980). Д. Я. Бугаёў — нязменны рэдактар рэспубліканскіх перыядычных зборнікаў лепшых літаратурна-крытычных артыкулаў «На арбіце часу» і «На высокай хвалі». Навукова-рэдактарскую работу актыўна вядуць Ф. І. Куляшоў, А. А. Лойка, П. І. Ткачоў, Б. П. Міцкевіч і інш.

Несумненна, адзін з найбольш цяжкіх і адказных жанраў літаратуразнаўства — падручнікі і вучэбныя дапаможнікі для вышэйшых навучальных устаноў, якія б спалучалі навейшыя дасягненні літаратуразнаўчай думкі з метадычна рацыянальнай формай выкладу матэрыялу. Універсітэцкімі літаратуразнаўцамі створаны шэраг такіх вучэбных дапаможнікаў. Імі зараз карыстаюцца студэнты не толькі БДУ імя У. І. Леніна, але і іншых універсітэтаў і педінстытутаў рэспублікі і ўсёй краіны. Гэта адносіцца, у прыватнасці, да «Лекцый по истории русской литературы конца XIX — начала XX вв.» (Том 1 — 1976; Том 2 — 1980) Ф. І. Куляшова, у якіх па-навуковаму глыбока, арыгінальна прааналізаваны літаратурныя працы Расіі некалькіх перадрэвалюцыйных дзесяцігоддзяў, дадзена грунтоўная характарыстыка творчасці буйнейшых пісьменнікаў і літаратурных плыняў. Супрацоўнікі кафедры замежнай літаратуры Н. І. Лапідус, Б. П. Міцкевіч, В. М. Цімафеева і І. В. Шаблоўская напісалі вучэбны дапаможнік «Зарубежная литература» (Выд. 2-е, 1973), у якім ахарактарызаваны важнейшыя гісторыка-літаратурныя з'явы да 1917 года, разгледжана творчасць майстроў сусветнай літаратуры, пачынаючы з эпохі антычнасці і да пачатку XX стагоддзя. Працягам гэтага выдання з'яўляецца вучэбны дапаможнік В. М. Цімафеевай і Б. П. Міцкевіча «Зарубежная литература. 1917 — 1975» (1976), адрасаваны студэнтам вячэрніх і заочных аддзяленняў філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў. В. М. Цімафеева выдала вучэбны дапаможнік «Литература европейских социалистических стран» (1979), у якім упершыню абагульнены і сістэматызаваны вялікі фактычны матэрыял з гісторыі еўрапейскіх літаратур краін сацыялістычнай садружнасці. А. А. Лойка стварыў капітальную «Гісторыю беларускай літаратуры. Дакстрычніцкі перыяд» (Частка 1 — 1977; Частка 2 — 1980), якая не мае прэцэдэнта ва ўсім беларускім літаратуразнаўстве. Напісаная ў адпаведнасці з універсітэцкай праграмай па гісторыі беларускай літаратуры XIX — пачатку XX стагоддзяў, праца А. А. Лойкі дае ў многім новы погляд на літаратурныя з'явы, уводзіць у навуковы абыходак шэраг невядомых раней фактаў, удакладняе перыядызацыю гісторыка-літаратурнага працэсу. Яна вызначаецца навуковай канцэптуальнасцю, напісана даходліва, жывой, вобразнай мовай. Пад рэдакцыяй прафесара А. Я. Супруна ўпершыню ў краіне выйшаў вучэбны дапаможнік для філалагічных факультэтаў вуну па новаму прадмету — «Введение в специальность» (1977). Некалькі раздзелаў у дапаможніку адвядзена літаратуразнаўчым праблемам (аўтар — В. П. Рагойша).

Літаратуразнаўчыя кафедры універсітэта таксама ўносяць адчувальны ўклад у распрацоўку праблем гісторыі беларускай, рускай і замежнай літаратур, міжлітаратурных узаемасувязей, тэорыі літаратуры і народнай вусна-паэтычнай творчасці. Асабліва шырока вядзецца ў БДУ вывучэнне разнастайных аспектаў гісторыі беларускай літаратуры. Дакастрычніцкаму перыяду яе развіцця прысвечаны ґрунтоўныя даследаванні Л. А. Царанкова «Францызск Скарына і яго час» (1975), С. Х. Александровіча «Пуцявіны роднага слова. Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX—пачатку XX ст.» (1971), Р. М. Семашкевіча «Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецяярбурзе. Канец XIX—пачатак XX ст.» (1971), А. А. Лойкі «Беларуская паэзія пачатку XX стагоддзя. Некаторыя заканамернасці і асаблівасці» (1972), М. Р. Ларчанкі «Жывая спадчына» (1977), К. Р. Хромчанкі «Беларуская мастацкая проза. Канец XIX—пачатак XX ст.» (1979). Надзвычай інтэнсіўна распрацоўваліся ў 1970—1980-х гадах пытанні развіцця беларускай савецкай літаратуры. У цэлым шэрагу ґрунтоўных выданняў аналізуецца творчасць буйнейшых прадстаўнікоў нацыянальнай прозы і паэзіі: Я. Купалы і Я. Коласа (зборнік «Народныя песняры», 1972, складзены з артыкулаў М. Р. Ларчанкі, І. Я. Навуменкі, А. А. Лойкі, В. В. Казловай, Л. І. Фіглоўскай, С. Х. Александровіча, Н. С. Гілевіча, Д. Я. Бугаёва, В. П. Рагойшы і інш.), К. Крапівы (Д. Я. Бугаёў «Зброяй сатыры, зброяй праўды», 1971), І. Мележа (Ф. И. Кулешов «Иван Мележ»—М., 1971; Д. Я. Бугаёў «Вернасць прызванню. Творчая індывідуальнасць І. Мележа», 1977), М. Лынькова (Ф. І. Куляшоў «Міхась Лынькоў. Жыццё і творчасць». Выд. 2-е, 1974; Яго ж «Міхась Лынькоў. Нарыс жыцця і творчасці», 1979). Асаблівасці сучаснага літаратурнага працэсу Беларусі вызначылі асноўны змест зборнікаў выбраных літаратурна-крытычных артыкулаў Д. Я. Бугаёва «Шматграннасць» (1970) і «Талент і праца» (1979), С. Х. Александровіча «Кнігі і людзі» (1976), Н. С. Гілевіча «У гэта веру» (1978), А. А. Лойкі «Паэзія і час» (1980).

Не забываюцца літаратуразнаўцы і пра сярэдняю школу. Л. А. Царанкоў і С. Х. Александровіч (у сааўтарстве) ўклалі хрэстаматыі па роднай літаратуры для 7-га і 8-га класаў сярэдняй школы, якія вытрымалі больш дзесяці выданняў. Вучням адрасавана і кніга нарысаў пра беларускіх пісьменнікаў С. Х. Александровіча «Тут зямля такая» (1974); М. Б. Яфімава выдала надзвычай патрэбны метадычны дапаможнік «Літаратурныя вечары ў школе» (1977). У кнізе В. П. Рагойшы «Гутаркі па верш. Метрыка. Рытміка. Фоніка» (1979), выдадзенай у падпісной «Бібліятэцы настаўніка беларускай мовы і літаратуры», вядзецца гаворка пра розныя аспекты гісторыі і тэорыі беларускага верша.

Значныя здабыткі маюць і літаратуразнаўцы-русісты. Пільную ўвагу звяртаюць яны на рускую класічную літаратуру. У манаграфіі Л. Л. Кароткай «На путях к атеизму» (1971) ґрунтоўна даследуюцца антыцаркоўныя традыцыі ў старажытнарускай літаратуры. Дзве працы Н. В. Галаўко—«Літаратурно-эстетические взгляды поэтов «Искры» (1972) і «Русская критика в борьбе за реализм (А. Н. Плещеев, М. Л. Михайлов)» (1980)—прысвечаны высвятленню некаторых заканамернасцей развіцця рускай крытыкі другой паловы XIX стагоддзя. Праблема антываеннай традыцыі ў рускай класічнай літаратуры лягла ў аснову трох даследаванняў С. Н. Чубакова—«Лев Толстой о войне и милитаризме» (1973), «Слово и оружие» (1975) і «Все дело жизни (Лев Толстой и поиски мира)» (1978). Глыбокае манаграфічнае даследаванне творчасці аўтара «Вайны і міру»—«Л. Н. Толстой. Из лекций по русской литературе XIX в.» (1978)—выдаў Ф. І. Куляшоў. Універсітэцкія літаратуразнаўцы ўнеслі свой ўклад і ў вывучэнне спадчыны Ф. М. Дастаеўскага (А. А. Станюта «Идея человека в творчестве Ф. М. Достоевского (1840—1860 гг.)», 1973; Яго ж «Постижение человека», 1976) і М. Я. Салтыкова-Шчадрына (зб. «Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина», 1975). І. П. Кахно даўно цікавіць літаратурнакрытычная і мастацкая творчасць першага савецкага наркома асветы А. В. Луначарскага. У савецкіх і замежных архівах даследчык выявіў шэраг неведомых дакументальных матэрыялаў, паасобныя публікацыі яго твораў. Вынікам шматгадовых даследаванняў сталі дзве манаграфіі І. П. Кахно: «Черты портрета. Страницы жизни и деятельности А. В. Луначарского (1972), «А. В. Луначарский и формирование марксистской литературной критики» (1979). Рускай літаратуры савецкага перыяду прысвечаны манаграфія Н. М. Рамашкі «Традиции и

современность» (1974), а таксама падрыхтаваныя супрацоўнікамі кафедры рускай савецкай літаратуры чатыры зборнікі артыкулаў — «Літаратура і время» (1970), «Ленин и художественная литература» (1971), «Беликий Октябрь и художественная литература» (1977), «Современные проблемы советской литературы» (1980). У артыкулах, напісаных вучонымі як старэйшага, так і малодшага пакаленняў, узнікаюцца разнастайныя пытанні развіцця савецкай літаратуры: руская літаратурная Ленініяна, народнасць і партыйнасць мастацкай літаратуры, маральна-філасофскія пошукі ў сучаснай прозе, жанравая і стыльвая шматстайнасць сучаснай паэзіі і прозы, савецкая літаратура за мяжой і інш.

Адной з самых актуальных праблем сучаснага літаратуразнаўства з'яўляецца даследаванне міжлітаратурнага ўзаемадзеяння. Традыцы такіх даследаванняў яшчэ ў першыя пасляваенныя гады заклаў прафесар універсітэта М. Р. Ларчанка (гл. яго: «А. М. Горкі і беларуская літаратура», 1951; «Гогалеўскія традыцыі ў беларускай літаратуры», 1951; «Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі суседніх славянскіх народаў у другой палове XIX стагоддзя», 1958; «Славянская супольнасць», 1963 і інш). Новая манаграфія М. Р. Ларчанкі «Яднанне братніх літаратур» (1974) прысвечана вывучэнню найбольш важных пытанняў узаемадзеяння беларускай літаратуры з рускай, украінскай, польскай, чэшскай, балгарскай, літаратурамі Югаславіі. Зусім невядомаму старонку ў гісторыі беларуска-польскіх літаратурных і грамадска-палітычных сувязей XIX стагоддзя адкрыў сваёй эўрыстычнай працай «Вальнадумец з-пад Нясвіжа Аляксандр Незабытоўскі» (1975) С. Х. Александровіч, для якога вывучэнне беларуска-рускіх, беларуска-украінскіх, беларуска-польскіх літаратурных сувязей з'яўляецца справай усяго жыцця. У манаграфіі Т. В. Кабр-жыцкай і В. П. Рагойшы «Карані дружбы» (1976) прасочаны заканамернасці ўзнікнення і развіцця беларуска-украінскіх літаратурных сувязей пачатку XX стагоддзя. Кніга літаратурна-крытычных эцюдаў Н. С. Гілевіча «Верная вялікім заповітам» (1977) з'явілася першай ва ўсім савецкім літаратуразнаўстве працай пра асаблівасці сучаснай (1956—1976) балгарскай паэзіі. Яго ж брашура «Вусная народная творчасць і сучасная лірычная паэзія ўсходніх і паўднёвых славян», выдадзеная да 8-га Міжнароднага з'езда славістаў (1978), абагульніла назіранні над многімі тыпалагічна падобнымі з'явамі ў паэзіі (вуснай і пісьмовай) большасці славянскіх народаў. Найбольш дзейная форма міжлітаратурнага ўзаемадзеяння — мастацкі пераклад. У кнізе В. П. Рагойшы «І нясе яна дар...» (1977) аналізуецца працэс узнаўлення беларускай паэзіі сродкамі рускай і ўкраінскай моў. Тэарэтычныя аспекты беларуска-руско-украінскага паэтычнага ўзаемаперакладу ляглі ў аснову яго манаграфіі «Проблемы перевода с близкородственных языков» (1980).

Тэорыя літаратуры ў БДУ імя У. І. Леніна развівалася ў апошнія дзесяцігоддзе, галоўным чынам, у трох напрамках: разглядаліся асаблівасці формы некаторых фальклорных жанраў; вывучалася спецыфіка памфлета і яго формаў; даследавалася паэтыка верша. Тэарэтычнае даследаванне фальклору ў значнай ступені стымулявалася падрыхтоўкай да выдання шматлікіх запісаў сучаснай вуснай народнай творчасці, сабранай і апрацаванай студэнтамі пад кіраўніцтвам выкладчыкаў. У 70-я гады Н. С. Гілевіч выдаў тры манаграфіі па гісторыі і тэорыі беларускага фальклору — «З клопатам пра песні народа» (1970), «Паэтыка беларускай народнай лірыкі. Слова і вобраз. Паэтычны сінтаксіс. Гукапіс і рыфма» (1975) і «Паэтыка беларускіх загадак» (1976). У манаграфіях упершыню ў беларускім літаратуразнаўстве сістэматызаваны і прааналізаваны асобныя кампаненты паэтыкі народных песень і загадак, вызначаны іх мастацкія функцыі. Асаблівасці народнай творчасці даследуюцца і ў кнізе В. А. Захаравай і В. В. Равіцкага «З жыватворных крыніц» (1970). Розныя ўзроўні паэтыкі літаратурнага і народнага верша апісаны ў «Паэтычным слоўніку» (1979) В. П. Рагойшы. Сярод іх — лексіка паэтычная, трыпы, рытміка, інтанацыя, паэтычны сінтаксіс, фоніка, рыфма, кампазіцыя, строфіка, асобныя віды верша і паэтычныя жанры. Значную вядомасць у рэспубліцы і за яе межамі набылі працы П. І. Ткачова, прысвечаныя разгляду гістарычных і тэарэтычных праблем памфлетнай творчасці. Яго манаграфіі «Иду на «вы». Заметки о памфлете» (1975), «Границы жанра» (1977) і «Сатиры злой звенящая строка. Природа смеха в памфлете» (1980) раскрываюць сутнасць памфлета як жанра, выяўляюць своеасаблівасць гэтага жанра, гістарычныя заканамернасці яго ўзнікнення і развіцця ў сусветнай літаратуры.

Такія асноўныя дасягненні літаратуразнаўцаў БДУ імя У. І. Леніна ў 1970—1980 гады. Вядома, засталася яшчэ нямаля нявырашаных пытанняў. Аднак тое, што зроблена, што дасягнута,— надзейная запорука далейшых поспехаў універсітэцкіх вучоных—гісторыкаў, тэарэтыкаў і крытыкаў мастацкай літаратуры.

І. К. GERMANOVICH

РАЗВІЦЦЁ МОВАЗНАЎСТВА У БДУ

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт з першых гадоў існавання заявіў аб сабе не толькі як вядучая вышэйшая навучальная ўстанова рэспублікі, але і як буйны даследчы цэнтр. У ім разам з іншымі галінамі ведаў адразу ж пачынае паспяхова развівацца і мовазнаўства. Нягледзячы на адсутнасць дастатковай колькасці спецыялістаў, ужо ў 20-х гадах ва ўніверсітэце былі створаны цікавыя лінгвістычныя працы, якія на той час мелі вялікае тэарэтычнае і практычнае значэнне.

Рад каштоўных артыкулаў, прысвечаных розным пытанням гісторыі і дыялекталогіі беларускай мовы, апублікаваў І. В. Воўк-Левановіч. Высокую ацэнку спецыялістаў атрымалі выдадзеныя ім у 1927 годзе на татары «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы». У іх аўтар сістэматычна выклаў першую частку (уступ і фанетыку) праграмага ўніверсітэцкага курса, чытанага на працягу 1925—1927 гадоў студэнтам этнолага-лінгвістычнага аддзялення педфака. «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» былі ўхвалены галоўным метадычным кабінетам пры Народным камісарыяце асветы БССР як вучэбны дапаможнік для вышэйшых навучальных устаноў і педагогічных тэхнікумаў.

Пад час работы ў Белдзяржуніверсітэце звыш 60 мовазнаўчых даследаванняў апублікаваў П. А. Бузук. З іх асаблівай увагі заслугоўвае выдадзеная пад грыфам Інстытута беларускай культуры манаграфічная праца «Спраба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі. Частка I. Фанетыка і марфалогія. Вып. I. Гаворкі цэнтральнай і ўсходняй Беларусі і суседніх мясцовасцей Украіны і Вялікарасіі ў першай чвэрці XX в.» (1928). Гэта першы ў славянскім мовазнаўстве дыялекталагічны атлас. Ён складаецца з 20 лінгвістычных карт і 111 старонак каментарыяў да іх. На картах паказаны межы тэрытарыяльнага пашырэння найбольш яркіх фанетычных і марфалагічных асаблівасцей беларускай народнай мовы: відаў акання, замены «а» на «о» перад «ў», пераходу «л» у «ў»; форм назоўнага склона назоўнікаў мужчынскага роду множнага ліку тыпу «ваўке», «лясэ», форм назоўнікаў творнага склона множнага ліку з аднаскладовым канчаткам тыпу «рукам», «нагам» і інш.

Нельга не адзначыць і вучэбнага дапаможніка для настаўнікаў беларускай мовы і студэнтаў лінгвістычных аддзяленняў «Асноўныя пытанні мовазнаўства» (1926), створанага П. А. Бузуком на базе яго ранейшай працы «Основные вопросы языкознания» (М., 1924). У дапаможніку даступна выкладзены такія пытанні, як прырода слова і яго ўтварэнне ў чалавечай псіхіцы, паходжанне і развіццё мовы, гукі чалавечай мовы, гукавыя змены і іх прычыны, семасіялогія, граматыка, галоўныя прынцыпы граматычнага развіцця, задачы параўнальнага мовазнаўства.

Арыгінальным для свайго часу быў падручнік для тэхнікумаў і самадукацыі А. В. Багдановіча «Беларуская мова (1926). Ад іншых тагачасных падручнікаў—практычных граматык—ён адрозніваўся як зместам, так і будовай. Гэта быў своеасаблівы тэарэтычны курс сучаснай беларускай мовы з элементамі яе гісторыі, параўнальнага і агульнага мовазнаўства. Агульнаму мовазнаўству прысвечана ўся першая частка падручніка—«Уводзіны». Яна складаецца з трох раздзелаў «Папярэднія звесткі аб мове», «Фізіялогія гукаў мовы», «Сем'і і тыпы моў». У апошнім раздзеле пасля разгляду тыпалагічнай і генеалагічнай класіфікацыі жывых і мёртвых моў свету аўтар робіць лагічны пераход да беларускай, уключаўшы такія параграфы, як «Славянская галіна і месца беларускай мовы ў яе коле», «Этнаграфічныя межы беларускай мовы і яе падмовы і гаворкі», «Літаратурная беларуская мова і яе адносіны да паасобных дыялектаў». Другая частка гэтага падручніка складаецца з шасці раздзелаў. У першым раздзеле прасочваецца працэс складвання і паступовага развіцця беларускай мовы з самай старажытнай пары да 1917 года, характарызуецца лэс і становішча яе ў розныя гістарычныя пе-

рыяды. У другім раздзеле паказваецца, якую ролю ў культурным і грамадскім жыцці народа пачала адыгрываць беларуская мова пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі, калі стала дзяржаўнай, гаворыцца аб літаратурнай апрацоўцы яе асобнымі пісьменнікамі і спецыяльнымі навуковымі ўстановамі. Апошнія часткі раздзелы другой часткі прысвечаны фанетыцы, марфалогіі, сінтаксісу і правапісу. Тут канкрэтныя факты сучаснай беларускай мовы аўтар разглядае ў супастаўленні з аналагічнымі фактамі рускай, украінскай, а часам і іншых славянскіх моў.

Працуючы ва ўніверсітэце, К. М. Міцкевіч (Якуб Колас) выдаў вучэбны дапаможнік для настаўнікаў пачатковых школ і педагогічных тэхнікумаў «Методыка беларускай мовы (1926), у якім вызначыў задачы гэтай навукі (навучыць дзяцей чытаць і пісаць, давесці да іх свядомасці сам лад роднай мовы і развіць вусную мову), даў гістарычны агляд розных метадаў навучання роднай мове, падрабязна разгледзеў важнейшыя моманты арганізацыі ў пачатковай школе заняткаў па чытанню, пісьму і граматыцы. Многія метадычныя прыёмы, апісаныя аўтарам у гэтым вучэбным дапаможніку, з часам не страцілі сваёй навуковай вартасці і могуць паспяхова выкарыстоўвацца на практыцы і цяпер.

Па пытаннях беларускага мовазнаўства ў друку нярэдка выступалі і супрацоўнікі нефілалагічных кафедр універсітэта — гісторыкі, філосафы, юрысты. Так, актуальнымі для свайго часу былі публікацыі «Белорусский язык как фактор национально-культурный» (1924) У. І. Пічэты, «З беларускага пісьменства XVII ст.» (1927) З. І. Даўгялы, «Да пытання аб беларускай юрыдычнай тэрміналогіі» (1927) П. Гаўзэ, «Беларуская праўная тэрміналогія» (1927) М. Гуткоўскага, «Да пытання аб аўтэнтычнасці тэкста закона пры раўнапраўнасці дзвюх ці некалькіх моў» (1930) М. Грэдынгера і інш.

З 1931 года мовазнаўчая работа ва ўніверсітэце была спынена, бо спецыялістаў-філолагаў пачаў рыхтаваць створаны на базе педфака Мінскі вышэйшы педагогічны інстытут. Распачалася яна зноў толькі праз восем гадоў, калі адкрыўся філалагічны факультэт. За кароткі час да пачатку Вялікай Айчыннай вайны членамі лінгвістычных кафедр філалагічнага факультэта быў апублікован рад цікавых даследаванняў па беларускай мове. Сярод іх навуковай грунтоўнасцю вызначаюцца вялікія працы Ц. П. Ломцева «Выражение главных членов предложения в белорусском языке» (1939) і «Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка» (1941). Выкананыя на багатым фактычным матэрыяле з твораў сучаснай беларускай літаратуры розных жанраў, з помнікаў старабеларускай мовы, з запісаў беларускай вуснай народнай творчасці і мясцовых беларускіх гаворак, яны з'явіліся значным укладам у тагачаснае беларускае мовазнаўства. Па тэме гэтых даследаванняў аўтар у 1943 годзе абараніў дысертацыю на атрыманне вучонай ступені доктара філалагічных навук. Ц. П. Ломцев з'яўляецца таксама сааўтарам вучэбных дапаможнікаў для вышэйшых навучальных устаноў «Сінтаксіс беларускай мовы» (1939) і «Курс сучаснай беларускай мовы. Фанетыка, марфалогія, лексіка» (1940), якія выконваліся ў Інстытуце мовы і літаратуры АН БССР.

Асабліва вялікіх поспехаў дасягнула мовазнаўства ва ўніверсітэце ў пасляваенны перыяд. Яно развівалася па некалькіх напрамках. Як і раней, галоўным аб'ектам даследавання супрацоўнікаў лінгвістычных кафедр працягвала заставацца беларуская мова ў яе пісьмовай і вуснай формах, у яе сучасным і мінулым станах. Шэраг грунтоўных навуковых прац прысвечана розным пытанням сучаснай беларускай літаратурнай мовы. З даследаванняў па марфалогіі перш за ўсё заслугоўвае ўвагі манаграфія П. П. Шубы «Прыназоўнік ў беларускай мове» (1971). У гэтай манаграфіі ўпершыню дадзена поўнае і ўсебаковае апісанне сістэмы беларускіх прыназоўнікаў як лексіка-граматычнай катэгорыі. Паказаўшы шляхі фарміравання слоў названай службовай часціны мовы, аўтар раскрыў іх марфалагічную і сінтаксічную прыроду, варыянтнасць і функцыянальныя значэнні. Па тэме гэтага даследавання П. П. Шуба ў 1971 годзе абараніў дысертацыю на атрыманне вучонай ступені доктара філалагічных навук. Багаццем фактычнага матэрыялу і пераканаўчасцю вывадаў вызначаецца манаграфія А. І. Наркевіча «Назоўнік. Граматычныя катэгорыі і формы» (1976).

Шырокую вядомасць у рэспубліцы і за яе межамі атрымалі даследаванні ўніверсітэцкіх лінгвістаў па сінтаксісу сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Спецыялістамі станоўча ацэнены манаграфіі «Пабочныя і

ўстаўныя словы, словазлучэнні і сказы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове» (1964) А. М. Базыленкі, «Сістэма словазлучэнняў у сучаснай беларускай мове. (Структурна-семантычнае апісанне)» (1972) А. І. Наркевіча, «Далучэнне ў сучаснай беларускай мове (1975) Л. І. Бурака. Па тэмах сваіх манаграфій А. І. Наркевіч у 1973 годзе, а Л. І. Бурак у 1979 абаранілі доктарскія дысертацыі.

Каштоўным даведнікам для студэнтаў-філолагаў, вучняў сярэдніх школ і выкладчыкаў з'яўляецца «Марфемны слоўнік беларускай мовы» (1975), створаны Л. М. Шакуном у сааўтарстве з дацэнтам Мінскага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага А. М. Бардовічам. Да наватарскіх па задуме і зместу можна аднесці выкананую ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР з удзелам супрацоўніка Белдзяржуніверсітэта П. П. Шубы манаграфію «Марфемная дыстрыбуцыя ў беларускай мове. Дзеяслоў» (1967). П. П. Шуба, акрамя таго, удзельнічаў у падрыхтоўцы пяцітомнага акадэмічнага «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», чатыры тамы якога ўжо выдадзены (1977, 1978, 1979, 1980). Лінгвісты ўніверсітэта А. М. Базыленка, М. Г. Булахаў, Л. І. Бурак, І. К. Германовіч, А. І. Наркевіч і П. П. Шуба прынялі актыўны ўдзел у стварэнні двухтомнай акадэмічнай «Граматыкі беларускай мовы» (т. 1, 1962; т. 2, 1966), якая падвяла вынікі навуковай распрацоўкі граматычнага ладу сучаснай беларускай літаратурнай мовы за гады Савецкай улады.

На кафедры агульнага і славянскага мовазнаўства вядзецца работа па ўкладанню «Частотнага слоўніка беларускай мовы». Слоўнік будзе складацца з пяці выпускаў, прысвечаных асноўным стылістычным разнавіднасцям яе: мастацкай прозы, публіцыстыкі, дзелавых жанраў, паэзіі і вусна-размоўных тэкстаў. Ужо выйшлі з друку два першыя выпускі (1976, 1979), падрыхтаваныя Н. С. Мажэйкай і кіраўніком гэтай навуковай тэмы А. Я. Супруном. Яны з'яўляюцца арыгінальнымі і каштоўнымі даследаваннямі, якія, несумненна, будуць карыснымі пры напісанні вучэбных дапаможнікаў па беларускай мове і пры распрацоўцы пытанняў найбольш эфектыўнага выкарыстання лексічных сродкаў беларускай мовы для перадачы розных відаў інфармацыі.

Супрацоўнікі лінгвістычных кафедраў універсітэта многа ўвагі ўдзялялі і ўдзяляюць стварэнню падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў па сучаснай беларускай літаратурнай мове для вышэйшых навучальных устаноў. Так, М. Г. Булахаў, Л. І. Бурак, А. М. Базыленка, А. Я. Бірала, М. А. Жыдовіч, А. І. Наркевіч і П. П. Шуба ўдзельнічалі ў напісанні «Курса сучаснай беларускай літаратурнай мовы» ў трох частках (Фанетыка. Арфаграфія. Лексікалогія, 1967; Марфалогія, 1957; Сінтаксіс і пунктуацыя) «Зборніка практыкаванняў па сучаснай беларускай літаратурнай мове» (1959). Гэтыя працы выйшлі пад грыфам Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР. Яны адыгралі вялікую ролю ў падрыхтоўцы спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі па беларускай мове і працягваюць выкарыстоўвацца на практыцы да гэтага часу.

М. Г. Булахаў з'яўляецца сааўтарам падручніка для факультэтаў пачатковых класаў педагагічных інстытутаў «Беларуская мова» ў дзвюх частках, які выдаваўся двойчы (ч. 1, 1961 і 1968; ч. 2, 1962 і 1968). Чатыры вучэбныя дапаможнікі для вышэйшых навучальных устаноў выдаў Л. І. Бурак: «Пунктуацыя беларускай мовы» (1969; выд. 2-е, 1976), «Зборнік практыкаванняў па сучаснай беларускай мове. Сінтаксіс і пунктуацыя» (1970), «Сучасная беларуская мова» (1974) і «Даведнік па пунктуацыі беларускай мовы» (1980). У якасці вучэбных дапаможнікаў для вышэйшых навучальных устаноў па асобных раздзелах курса сучаснай беларускай мовы выйшлі дзве працы П. П. Шубы — «Уводзіны ў граматыку беларускай мовы (1968) і «Дзеяслоў у беларускай мове» (1969), дзве працы Я. М. Камароўскага — «Беларускі правапіс» (1965) і «Беларуская мова. Арфаграфія» (1972), праца Л. М. Шакуна «Словаўтварэнне» (1978), а таксама «Зборнік практыкаванняў па сучаснай беларускай мове. Лексікалогія, фанетыка, графіка і арфаграфія» (1967; выд. 2-е, 1974) І. М. Шчарбаковай. У. М. Лазоўскі і І. В. Шадурскі выдалі метадычны дапаможнік для навучэнцаў завочных падрыхтоўчых курсаў пры ўніверсітэце «Беларуская мова» (1968), а Е. С. Мяцельская і Я. М. Камароўскі — вучэбны дапаможнік пад такой жа назвай (1974) для абітурыентаў.

Лінгвістычнымі кафедрамі ўніверсітэта многа зроблена для забеспячэння вучэбнай літаратурай агульнаадукацыйных сярэдніх школ рэспублікі. Пасляваеннае пакаленне дзяцей авалодала асновамі моўнай граматы

па падручніку для пачатковых класаў «Беларуская мова», створанаму К. І. Шапялёвічам ў сааўтарстве з А. К. Севярыёвай. Першым выданнем усе чатыры часткі (асобная для кожнага класа) гэтага падручніка выйшлі ў 1945 годзе, апошнім жа выданнем 1-я частка выйшла ў 1960, 2-я — у 1961, а часткі 3-я і 4-я — ў 1963.

На працягу дзесяцігоддзяў вучні сярэдніх і старшых класаў вучыліся па «Падручніку беларускай мовы» ў дзёных частках М. І. Жыркевіча. Першая частка (Фанетыка і марфалогія: склад слова, часціны мовы) выдавалася чатырнаццаць разоў (выд. 1-е, 1955; выд. 14-е, 1968), а другая частка (Сінтаксіс) — восем разоў (выд. 1-е, 1956; выд. 8-е, 1963). У даваенныя і першыя пасляваенныя гады агульнаадукацыйныя сярэднія школы рэспублікі карысталіся падручнікамі па беларускай мове, створанымі М. І. Жыркевічам у сааўтарстве з Ю. А. Шакалём і А. С. Карзонам, П. П. Шуба з'яўляецца сааўтарам прызначанага для сярэдніх школ Беларусі «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», які ўжо вытрымаў тры выданні (выд. 3-е, 1979).

У пасляваенныя гады ў Белдзяржуніверсітэце пачалі актыўна весціся даследаванні па стылістыцы беларускай мовы. Асабліва вялікія заслугі ў гэтым М. Я. Цікоцкага. Ён выдаў такія працы, як «Некаторыя выпадкі стылістычнага выкарыстання сінтаксічных сродкаў беларускай мовы» (1958), «Практычная стылістыка беларускай мовы» ў дзёных частках (ч. 1, 1962; ч. 2, 1965), «Стылістыка беларускай мовы» (1976). Апошняя з названых прац Міністэрствам вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР дапушчана ў якасці вучэбнага дапаможніка для студэнтаў факультэта журналістыкі і філалагічных факультэтаў універсітэтаў. У 1979 годзе М. Я. Цікоцкі абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Проблемы языка и стиля публицистического произведения».

Каштоўным дапаможнікам па культуры беларускай літаратурнай мовы з'яўляецца слоўнік паронімаў С. М. Грабчыкава «Цяжкія выпадкі ўжывання блізкіх па гучанню слоў» (1977), у якім названы лексічныя адзінкі (усяго 315) згрупаваны ў рады, растлумачаны з боку семантычнага і функцыянальнага і праілюстраваны прыкладамі з пісьмовых крыніц.

Пастаянным аб'ектам навуковых інтарэсаў універсітэцкіх лінгвістаў была і застаецца беларуская народна-дыялектная мова. На кафедры беларускай мовы разгорнута работа па ўкладанню слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак (аўтарскі калектыў: М. А. Жыдовіч, І. А. Каралёва, У. М. Лазоўскі, Е. С. Мяцельская, І. М. Шчарбакова). Ён выдаецца асобнымі выпускамі пад назвай «Матэрыялы да слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак». Ужо выйшлі тры выпускі (1970, 1974, 1977). Е. С. Мяцельская і Я. М. Камароўскі стварылі дзве вельмі цікавыя працы — «Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі» (1972) і вучэбны дапаможнік для вышэйшых навучальных устаноў «Беларуская дыялекталогія. Хрэстаматыя» (1979). Е. С. Мяцельская, акрамя таго, з'яўляецца сааўтарам яшчэ аднаго вучэбнага дапаможніка для вышэйшай школы — «Беларуская дыялекталогія», які ўжо вытрымаў два выданні (1969 і 1980). А. Р. Мурашка прымала актыўны ўдзел у стварэнні такіх вядомых акадэмічных прац, як «Дыялектны атлас беларускай мовы» (1963) і «Нарысы па беларускай дыялекталогіі» (1964). За першую з названых прац ёй і дзевяці іншым выканаўцам у 1971 годзе была прысуджана Дзяржаўная прэмія СССР.

Па розных пытаннях сучаснай беларускай літаратурнай і народна-дыялектнай мовы ва ўніверсітэце выкананы і абаронены такія кандыдацкія дысертацыі: Базыленка А. М. «Устойчивые словосочетания в языке Якуба Коласа» (1952), Хацкевіч В. Б. «Суффиксальное словообразование существительных (суффиксы лица) в современном белорусском языке» (1956), Паўленка М. А. «Словообразование имен существительных при помощи суффиксов -ств-о (-ств-а) и -ость (-осць, -асць) в белорусском языке» (1958), Шчарбакова І. М. «Формы именительного и винительного падежей существительных мужского рода множественного числа основ на -о, -іо в белорусском языке» (1961), Камароўскі Я. М. «Белорусское правописание. (К вопросу о взаимоотношении между фонетическими и морфологическими принципами в белорусском правописании)» (1965), Красной В. П. «Белорусская филологическая терминология начала XX в.» (1969), Варановіч З. Б. «Бессуффиксные существительные, соотносительные с глаголами, в современном белорусском литературном языке» (1971), Абабурка М. В. «Диалектная лексика в белорусской советской художественной прозе» (1971), Марозаў В. І. «Особенности языка произведений Фран-

тишка Богушевича» (1971), Піскун У. Ц. «Женские личные номинации в современном белорусском литературном языке. (На материале спортивной терминологии)» (1972), Міхей М. З. «Субстантивация прилагательных и причастий в современном белорусском литературном языке» (1974), Данільчык З. П. «Именительный предикативный имен существительных в современном белорусском литературном языке. (Структурно-семантический анализ)» (1974), Сямешка Л. І. «Нарицательные неизменяемые имена существительные в современном белорусском литературном языке» (1975), Камко Л. А. «Земледельческая процессуальная лексика в современном белорусском литературном языке» (1975), Глушкоўская Я. «Неопределенные местоимения в современном белорусском литературном языке» (1977), Шкраба І. Р. «Вариантность слов в современном белорусском литературном языке» (1977), Ратнікава Н. І. «Функциональные значения и стилистическая роль предлогов **аб** и **пра** в современном белорусском языке» (1980).

Вялікія поспехі дасягнуты ўніверсітэцкімі лінгвістамі ў даследаванні гісторыі беларускай мовы. Станаўленню і далейшаму развіццю складовай сістэмы, катэгорый роду і ліку назоўнікаў ад XIV да XX стагоддзя прысвечана манаграфія М. А. Жыдовіч «Назоўнік у беларускай мове. Частка І. Адзіночны лік» (1969). Па тэме гэтай манаграфіі аўтар у 1958 годзе абараніла доктарскую дысертацыю.

Дзве манаграфіі аб прыметніку выдаў М. Г. Булахаў. У манаграфіі «Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы, ч. II. Сінтаксічны нарыс» (1971) вырашаюцца праблемы сінтаксічнага функцыянавання слоў гэтага лексіка-граматычнага класа ў старабеларускай мове, г. зн. ужыванне іх у ролі выказніка і азначэння, а таксама ў ролі галоўных кампанентаў словазлучэнняў з назоўнікамі, інфінітывамі і прыслоўямі. У манаграфіі ж «Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы, ч. III. Агульнаславянская лексіка» (1973) асвятляюцца пытанні паходжання і семантычнага развіцця 250 найбольш старажытных слоў гэтай часціны мовы на фоне гісторыі слоўнікавага саставу іншых славянскіх моў. М. Г. Булахаў таксама з'яўляецца аўтарам вучэбнага дапаможніка для ўніверсітэтаў і педінстытутаў «Практыкаванні і матэрыялы па гісторыі беларускай мовы» (1956), другое, дапоўненае і перапрацаванае, выданне якога выйшла ў 1969 годзе пад назвай «Практыкаванні і матэрыялы па курсу гісторыі беларускай мовы». Многа змястоўных артыкулаў беларускаму гістарычнаму словаўтварэнню, у прыватнасці аналізу станаўлення, развіцця і функцыянавання жаночых асабовых намінацый, прысвяціў М. А. Паўленка. Вынікі сваіх шматгадовых даследаванняў гэтай праблемы ён абагуліў у манаграфіі «Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове» (1978). Па тэме названай манаграфіі аўтарам у 1979 годзе абаронена дысертацыя на атрыманне вучонай ступені доктара філалагічных навук.

Супрацоўнікі лінгвістычных кафедраў універсітэта А. Я. Бірала, М. Г. Булахаў, М. А. Жыдовіч, М. І. Карнеева-Петрулан і В. Ф. Крывіччук прымалі ўдзел у напісанні «Нарысаў па гісторыі беларускай мовы» (1957), падрыхтоўка якіх вялася Інстытутам мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР. А. І. Яновіч з'яўляецца сааўтарам акадэмічнага выдання «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» (1970), а А. Я. Супрун — сааўтарам акадэмічнага выдання «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы», т. 1 (1978).

Вялікія заслугі ўніверсітэцкіх лінгвістаў у распрацоўцы новага навуковага курсу па беларускаму мовазнаўству — гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Па гэтым курсу Л. М. Шакун стварыў першыя вучэбныя дапаможнікі — «Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (1960) і «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (1963). У 1965 годзе ён абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Развіцце беларускага літаратурнага языка». Л. М. Шакуном і В. П. Краснеем выдадзены вучэбны дапаможнік для студэнтаў філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў «Практыкум па гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (1978). Супрацоўніца ўніверсітэта А. І. Яновіч з'яўляецца сааўтарам акадэмічнага выдання «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы», т. 2 (1968).

Па гісторыі беларускай мовы ва ўніверсітэце выкананы і абаронены такія кандыдацкія дысертацыі: Мяцельская Е. С. «Лексика Супрасльской летописи» (1958), Папова Г. У. «Префиксальные глаголы в «Книгах судных дел» Литовской метрики XV—XVI вв.» (1962), Шашайтэне В. П. «Лексика Литовской метрики (книг судных дел)» (1965), Лазоўскі У. М.

«Юридическая терминология в языке белорусских письменных памятников XVI—XVII вв.» (1966), Купраэнка В. А. «Промысловая лексика в памятниках старобелорусской письменности XV—XVII вв. (Бортничество, рыболовство, охота)» (1968), Шыкаловіч А. К. «Названия родства и свойства в белорусском языке. (На материале памятников белорусской письменности XIV—XVII вв.)» (1969), Зяневіч З. А. «Названия домашних животных в старобелорусском языке. (На материале письменных памятников XV—XVII вв.)» (1970), Корчыц М. А. «Строительная лексика в языке старобелорусской письменности XV—XVII столетий» (1970), Гілевіч Н. І. «Из истории социально-экономической лексики в белорусском языке. (Названия торговых пошлин и административно-судебных платежей в письменных памятниках XV—XVII вв.)» (1971), Казачонак Т. Г. «Огородная и садовая лексика в старобелорусском языке. (На материале письменных памятников XV—XVII вв.)» (1976), Кацапаў Л. А. «Из истории земледельческой лексики в белорусском языке» (1978).

У апошні час на лінгвістычных кафедрах універсітэта шырока разгортваецца работа па даследаванню рускай мовы. Так, выйшлі манаграфіі С. О. Цаленчука «Анализ языка литературного произведения» (1971), А. І. Яновіч «Наречие в истории русского языка. Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий» (1978), А. Я. Супруна «Части речи в русском языке» (М., 1971). А. Я. Супрун таксама з'яўляецца аўтарам папулярнага нарыса для вучняў сярэдніх школ «Русский язык советской эпохи» (Л., 1969).

Універсітэцкія выкладчыкі-лінгвісты многа ўвагі ўдзяляюць падрыхтоўцы вучэбных дапаможнікаў па рускай мове. Студэнтам гістарычных факультэтаў універсітэтаў і педагагічных інстытутаў адрасаваны вучэбны дапаможнік Н. С. Мажэйкі і А. П. Ігнаценкі «Древнерусский язык» (1970; выд. 2-е, 1978), студэнтам філалагічных факультэтаў — вучэбны дапаможнікі «Современный русский язык, ч. 1. Фонетика. Лексика и фразеология» (1979) і «Современный русский язык, ч. 2. Словообразование. Морфология» (1981), створаныя членамі кафедры рускай мовы (аўтарскі калектыў: І. К. Германовіч, М. П. Дубаграева, І. А. Карабань, А. Ф. Манаенкава, А. Р. Мурашка, Н. В. Няверева, Л. А. Шаўчэнка, П. П. Шуба). М. М. Піпчанка і Л. А. Шаўчэнка з'яўляюцца аўтарамі «Пособия по русскому языку для поступающих в вузы» (1977), М. М. Піпчанка, І. А. Рабчынская і П. П. Шуба — сааўтарамі вучэбніка для 5—6 класаў школ з беларускай мовай навучання «Русский язык» (1981), А. Я. Супрун — сааўтарам вучэбніка для 4 класа школ з беларускай мовай навучання «Русский язык», вытрымаўшага ўжо многа выданняў (апошняе — 1980), а таксама вучэбніка для 7—8 класаў кіргізскіх школ «Грамматика русского языка, ч. 2. Синтаксис» (выд. 18-е, Фрунзе, 1980). Высокую ацэнку спецыялістаў атрымаў прызначаны для вучняў сярэдніх школ Беларусі «Толковый словарь русского языка» (1975), у стварэнні якога прымаў удзел П. П. Шуба.

Выдадзены таксама метадычныя і вучэбныя дапаможнікі па рускай мове для замежных студэнтаў падрыхтоўчага факультэта: «Вводный курс по фонетике русского языка для лиц, говорящих по-испански» (1962), Т. П. Плешчанкі, Л. Ф. Сакавец і А. А. Ладзкі, «Сборник текстов для развития устной и письменной речи» (1969) З. Э. Ивановой і Э. М. Мазуркевіч, «Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка. Словарь-справочник» (1975) Т. І. Анісімавай, З. Э. Ивановой і Р. В. Ульянка, «Готовимся слушать лекции по физике и химии» (1978) Э. М. Мазуркевіч.

Па рускай мове ва універсітэце выкананы і абаронены такія кандыдацкія дысертацыі: Плешчанка Т. П. «Присоединение как один из видов синтаксической связи в современном русском литературном языке. (Наблюдения над присоединением с союзами сочинительного характера)» (1960), Мажэйка Н. С. «Фразеологические словосочетания в языке романов М. А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (1961), Шаўчэнка Л. А. «Речевые средства создания комического в творчестве А. П. Чехова» (1962), Дубаграева М. П. «Бессуффиксные отглагольные существительные в русском языке XI—XVII вв.» (1970), Кузьміна Н. Б. «Морфолого-семантический очерк русской терминологии языкознания» (1971), Плотнікаў Б. А. «Дистрибутивно-статистический анализ одной лексической группы. (Слова со значением «делать» и «работа» в русском языке)» (1971), Аўласенка Н. А. «Синтаксис наречных словосочетаний в русском литературном языке второй половины XVIII—начала XIX в.» (1973), Та-

расевич Т. А. «Синтаксис сложных словосочетаний. (На материале трехкомпонентных словосочетаний с прямо переходными глаголами в роли организующего центра)» (1973), Мяжлумава А. Б. «Статистическая характеристика лексики и морфологии русских текстов по радиотехнике» (1973), Няверав Н. В. «Служебные слова как диагностирующие показатели стилей современного русского литературного языка» (1973), Сіначкіна Б. М. «Синонимические пары слов в истории русского языка. (На материале летописей XIV—XVII вв.)» (1975), Рабчынская І. А. «Синтаксический параллелизм как способ организации сложных конструкций» (1976), Кандратава Л. М. «Способы выражения объектных отношений в современном русском языке» (1976), Вальнец Т. М. «Структура русской глагольной парадигмы» (1978), Пышкала Н. К. «Конфиксация и ее место в системе современного русского словообразования. (На материале именных дистантных конфиксов)» (1978), Піч К. «Фразеология в современной русской драматургии» (1979), Шапавалова Л. І. «Формы и функции обращения в современном русском языке» (1979), Мельнікава Л. А. «Атрибутивная сочетаемость в художественной прозе А. С. Грина» (1980).

Прыкладна з канца 60-х гадоў ва ўніверсітэце пачынаюць актыўна даследавацца іншыя славянскія і неславянскія мовы. На багатым фактычным матэрыяле ўсіх славянскіх моў напісаў грунтоўную манаграфію «Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи» (1969) А. Я. Супрун. Па тэме гэтай манаграфіі ён у 1966 годзе абараніў доктарскую дысертацыю. Вялікую навуковую каштоўнасць маюць даклады А. Я. Супруна на VII і VIII Міжнародных з'ездах славістаў «Лексічная спалучальнасць у палабскай мове» (1973) і «Асноўныя праблемы палабскай семасялогіі» (1978).

На матэрыяле балгарскай і іншых славянскіх моў выканана манаграфія Б. Ю. Нормана «Переходность, залог, возвратность» (1972). Б. Ю. Норман з'яўляецца і аўтарам вучэбнага дапаможніка для студэнтаў філалагічных факультэтаў дзяржаўных універсітэтаў «Болгарский язык» (1980). Члены кафедры агульнага і славянскага мовазнаўства ўніверсітэта В. Ф. Крыўчык і Н. С. Мажэйка стварылі вучэбны дапаможнік для філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў «Старославянский язык», які ўжо вытрымаў два выданні (1970 і 1974).

Даследаваннем англійскай фразеалогіі даўно займаецца А. І. Алёхіна. Гэтай праблеме яна прысвяціла тры манаграфічныя працы: «Англо-русские идиомы» (1976), «Семантические группы во фразеологии современного английского языка» (1978) і «Краткий русско-английский и англо-русский фразеологический словарь» (1980). Па англійскай мове выдадзены такія вучэбныя дапаможнікі для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў: «English» (1967), «Пособие по переводу физических текстов с английского языка на русский» (1970), «Английский язык для физиков» (1972) Н. П. Сікорскай, «Тексты и упражнения на английском языке. Алгебра, геометрия, математический анализ, дифференциальные уравнения» (1967) Т. Ф. Каванавай, «Практическое пособие по английскому языку» (1969) і «Пособие по английскому языку для поступающих в вузы» (1971; выд. 2-е, 1975) Н. П. Сікорскай і Т. Ф. Каванавай.

Б. П. Баркоўскі выдаў некалькі вучэбных дапаможнікаў па нямецкай мове: «Практическое пособие по немецкому языку. Для 1-го курса неязыковых вузов» (1969), «Справочник для ориентирования в некоторых грамматических формах при чтении немецких текстов» (1970). Абітурыентам адрадаваны невялікі метадычны дапаможнік «Вступительный экзамен по немецкому языку» (1979), падрыхтаваны Б. П. Баркоўскім і О. М. Галай. Аўтарам «Практического пособия по латинскому языку» (1970) і «Пособия по лексике латинского языка» (1977) з'яўляецца выкладчыца ўніверсітэта Н. А. Ганчарова.

У апошні час ва ўніверсітэце разгортваюцца даследаванні беларускай мовы ў параўнанні з іншымі славянскімі і неславянскімі мовамі, перш за ўсё з рускай, вывучэнне беларуска-іншамовных кантактаў і ўзаемадзеянняў. У гэтым плане вялікую цікавасць уяўляюць манаграфіі А. Ф. Манаенкавай «Лексика русских говоров Белоруссии» (1973) і «Русско-белорусские языковые отношения. (На материале русских говоров Ветки)» (1978). Па тэме названых манаграфій А. Ф. Манаенкава ў 1974 годзе абараніла дысертацыю на атрыманне вучонай ступені доктара філалагічных навук.

Выкладчык ўніверсітэта С. М. Грабчыкаў з'яўляецца аўтарам двух прызначаных для вучняў сярэдніх школ перакладных слоўнікаў — «Рус-

ско-белорусского словаря» (1969) і «Белорусско-русского словаря» (1970), а таксама лексікаграфічнай працы «Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря» (1980), адрасаванага работнікам друку, радыё, тэлебачання, настаўнікам-славеснікам, студэнтам, вучням старшых класаў сярэдніх школ. Багаццем фактычнага матэрыялу вызначаецца даклад К. М. Гюлумянц на VIII Міжнародным з'ездзе славістаў «Фольклорные элементы во фразеологии современных славянских языков» (1978).

Па тыпалогіі славянскіх і іншых індаеўрапейскіх моў, па пытаннях узаемадзеяння беларускай мовы з іншымі славянскімі і неславянскімі мовамі ва універсітэце выкананы і абаронены такія кандыдацкія дысертацыі: Карабань І. А. «Суффиксальное образование имен прилагательных со значением степени качества и эмоциональной оценки. (На материале белорусского и русского языков)» (1958), Пінчанка М. М. «Русские и белорусские глаголы с приставкой при-» (1967), Дронь В. І. «Типологическое сопоставление отглагольных наречий в современных русском, польском и белорусском языках» (1967), Норман Б. Ю. «Возвратные конструкции в современном болгарском литературном языке» (1969), Прохарава С. М. «Синтаксис глагольных словосочетаний переходных русско-белорусских говоров Смоленщины. (Лексико-грамматическая сочетаемость двух семантических групп глаголов)» (1970), Мугалимава М. А. «Причастия в Мариинском кодексе и их соответствия в «Евангелии» В. Тяпинского» (1970), Пальцаў Г. В. «Общие элементы белорусской и польской лексики» (1973), Дарашэнка М. М. «Функциональное значение и дистрибуция усилительных частиц. (На материале русского и белорусского языков)» (1975), Зайцава Н. І. «Мифологическая лексика в чешском и словацком языках» (1975), Івашына Н. В. «Семантическая микросистема обозначения времени в праславянском языке» (1977), Галай О. М. «Бытовая лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке. (На материале письменных памятников XV—XVII вв.)» (1977), Лагіновіч Я. «Имена собственные в русской и польской фразеологии» (1978), Каношкewіч М. І. «Атрибутивные отношения в сложноподчиненном предложении. (На материале русского и белорусского языков)» (1979), Роўда І. С. «Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма» (1980), Шавалдышава Е. З. «Модификация консонантных стыков акцентных единиц фразы. (Экспериментально-фонетические исследования на материале английского языка)» (1979), Кахоўская Л. Ф. «Аббревиация как способ словообразования» (1980).

Лінгвісты універсітэта ўдзяляюць увагу пытанням выкладання беларускай і рускай моў у сярэдняй і вышэйшай школе рэспублікі, асабліва з улікам беларуска-рускага двумоўя. У гэтым плане вялікую каштоўнасць мае манаграфія А. Я. Супруна «Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе» (1974), якая дае адказы на рад актуальных тэарэтычных і метадычных праблем, хвалюючых нашу педагогічную грамадскасць.

Значныя поспехі дасягнуты універсітэцкімі лінгвістамі ў распрацоўцы пытанняў агульнага мовазнаўства. Розным кардынальным праблемам навукі аб мове прысвечаны тры выпускі лекцый А. Я. Супруна: «Лекции по языкознанию» (1971), «Лекции по языковедению» (1978) і «Лекции по лингвистике» (1980). Актуальныя праблемы агульнага мовазнаўства асвятляюцца ў манаграфіях «У. І. Ленін і пытанні эстэтыкі публіцыстычнага слова. Нарысы і даследаванні» (1968) М. Я. Цікоцкага, «Синтаксис речевой деятельности» (1978) Б. Ю. Нормана, «Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений» (1979) Б. А. Плотнікава, «Фразеологическая единица и слово. (К исследованию фразеологической системы)» (1979) А. І. Алёхінай. Аўтарам вучэбнага дапаможніка ў трох частках па агульнаму мовазнаўству для студэнтаў філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў з'яўляецца В. І. Касоўскі: «Общее языкознание. Фонетика, фонология, грамматика» (1968), «Общее языкознание. Предмет языкознания, сущность языка, язык и мышление, происхождение языка» (1969), «Общее языкознание. Учение о слове и словарном составе языка» (1974). Два вучэбныя дапаможнікі выдаў М. А. Паўленка: «Введение в языкознание» (1962) і «Краткий очерк истории письма» (1965). Акрамя вучэбных дапаможнікаў, выдадзены дзве хрэстаматыі: хрэстаматыя «Введение в языкознание» (1977), падрыхтаваная Б. Ю. Норманам і М. А. Паўленкам, і хрэстаматыя «Общее языкознание» (1976), падрыхтаваная В. І. Касоўскім.

Па пытаннях агульнага мовазнаўства ва ўніверсітэце выкананы і абаронены такія кандыдацкія дысертацыі: Цітова А. І. «Устойчивые ассоциации лексем в некоторых славянских языках» (1975), Івашка В. А. «Социолингвистический анализ ситуации выбора имени при наречении» (1978), Нікалаенка Г. І. «Онтогенез системных связей в лексике (психолінгвістычнае ісследование вербальных асоціацый)» (1979), Ухванавва І. Ф. «Отбор и семантическая обработка лексики средствами буржуазной пропаганды» (1979), Вільтоўская Я. І. «Исследование объема и состава лексики подростка» (1980).

Да цыкла даследаванняў па агульнаму мовазнаўству прымыкаюць працы па тапаніміцы. У гэтым напрамку асабліва многа зроблена В. А. Жучкевічам. Ён выдаў такія даследаванні і вучэбныя дапаможнікі, як «Происхождение географических названий (топонимика) Белоруссии» (1961), «Топонимика. Краткий географический очерк» (1965), «Топонимика Белоруссии» (1968), «Краткий топонимический словарь Белоруссии» (1974), «Общая топонимика» (выд. 3-е, 1980).

Па тэме сваіх тапанімічных даследаванняў В. А. Жучкевіч у 1975 годзе абараніў доктарскую дысертацыю. Е. М. Катонавай ва ўніверсітэце выканана і абаронена кандыдацкая дысертацыя «Гидронимия бассейна Западной Двины на территории Белоруссии» (1975).

Лінгвісты ўніверсітэта займаюцца і вывучэннем гісторыі развіцця мовазнаўчай навукі ў Беларусі. Гэтай тэме рад аглядных нарысаў прысвяціў Л. М. Шакун. Аўтарам многіх артыкулаў аб жыцці і навуковай дзейнасці беларускіх мовазнаўцаў з'яўляецца І. К. Германовіч.

У 50—70-я гады выдадзены тры выпускі ўніверсітэцкіх «Вучоных запісак» філалагічнай серыі (вып. 18, 1954; вып. 27, 1956; вып. 39, 1958), шэсць асобных лінгвістычных зборнікаў («Даследаванні па беларускай і рускай мовах», 1958 і 1960, «Лексікалогія і граматыка», 1969, «Лінгвістычныя даследаванні», 1971, «Проблемы лексикологии», 1973, «Методы изучения лексики», 1975), некалькі зборнікаў артыкулаў на мовазнаўчую і літаратуразнаўчую тэматыку («Сборник научных работ», 1967, «Вопросы литературы и языка», 1968, «Народные песни». Да 90-годдзя з дня нараджэння Я. Купалы і Я. Коласа, 1972 і інш).

З вынікамі сваіх навуковых даследаванняў мовазнаўцы ўніверсітэта часта выступаюць у розных філалагічных выданнях рэспубліканскіх і саюзных, а таксама ў зарубежных «Slavia», «Slavia Orientalis», «Język polski», «Poradnik jezykowy», «Език и литература», «Съпоставително езикознание», «Български език», «Руски и западни езици», «Palaeobulgaristica», «Slavistična revija», «Zeitschrift für Slawistik», «Zeitschrift für Kommunikationsforschung», «Russian Language. A Soviet Land Publication»). Больш трохсот мовазнаўчых артыкулаў і рэцэнзій ўніверсітэцкіх выкладчыкаў і аспірантаў змешчана толькі на старонках часопіса «Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна» (серыя IV).

Ва ўніверсітэце адбыўся міжнародны сімпозіум «Роля рускай і савецкай літаратуры ў выкладанні рускай мовы як замежнай» (1972), праведзены усесаюзныя і рэспубліканскія сімпозіумы і канферэнцыі «Тыпалогія і гісторыя славянскіх моў і ўзаемасувязі славянскіх літаратур» (1967), «Праблемы беларускай філалогіі» (1968), «Цюркскія лексічныя элементы ва ўсходніх і заходніх славянскіх мовах» (1969), «Актуальныя праблемы лексікалогіі» (1970), «Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур» (1973), «Тыпалогія славянскіх моў і ўзаемадзеянне славянскіх літаратур» (1977), а таксама некалькі ўнутрыўніверсітэцкіх канферэнцый. Матэрыялы ўсіх іх выдадзены асобнымі зборнікамі. Універсітэцкія мовазнаўцы часта прымаюць удзел у сімпозіумах і канферэнцыях, якія праводзяцца ў розных навуковых цэнтрах Савецкага Саюза і за рубяжом.

З кожным годам разгортваюцца і мацнеюць навуковыя сувязі ўніверсітэцкіх мовазнаўцаў з мовазнаўцамі зарубежных краін. Многія члены лінгвістычных кафедр Белдзяржуніверсітэта для чытання лекцый і правядзення навуковых кансультацый на кароткія і працяглыя тэрміны выязджалі ў Балгарыю, Польшчу, Югаславію, Германскую Дэмакратычную Рэспубліку, Кубу, Індыю, Малі, Фінляндыю, Францыю і іншыя краіны. Паміж мовазнаўцамі Белдзяржуніверсітэта і Іенскага (ГДР), Люблянскага (СФРЮ) і Сафійскага (НРБ) ўніверсітэтаў заключаны доўгатэрміновыя дагаворы аб навуковым супрацоўніцтве. Па плану супрацоўніцтва беларускіх і балгарскіх мовазнаўцаў ужо праведзены дзве навуковыя канферэнцыі на тэму «Беларуска-балгарскія тыпалагічныя і генетычныя

моўныя сувязі» (1976, Мінск і 1979, Сафія). Матэрыялы гэтых навуковых канферэнцый апублікаваны ў балгарскіх перыядычных выданнях «Бюлетэн за стэпаставително изследоване на българския език с други езици» (1976, № 5) і «Стэпаставително езикознание» (1979, № 2).

Работа па мовазнаўству ў Беларускам ордэна Працоўнага Чырвонага Сцягу дзяржаўным універсітэце імя У. І. Леніна набывае ўсё большы размах і няўхільна ўдасканальваецца. Вось чаму ў далейшым ад яе можна чакаць значных вынікаў, поўнасьцю адпавядаючых высокаму ўзроўню перадавой савецкай навукі.

М. У. ПИСКУНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Становление и развитие белорусской педагогической науки начинается с создания университета. На открытом в 1922 году педагогическом факультете вместо одноименной кафедры была создана предметная педагогическая комиссия, игравшая решающую роль в научных исследованиях. Возглавлял эту комиссию видный ученый, профессор С. М. Василейский. Первыми профессорами кафедры были утверждены В. Н. Ивановский (педагогика и философия) и И. М. Соловьев (педагогика). К числу основополагающих научных работ ученых университета 20-х годов следует отнести книгу профессора В. Н. Ивановского «Методологическое введение в науку и философию» (1923). В ней раскрываются методологические основы науки вообще и педагогики в частности. Интересно, что она среди немногих книг белорусских авторов привлекла внимание В. И. Ленина и была в его Кремлевской библиотеке. Общее направление педагогических исследований кафедры определил профессор И. М. Соловьев. Он подчеркивал, что в целом работа кафедры должна служить практическим целям обучения и воспитания учащихся школ. Примером практического приложения результатов научных исследований к педагогическому руководству внутришкольной деятельностью может служить его работа «Школоведение как предмет науки» (1925). Исследованию проблем детского мышления профессор С. М. Василейский посвятил книгу «Статистический метод в применении к психологии, педагогике и психотехнике» (1927). Вопросы психолого-педагогических основ умственного труда учащихся нашли отражение в книге доцента А. А. Гайворовского «Основы психотехники политехпросветработы (библиотека, клуб, школа взрослых)» (1928). Актуальным изданием тех лет была книга профессора С. М. Василейского и др. «Из теории и практики профориентации и профконсультации» (1929). Активное развитие педагогической науки в БГУ началось после Великой Отечественной войны, когда в 1946 году была создана объединенная кафедра педагогики и психологии, которую возглавил кандидат педагогических наук, автор одного из первых учебников по обществу, доцент Л. В. Шашков. Наиболее актуальными проблемами исследований того времени были дидактические основы обучения, военно-патриотическое воспитание школьников, индивидуальный подход к учащимся в процессе учебно-воспитательной работы, изучение трудов выдающихся педагогов дореволюционного и советского периодов, теоретическое наследие которых способствовало созданию основ советской педагогики.

В 60—70-е годы, когда кафедре возглавлял один из старейших деятелей народного образования республики, член-корреспондент АПН СССР, профессор С. А. Умрейко, наблюдаются существенные сдвиги в развитии университетской педагогической науки. Сам профессор С. А. Умрейко опубликовал свыше ста научных работ по проблемам дидактики, теории и практики воспитания. Он первым из белорусских ученых-педагогов положил начало систематическому исследованию проблем истории развития педагогической мысли, школы и просвещения в республике. Результаты этих исследований нашли отражение в монографии (в соавторстве с И. М. Ильюшиным) «Народное образование в Белоруссии» (1957). Пути становления и развития школы и педагогики в республике исследовались в книге «Очерки истории народного образования и педагогической мысли в Белоруссии» (1968). Три главы ее написаны С. А. Умрейко. Он был и главным ее редактором.

Значительно активизировалась и углубилась научно-исследовательская работа по педагогике в последнее десятилетие. Наметился переход к комплексным исследованиям по наиболее значимым направлениям. Одним из

них является исследование проблем педагогики средней школы и, в частности, трудового воспитания, политехнического обучения и всестороннего развития учащихся. Актуальность их особенно повысилась в современных условиях. Определяя дальнейшие задачи школы, Леонид Ильич Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии говорил, что главное сегодня состоит в том, чтобы «повысить качество обучения, трудового и нравственного воспитания в школе... на деле укрепить связь обучения с жизнью, улучшить подготовку школьников к общественно полезному труду»¹.

Разработка именно этих проблем нашла отражение в трудах профессора М. У. Пискунова. Его монографии «Политехническое обучение во внеклассной работе», «Производственное обучение в школе» оказали большую помощь школам в воспитании молодежи. Книги же «Руководство по техническому труду в школьных мастерских» являются учебными пособиями, по которым планируют и организуют занятия учителя трудового обучения многих школ республики. В докторской диссертации М. У. Пискунова «Связь обучения с трудом как фактор всестороннего развития учащихся (дидактические основы)» (1975) и монографии «Обучение и труд учащихся (педагогические основы связи)» исследованы такие важные проблемы, как социально-педагогическая сущность всестороннего развития личности и условия его практического осуществления в школе — принципы политехнизма и связи обучения с трудом школьников. Монография «Обучение и труд учащихся» опубликована в ГДР.

Исследованием психолого-педагогических основ формирования и развития учебного коллектива занимается доцент Н. А. Березовин. Им разработана тема «Влияние учителя на межличностные отношения учащихся в начальных классах». Опубликована монография (в соавторстве) («Коллектив и личность», которая в 1976 году издана в Народной республике Болгарии. Вопросы военно-патриотического воспитания исследуются доцентом Н. А. Белоусовым. Им написана монография «Педагогические основы подготовки молодежи к военной службе», ведутся исследования по теме «Педагогические основы подготовки старшеклассников к военной службе». Вопросы педагогики школы исследует доцент В. П. Мещеряков. Им опубликовано более тридцати брошюр и статей. Наиболее важные из них: «Ленинская теория отражения и критика буржуазных теорий воспитания», «Воспитание детей в семье», «Совместная работа школы, семьи и общественности по коммунистическому воспитанию», «Важнейшие этапы развития воспитания и педагогической мысли», «Братские школы Белоруссии», «Марксистско-ленинская теория познания — методологическая основа процесса обучения».

За последнее десятилетие на кафедре активизировались исследования и по проблемам истории народного образования и педагогической мысли в Белоруссии, теоретического наследия выдающихся советских педагогов Н. К. Крупской и А. С. Макаренко, проблем обучения и воспитания учащихся общеобразовательной школы и студенчества. Проведены научные исследования и по некоторым другим важным аспектам истории народного образования Белоруссии. К ним относятся темы: «Педагогическое наследие Якуба Коласа и его значение для современной школы», «Школа в Белоруссии в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1917—1925)», «Школа и педагогическая мысль в Белоруссии в годы русской революции и нового революционного подъема (1905—1917)», «Педагогическая деятельность А. Е. Богдановича и его взгляды на школу и воспитание». В тематике исследований все большее место стали занимать проблемы педагогики высшей школы. Одной из таких проблем является коммунистическое воспитание студенческой молодежи. В ее разработке принимают участие не только многие работники кафедры педагогики, но и других кафедр. Процесс внедрения научных результатов в практику воспитательной работы осуществляется в ходе самого исследования. Показателен в этом отношении сборник статей «О коммунистическом воспитании студенческой молодежи» (под ред. С. А. Умрейко), который явился важным пособием для деканатов, кафедр, партийных, комсомольских и других общественных организаций в проведении воспитательной работы среди студентов по формированию у них марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистической убежденности, непримиримости к буржуазной идеологии, чувств советского патриотизма и пролетарского интернационализма как в учебном процессе, так и во внеучебное время. Вторым таким важным пособием стала книга «Курс лекций по педагогике». В ней освеще-

щены наиболее важные темы курса дидактики, общих основ теории и практики воспитания и вопросы школоведения. В помощь преподавателям и студентам в их воспитательной работе на кафедре созданы и опубликованы работы: «Пути адаптации первокурсников к студенческому коллективу» (Н. А. Березовин), «Воспитание культуры поведения у учащихся» (В. П. Мещеряков), «Интернациональное воспитание детей в пионерских лагерях» (Л. А. Саватеева), «Пионерский сбор как важнейшая форма пионерской работы» (В. И. Шиханцова). Основные научные выводы этих работ находят широкое применение у студентов во время прохождения ими педагогической практики в школах и пионерских лагерях. Кафедра педагогики разрабатывает и одну из важнейших проблем дидактики высшей школы — «Научные основы организации учебного труда студентов и педагогического труда преподавателя». Результаты исследования по этой теме изложены в монографии «Организация учебного труда студентов». В новой пятилетке (1981—1985) коллектив кафедры педагогики сосредоточивает основное внимание на дальнейшем совершенствовании психолого-педагогической подготовки учителей в условиях университетского образования.

¹ Правда, 1981, 24 февраля.

Р. И. ВОДЕЙКО

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Общеуниверситетская кафедра психологии как самостоятельное учебно-методическое и научное подразделение выделилась 10 января 1976 года из объединенной кафедры педагогики и психологии. Научные исследования проблем психологии в Белгосуниверситете ведутся с 20-х годов. Важное теоретическое и практическое значение имели исследования вопросов психологии труда, которые проводились в психотехнической лаборатории при Наркомате труда БССР заведующим университетской кафедрой профессором С. М. Василейским, доцентом А. А. Гайваровским и сотрудником наркомата С. М. Вержболовичем. Ими в 1929 году опубликовано фундаментальное исследование «Из теории и практики профориентации и профконсультации», в котором раскрываются психологические основы профориентации, профконсультации и профотбора, дается анализ теории анкетирования, характеризуются принципы, методика и приемы определения профессиональной пригодности. С. М. Василейским и С. М. Вержболовичем были составлены психogramмы ряда рабочих профессий, а также проведены исследования по профориентации и профконсультации учащихся нескольких минских школ. Определенный вклад в развитие не только психологической, но и педагогической науки в республике внесла работа С. Василейского «Статистический метод в применении к психологии, педагогике и психотехнике» (1927). В ней проведен тщательный анализ особенностей статистического метода, охарактеризован закон больших чисел, раскрыта методика обработки результатов психологического и педагогического экспериментов и других методов исследования. О книге доцента А. А. Гайваровского «Основы психотехники политпросветработы» (1928) профессор К. Н. Корнилов писал: «Автора... надо поблагодарить за то, что он отозвался в столь нужный момент на запросы времени своим... обширным и... серьезно обоснованным трудом»¹. Эта работа А. А. Гайваровского была особенно полезной в то время, когда ощущалась острая потребность в исследовании прикладных проблем психологии, связанных с политическим просвещением масс и научной организацией труда тех, кто занимается этим важным делом.

В 30-е годы ученые университета исследуют методологические вопросы психологии и участвуют в философской дискуссии, направленной против антимарксистских концепций механицизма, субъективизма и др. Ими опубликован ряд книг, сборников и статей по актуальным проблемам психологической науки. Работу психологов университета прервала Великая Отечественная война. В 1946 году была создана объединенная кафедра педагогики и психологии БГУ, но не хватало специалистов-психологов. В связи с этим в 1947 году на филологическом факультете было создано отделение логики, психологии и русского языка. Курс общей психологии на этом отделении долгое время читала кандидат психологических наук,

доцент Е. П. Ересь. Она написала ряд работ по различным аспектам сложной проблемы «Психология личности и учебно-воспитательного процесса». Ее книги «Индивидуальный подход к учащимся в процессе учебно-воспитательной работы» (1955), «Недисциплинированность школьников, ее причины и пути устранения» (1957), «Организация внимания в учебно-воспитательном процессе» (1974) стали настольными для учителей средней школы. Доцент Е. П. Ересь принимала активное участие в создании ряда учебников и учебных пособий, была великолепным популяризатором психологической науки.

Большое внимание уделяется на кафедре изучению вопросов генетической психологии. В 1968 году Р. И. Водейко защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Ранние этапы онтогенеза речи», в которой обобщен многолетний опыт изучения закономерностей и механизмов развития речи и умственной деятельности ребенка раннего возраста. По материалам исследования им опубликованы работы, в которых раскрываются особенности психического развития и методики воспитания детей в первые годы их жизни, закономерности роста словаря ребенка, механизмы усвоения детьми элементов грамматического строя, этапы формирования содержания слова ребенка. Проблемам генетической психофизиологии посвящен ряд работ кандидата биологических наук доцента Л. А. Гуринович, в которых проанализированы возрастные изменения физиологических механизмов памяти.

Проблему «Психология и физиология труда» исследует кандидат биологических наук доцент Кулак И. А. Он опубликовал монографии «Физиология утомления при умственной и физической работе человека» (1968), «Психические и физиологические функции организма человека и система НОТ» (1974). В первой работе раскрываются механизмы перенапряжения корковых процессов, быстрота их протекания, характеризуется прочность нервных условных связей у людей разного возраста, анализируются причины падения работоспособности человека. Во второй монографии изложены методы комплексного изучения функций организма в производственных условиях. По результатам исследований, проведенных на предприятиях республики, дается обоснование методов оценки производственного режима и отдыха работника, что имеет определенное значение для создания системы научной организации труда.

Проблеме психологии умственного труда посвящены исследования доцента Яновского М. З. Кандидат психологических наук доцент Л. Н. Дичковская исследует проблемы психологии речи. Вопросы психологии речи и мышления исследуются также кандидатом наук Г. М. Кучинским. Л. Н. Дичковская — одна из редакторов и авторов коллективной монографии «Студент и его деятельность» (1978), в которой представлен материал исследованных ею вопросов коммуникальной деятельности студентов и их взаимоотношений в академической группе.

К научно-исследовательской работе привлекаются и студенты. Кафедрой организована работа секции психологии на ежегодных студенческих научных конференциях; большую роль в приобщении студентов к психологической науке и в повышении эффективности учебно-воспитательного процесса играют кружки, которыми руководят доценты Р. И. Водейко и И. А. Кулак, преподаватель С. П. Цуранова, ассистент кафедры Л. П. Новицкая. Здесь студенты изучают методы психологической диагностики, методику электроэнцефалографических исследований, методику аутогенной тренировки, овладевают навыками «динамического» чтения, выступают с научными докладами. Работы студенток Р. Н. Валиевой «Восприятие времени действия непрерывных, прерывно-ритмических и прерывно-аритмических раздражителей разной модальности» и Н. А. Цыркун «Экспериментальное исследование проявлений настойчивости у детей старшего дошкольного возраста» удостоены на всесоюзных конкурсах медалей Минвуза СССР и ЦК ВЛКСМ.

В последнее время, когда в учебный процесс широко стали внедряться технические средства и программное обучение, сотрудники кафедры включились в коллективное исследование актуальных вопросов психологии обучения студентов с помощью автоматизированной системы на базе ЭВМ. Перспективная линия научных исследований кафедры на одиннадцатую пятилетку — психологические аспекты повышения эффективности педагогического процесса в вузе.

¹ Цит. по: Гайваровский А. А. Основы психотехники полтпросветработы.— Издание секции научных работников БССР, 1928, предисловие.

КУЗНИЦА ЖУРНАЛИСТСКИХ КАДРОВ БЕЛОРУССИИ

История подготовки кадров средств массовой информации и пропаганды в республике восходит к Коммунистическому университету Белоруссии имени В. И. Ленина, основанному в октябре 1925 года на базе Центральной совпартшколы. В мае 1931 года на педагогическом факультете Белорусского университета было открыто газетно-издательское отделение. 1 сентября 1932 года начались занятия в Коммунистическом институте журналистики имени С. М. Кирова. Учащиеся газетно-издательского отделения университета стали его первыми студентами. Это учебное заведение сыграло значительную роль в подготовке журналистских кадров для белорусской прессы в предвоенный период. Среди его воспитанников — Герой Советского Союза Владимир Амелянюк — редактор подпольной «Звезды», которая издавалась в Минске, Михаил Барашков — редактор подпольной «Звезды» и «Чырвонай змены», издававшейся в партизанском крае (он погиб на боевом посту 21 февраля 1944 года), Геннадий Будай — ныне редактор журнала «Коммунист Белоруссии» и многие другие.

Преподаватели и воспитанники института журналистики мужественно боролись с фашистскими оккупантами на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанских отрядах. Война прервала подготовку журналистских кадров в республике. В августе 1944 года ЦК ВКП(б) принял Постановление «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения». В нем было сказано: «Создать при Белорусском университете факультет журналистики для подготовки квалифицированных работников печати». Для специальной подготовки журналистов была создана кафедра партийно-советской печати. Многотиражная газета университета стала базой учебной практики, творческой лабораторией студентов, где они приобретали навыки газетной работы. В 1946 году на факультете обучалось 143 человека. Свыше 90% студентов первых послевоенных лет были демобилизованные воины, бывшие подпольщики и партизаны. Многие из них имели опыт газетной работы. В 1947 году факультет журналистики из-за отсутствия преподавательского состава был преобразован в отделение филологического факультета. Первый выпуск журналистов состоялся в 1948 году. Выпускников было всего 11 человек.

За время существования факультета (отделения) его окончило около 3000 человек. Выпускники факультета работают во всех многотиражных, районных, объединенных, областных и республиканских газетах, на радио, телевидении, в издательствах, журналах, БЕЛТА, партийных и советских органах. Среди них — второй секретарь ЦК КПБ В. И. Бровиков; заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ, кандидат исторических наук С. Е. Павлов; заместитель председателя Совета Министров БССР Н. Л. Снежкова; заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ В. А. Коленчиц; Герой Советского Союза, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института партии при ЦК КПБ А. А. Филимонов; заведующий корреспондентским пунктом газеты «Правда» по Белоруссии, лауреат премии имени П. Н. Лепешинского, писатель И. Г. Новиков; заведующий корреспондентским пунктом газеты «Известия» по Белоруссии, драматург Н. Е. Матуковский; редактор газеты «Советская Белоруссия» А. К. Зинин; редактор газеты «Чырвонай змена» Н. И. Колесник; редактор газеты «Знамя юности» М. П. Катюшенко; доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР В. М. Сикорский; министр культуры БССР Ю. М. Михневич; председатель Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли М. И. Делец; председатель Государственного комитета Совета Министров БССР по кинематографии В. В. Матвеев; председатель Гостелерадио БССР Г. Н. Буравкин и другие. Среди воспитанников факультета немало заслуженных работников культуры БССР, лауреатов премии Союза журналистов СССР, поэтов и писателей. Имена Николая Аврамчика, Ивана Новикова, Владимира Павлова, Ивана Пташникова, Георгия Шиловича, Янки Сипакова, Василя Зуенка известны за пределами республики. Три секретаря Союза писателей — Иван Чигринов, Борис Саченко, Анатолий Вертинский — тоже выпускники факультета журналистики.

Ныне на факультете работают четыре кафедры: истории журналистики, советской журналистики, стилистики и литературного редактирования, радиовещания и телевидения. Если в 1946—1947 учебном году на факультете работали только два преподавателя, которые читали спецдисциплины, то сейчас 37 преподавателей. Из них—6 докторов и 16 кандидатов наук, доцентов. Кроме того, ежегодно приглашаются для чтения лекций и проведения практических занятий, руководства курсовыми и дипломными работами, для проведения курса «Журналистское мастерство» более 50 практических работников средств массовой информации и пропаганды.

На современном этапе коммунистического строительства значительно возросла роль печати, радио и телевидения. Естественно, возросла и роль работников газет, журналов, радиовещания и телевидения, издательств, телеграфных агентств. Значительно повысилась ответственность факультетов и отделений журналистики университетов, которые призваны готовить высококвалифицированные кадры работников прессы. Вот почему только за последние годы принят ряд постановлений, которые непосредственно касаются вопросов подготовки и переподготовки журналистских кадров. Чрезвычайно важным среди них является Постановление ЦК КПСС от 20 января 1975 года «О мерах по улучшению подготовки и переподготовки журналистских кадров». В соответствии с ним были изданы приказы министра высшего и среднего специального образования СССР № 310 от 21 марта 1975 года «О мерах по улучшению подготовки журналистских кадров» и министра высшего и среднего специального образования БССР № 274 от 3 июня 1975 года «О мерах по улучшению подготовки журналистских кадров в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина».

Коллектив факультета журналистики БГУ имени В. И. Ленина принял все эти постановления и приказы как документы огромной важности. Был составлен подробный план мероприятий по выполнению решений XXVI съезда, постановлений ЦК КПСС и ЦК КПБ, приказов министров высшего и среднего специального образования СССР и БССР. Большое внимание стало уделяться набору студентов на все формы обучения. Ежегодно организуются поездки преподавателей факультета в районы и области для выступлений перед селькорами, редакционными коллективами, работает школа юного корреспондента при факультете и газетах «Чырвоная змена» и «Знамя юности», проводятся «Дни открытых дверей» для молодежи города Минска и сельских школ. Особое внимание обращается на экономическую подготовку будущих журналистов. Научно-техническая революция, ускорение темпов технического развития значительно усложняют обязанности работников прессы. От журналиста требуется быстрая оценка и интерпретация факта. Она может быть дана им, если последний обладает большими познаниями. Учитывая это, деканат и кафедры факультета приложили много усилий для перестройки всего учебного процесса. В соответствии с новым учебным планом разработаны и читаются курсы: «Основы экономики и анализа хозяйственной деятельности социалистических предприятий», «Научные основы управления и планирования народного хозяйства», «Научные основы пропаганды и методы идеологической работы», «Социальная психология», «Введение в журналистику», «Критика теории и практики буржуазной журналистики».

Кафедры подготовили и читают новые спецкурсы и ведут спецсеминары: «Очерк и фельетон», «Актуальные вопросы публицистики», «Актуальные вопросы радиовещания и телевидения», «Редактирование радио и телепередач», «Сценарное дело», «Проблематика радио- и телевизионных выступлений», «История белорусской журналистики», «В. И. Ленин—редактор и публицист», «Публицисты ленинской школы» и др. По всем спецкурсам кафедрами разработаны и утверждены на совете факультета программы.

Для студентов 4-го курса введена новая форма профессионального обучения—индивидуальная работа по журналистскому мастерству. Ее проводят наиболее квалифицированные работники редакций газет, журналов, Гостелерадио, БЕЛТА, издательств.

Улучшаются и совершенствуются средства обучения. На факультете созданы теле- и радиолaborатории, кабинет машинописи, кабинет фотодела, создается типолаборатория. Ежегодно студенты просматривают около ста кинофильмов, киножурналов, диапозитивов, видеозаписей.

Большое внимание деканатом, кафедрами уделяется организации и проведению ознакомительной, производственной и преддипломной практик. На факультете ведется непрерывная круглогодичная практика, суть которой заключается в том, что плановая практика в редакциях газет, журналов, на радио и телевидении, издательствах, БЕЛТА сливается в единый процесс с практическими заданиями по курсам теории и практики советской журналистики и теории и практики радиовещания и телевидения. Улучшилось использование учебной газеты «Журналист», которая играет существенную роль в подготовке журналистских кадров. Выпуск учебной газеты — одна из форм непрерывной практики.

Большое внимание уделяется организации учебных программ радио и телевидения. Каждый преподаватель кафедры радиовещания и телевидения готовит со студентами I, III, IV и V курсов по четыре — пять учебных программ. Тематика их усложняется от курса к курсу. За последние два года студенты и преподаватели кафедры радиовещания и телевидения подготовили свыше 80 радио- и телепередач.

Ныне коллектив преподавателей факультета работает над проблемами истории белорусской журналистики и партийно-советской печати, теории и практики современной печати и современной публицистики, теории и практики радиовещания и телевидения, языка и стиля публицистических жанров. Центром научных интересов была и остается ленинская тематика.

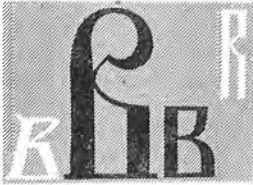
За две последние пятилетки преподавателями факультета журналистики опубликовано свыше 700 печатных листов научной продукции, а также свыше 50 листов художественной литературы. Кроме этого, ими напечатано много статей, очерков, рецензий в республиканских и областных газетах, много материалов передано по радио и телевидению. За это время опубликовано 19 монографий и брошюр. Сюда входят «Газета и мораль», «Публицистичность информационных жанров», «Аналитические жанры» профессора Б. В. Стрельцова, «Стилистика публицистических жанров», «Созвучие слов живых», «Заметки по стилистике художественной литературы» профессора М. Е. Тикоцкого, «Система словазлучэнняў у сучаснай беларускай мове», «Существительное. Грамматические категории и формы» профессора А. И. Наркевича, «В кадре и за кадром», «Время, экран, критика», «Кинолента длиною в жизнь», «Кино Советской Белоруссии» профессора Е. Л. Бондаревой.

Большое количество монографических исследований, брошюр, научных статей издано преподавателями кафедры истории журналистики. Среди них «История белорусской журналистики» (авторам ее присуждена премия Союза журналистов СССР), «Ленинской гвардии солдат», «К. С. Еремеев — революционер, публицист», «Оружием слова», «Кузьма Чорны — публицист», «Платон Головач — публицист», «П. Н. Лепешинский», «Хрестоматия по истории белорусской советской публицистики», «Публицистика белорусских писателей в годы Великой Отечественной войны», «Печать Западной Белоруссии», «Голос революционной молодежи», «Книгоиздательское дело в Белоруссии» и многие другие.

Успешно работают преподаватели кафедры радиовещания и телевидения над исследованием проблем теории и практики белорусского телевидения и радио. Доцент Н. Т. Фрольцова опубликовала монографию «Телевидение: хроника, документ, образ», доцент Е. Г. Радкевич «Молодежная радиопрограмма».

Научно-исследовательская работа студентов координируется пятью научными кружками: истории журналистики, советской публицистики, литературно-художественной критики, стилистики, радиовещания и телевидения. В этой работе участвуют около 200 студентов. Немало студентов участвует в различных конференциях и смотрах. Оригинальные научные работы и творческие выступления студентов публикуются в выпускаемом вот уже несколько лет альманахе «Творчество журналиста».

Журналист — это прежде всего активный боец партии. Он должен быть политически закаленным человеком, знать законы общественного развития, владеть научным способом мышления, анализа фактов. Ему необходим разум, ясность во взглядах, хороший стиль, много знаний. Именно таких журналистов стремится готовить коллектив работников факультета.

А. Н. ЛЕМЕШЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М. М. ФИЛИПОВА И ПОЗИТИВИЗМ

Видный общественный и литературный деятель, крупный ученый-энциклопедист, основавший в 1894 году один из первых в России научно-философских журналов «Научное обозрение», М. М. Филиппов (1858—1903) испытал на себе, особенно в 80-е годы, сильное влияние философии позитивизма. Это влияние сказалось и на его эстетических воззрениях.

Пристальное внимание Филиппова к эстетическим проблемам своего времени было продиктовано стремлением к универсальному изучению действительности. К началу 80-х годов, времени вступления Филиппова на журналистское поприще, в русской литературной критике, где традиционно вырабатывалась и оформлялась эстетическая мысль, не было общепризнанного лидера, подобного Белинскому в 40-е или Чернышевскому и Добролюбову в 50—60-е годы XIX века. И хотя идейное наследие революционных демократов продолжало оставаться важнейшим слагаемым общественной и литературной жизни 80-х годов, неудачи и разочарования, постигшие к тому времени передовое общественное движение, в определенной мере наложили отпечаток и на характер восприятия теоретического наследия вождей революционной демократии. Не говоря уже о реакционной критике, даже в народнической, эволюционирующей к либерализму, постепенно слагается мнение о якобы излишнем максимализме, этническом ригоризме, утилитаризме учений предшествующих десятилетий.

Отказ от действенной, революционной эстетики 40-х и 60-х годов слышался то в призыве к мелкому, эмпирическому описательству, при котором заранее исключалась возможность проникнуть в суть изображаемого явления¹, то в широковещательной программе показать весь божий мир «во всей его красе»² вместо убогой обстановки бедняка, на которую ориентировала поэтов и писателей революционно-демократическая эстетика, то в прямом отказе от сатирического, обличительного начала в литературе³. В журнальной критике этого периода доминируют постепенность, умеренность, демонстративное отстранение от всякой резко протестующей мысли. На место ослабевающему идейному воздействию Белинского, Чернышевского и Добролюбова приходит наиболее соответствующий постепенновской идеологии позитивизм.

Начало литературно-критической деятельности Филиппова, в том числе и его изыскания в области теории искусства, отмечены несомненным воздействием позитивистской идеологии. Ничем иным, кроме позитивистского влияния, нельзя объяснить суждения Филиппова о Белинском в статье «По поводу писем Гоголя»⁴. Литература, искусство должны отражать жизнь. Жизнь первична, искусство вторично, утверждает Филиппов, не противореча пока ни материалистической, революционно-демократической эстетике, ни позитивному взгляду на искусство. Чуть заметный крен в сторону позитивизма Филиппов делает далее, разрешая вопрос о степени взаимодействия живой жизни, действительности и искусства. Если для революционно-демократической эстетики процесс воспроизведения жизни неизменно включал в себя поиск, поэтизацию, а зачастую и утверждение

новых положительных героев и идеалов, до которых должно подтягиваться, дорастать большинству, то позитивистская теория искусства больше тяготела к пассивному, созерцательному отражению действительности, в которой общественный прогресс складывается из бесконечно малых и в силу этого медленных изменений, совершающихся в массе. Ориентируясь на позитивистскую идеологию, Филиппов утверждает, что Белинский и его единомышленники в России, глубоко понимая и ценя «то умственное и общественное движение, которое господствовало в Европе», плохо или, во всяком случае, недостаточно понимали то, что происходило у себя дома. Страстное желание ускорить ход истории обернулось для Белинского тем, что он и его соратники «слишком возвысились над религиозно-нравственными и общественными идеалами массы»⁵, утратили чувство меры и времени. В результате этого «при всей своей любви к народу» они порою доходили даже «до отчаяния в его будущности»⁶. Их образ мыслей, их взгляд на отношение искусства к действительности породили, по мнению Филиппова, негативные последствия в русской литературе. Главнейшее из них — пессимизм, неверие в способность народа к быстрому, прогрессивному развитию. Влияние этого взгляда, считает Филиппов, до сих пор отражается, например, в сатире Щедрина, сочинениях Г. Успенского, которые так же, как и Белинский, глубоко чувствуют, горячо любят народ и поэтому, требуя от него «слишком многого», отчаиваются и впадают в пессимизм.

Филиппов не осуждает, но вместе с тем и не приветствует критическое, обличительное направление в русской литературе, которое, как ему кажется, явилось более следствием внешних влияний, чем органического развития. Новым ориентиром Филиппова более соответствует Л. Толстой с его проповедью внутреннего самоусовершенствования, критическим отношением не столько к внешним обстоятельствам, общественным учреждениям и другим людям, сколько к своей собственной личности. Отталкиваясь от мысли о том, что наиболее естественным, органическим и здоровым состоянием человека является стремление к усовершенствованию, порождающее постоянную жажду знаний, потребность неустанный труда, Филиппов пробует убедить читателей, что именно толстовское отношение к жизни и его творчество как самовыражение высоко нравственной личности и есть жизненный и эстетический идеал.

Таким образом, всестороннее совершенствование человека, а следовательно, и всего человеческого общества, совершающееся в силу внутренней потребности каждой отдельной человеческой личности, и отражение всего многообразия такой жизни в литературе и искусстве, — вот наиболее общие требования Филиппова к жизни и искусству, сложившиеся у него в начале 80-х годов не без влияния позитивизма. Это влияние, например, в статье «По поводу писем Гоголя» проявилось, с одной стороны, в осуждении «вождистской», направляющей роли критики 40-х годов, с другой — в ориентации читателей и деятелей искусства на естественность, органичность и правдивость только что вышедшей в свет толстовской «Исповеди» как образец такой достоверности в области искусства, где художественный вымысел становится такой же непреложной истиной, как и самый непреложный факт в вещественном, материальном мире.

Оригинальность позитивистской позиции Филиппова заключалась, однако, в том, что, приветствуя, поддерживая и популяризируя эволюционный метод в науке, истории и искусстве, он в то же время ясно осознавал еще в 80-е годы незавершенность и уязвимость учения О. Конта. Филиппов отверг контовское пожелание исключить из поэзии описание природы на том якобы основании, что «наука непровержимо доказала» ее «крайнее несовершенство». Соглашаясь с Контом в том, что «истинно-эстетический дух» должен «воспевать чудеса рук человеческих, победу над природой», Филиппов справедливо замечает, что описание и даже поэтизация природы никогда не смогут оказаться лишними в искусстве хотя бы потому, что природа извечно была и будет средой, «в которой происходит развитие общества и индивидуума»⁷. С другой стороны, в силу объективности существования прекрасного в природе, глубинное освоение законов природы с помощью науки, по мнению Филиппова, не может не способствовать одновременно и эстетическому освоению мира. «... Стоит последовать за Шлейденом в дремучий лес, или за Тиндалем на вершины Альпийских гор, чтобы убедиться в том, что естествознание вовсе не чуждо поэзии»⁸, — писал Филиппов. Оговорившись, что он ве-

дет речь не о бессмысленном «воспевании» ручейков, Филиппов настаивает на том, «чтобы всякий художник прежде всего имел обширные сведения по естествознанию, которых не заменит никакой талант»⁹.

Не принимал Филиппов и контовское стремление «поставить границы объективному исследованию вселенной», настойчивое желание возвысить научный, рационалистический способ познания мира над чувственным, эмоциональным. По его мнению, истину обретет лишь тот, «кто обладает не только познаниями ученого, но и тою впечатлительностью и восприимчивостью, которая свойственна великим поэтам, беллетристам и драматургам»¹⁰. Иная страница Шекспира, указывает Филиппов, «стоит любого психологического или политического трактата»¹¹.

Незавершенность учения Конта сказалась, по мнению Филиппова, и на решении такой издревле волновавшей лучшие умы человечества проблемы, как соотношение «добра» и «зла», любви и ненависти, сотрудничества и борьбы. Одностороннее упование основателя позитивизма на просвещение и альтруизм, без учета классового характера человеческого общества, вызывало у Филиппова сомнение и недоверие. Он критикует ошибочные положения позитивистской теории искусства.

¹ См.: Косич А. Культурная жизнь.— Век, 1883, № 1, с. 33.

² См.: Залетный И. Критические беседы.— Русское богатство, 1891, № 11, с. 160.

³ См.: Русская мысль, 1884, № 10, с. 5.

⁴ См.: Филиппов М. М. По поводу писем Гоголя.— Век, 1884, кн. 1, отд. II, истор., с. 1—17.

⁵ Там же, с. 4.

⁶ Там же.

⁷ Век, 1883, февраль, отд. VIII, с. 60.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, апрель, с. 88.

¹¹ Там же.

Л. А. ВАНКОВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ НАДЕЖДЫ ТЕПЛОВОЙ

В курсе истории русской литературы XIX века есть раздел «Поэты пушкинской поры». В нем представлено творчество друзей, учеников и последователей величайшего из поэтов — Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига, Д. В. Веневитинова, Н. М. Языкова, Д. В. Давыдова, П. А. Вяземского; рассматривается специфика, своеобразие творчества каждого из них. Но в программе курса даже не упоминаются ни Е. П. Растопчина, ни Н. С. Теплова, как не упоминаются и поэтессы середины и конца XIX века.

Чтобы восполнить отмеченный пробел хотя бы частично, обратимся к творчеству Надежды Тепловой, о которой с чувством симпатии писал В. Г. Белинский, кстати впервые обративший внимание на литературную деятельность русских женщин.

Перечитывая стихотворения Тепловой сегодня, нельзя не заметить, что у нее был свой поэтический голос, своя лирика, которая в силу присущих ей особенностей могла появиться только после Пушкина и никак не ранее.

Теплова прожила короткую жизнь, о которой мы мало что знаем. Надежда Сергеевна Теплова (по мужу Терюхина) родилась в 1814 году в Москве. Писать начала рано. Ее первое стихотворение увидело свет, когда юной поэтессе было тринадцать лет. В 1827 году в журнале «Телеграф» было опубликовано ее стихотворение «К родной стороне». Позднее стихотворения Тепловой печатались в «Отечественных записках», «Телескопе», «Московском наблюдателе», в альманахах «Северные цветы», «Денница», «Киевлянин» и ряде других изданий. Трижды ее произведения выходили отдельными книжками (в 1833, 1838 и 1860 годах, последняя уже посмертно). По-видимому, тираж их был очень невелик, потому что сегодня трудно разыскать хотя бы один экземпляр. В Государственной библиотеке Союза ССР имени В. И. Ленина хранится тоненькая книжечка «Стихотворений» Тепловой 1860 года издания. В нее вошло немногим более 80 произведений, да так называемые «Биографические известия», которыми мы пользовались при подготовке настоящей статьи¹.

Все стихотворения Тепловой глубоко лиричны, эмоциональны, пронизаны настоящим чувством. Из них можно кое-что узнать о жизни поэтессы и еще больше — о ее мыслях и настроениях и без труда представить себе ее духовное и нравственное развитие. Первое стихотворение молодой поэтессы «К родной стороне» слабее остальных. Другое стихотворение «Безнадежность» немногим больше первого, но значительно интереснее по содержанию и богаче по форме, хотя написано всего лишь годом позднее (1828). Правда, рифма и здесь не отличается разнообразием и не всегда четка и выразительна. Порой рифмуются одни и те же части речи и в одних и тех же формах (мечтой — душой, упования — желанья). Зато все остальные рифмы гораздо более выразительны и благозвучны и дышат удивительной свежестью: налетали — печали, унесла — мгла, дикий — повилики. Замечательно, что у 14-летней поэтессы чаще рифмуются различные части речи, что свидетельствует о неплохом знании ею основ версификации, теории стихосложения.

Конечно, здесь еще чувствуется школа, однако хорошая, пушкинская школа. До Пушкина так писать не умели, но хуже писать после Пушкина уже было нельзя.

Еще совершеннее стихотворение 16-летней поэтессы «К***», в котором звучит юная непосредственность, неподдельное человеческое чувство. Оно и становится подлинной поэзией.

Как чуден блеск твоих очей!
 Как сладостно твое дыханье!
 Как каждый звук твоих речей,
 Меня влечет очарованье;
 Тревожит дух, волнует грудь,
 На сердце падает тоскою, —
 Мне страшно на тебя взглянуть,
 Мне страшно встретиться с тобою.

Тема любви — главная в лирике Тепловой. Два ее стихотворения называются «Любовь», из которых одно датировано 1831 («Любовь, небес святое слово!..»), а другое — 1846 годом («Мечта моя, мною любимая...»). В первом 17-летняя девушка заявляет, что она не снесет «душою утомленной» «земных оков», признается, что «земная келья» томит ее, но что и умрет она с любовью. Во втором 32-летняя женщина, умудренная жизнью и опытом, говорит о любви как о мечте, все еще согревающей душу очистительным огнем.

Большим и глубоким чувством пронизаны другие стихотворения, а среди них — «Видение» (1830) — типично романтическое по содержанию и форме. В нем рассказывается об удивительной, необыкновенной любви (другой у романтиков и быть не может) — любви-мечте, любви-сновидении. Стихотворение повествует о возлюбленном, который «не был жителем земным». Он «светлый гений», «виновник новых вдохновений», сама поэзия. Едва ли не лучшим из известных можно признать стихотворение «Слезы» (не датировано):

Нет! мне не жаль минувших дней, Дней первой юности моей, Ни ясно-пламенных желаний, Живых надежд, блестящих грез И романтических мечтаний. Мне жаль моих горячих слез, Их было так несчетно много! Не раз, избытком чувств дыша,	В них выливалась душа И сердца смутная тревога; Но их весны моей фиал, Как дань, как жертву принимал. Теперь утраты, скорби те же; Но слез тех нет, я плачу реже, И гнет существенных скорбей Теперь мне вдвое тяжелей.
---	--

Нетрудно заметить, что это стихотворение написано зрелым мастером, который шел к реализму. Об этом убедительно свидетельствуют художественные средства, в частности, эпитеты. Правда, здесь еще встречаются «ясно-пламенные» желанья, как и «романтические» мечтания и им подобные образные выражения нереалистического стиля. Но, во-первых, разговор ведь идет о таком тонком и красивом чувстве, как любовь, которое трудно передать чисто реалистическими средствами, а, во-вторых, иногда и сквозь эмоциональные эпитеты проглядывает реалистическая суть. Если еще можно спорить относительно выражений типа «выливается душа» (ведь это метафора), то уж никак нельзя относительно «горячих слез» или «смутной тревоги». Тема любви звучит и в стихотворениях «К чародею» (1832), «К Д. Ф. Пел-му» (1832), «Сон», «Язык очей» (не датировано) и др. Все эти стихотворения о любви особенно гармоничны и музыкальны.

Теплову привлекали также темы поэзии и поэта, художественного творчества вообще и родной природы. Теме поэзии и художественного творчества посвящено немало стихотворений, среди которых выделяются «К любимому поэту» (1832), «К Е. О. Ш» (1837) и «На смерть А. С. Пушкина» (1837). Стихотворения посвящены конкретным лицам. Вот несколько строк из первого:

Твои живые вдохновенья, И поэтические сны— Одно святое наслажденье Моей безрадостной весны. Его судьба отнять не может; Коварно жизнь не осмеет; Оно мне светлый путь проложит Превыше скорби и забот.	Доколь душа моя согрета Душой любимого поэта, И с именем его слита Всего прекрасного мечта,— Мирюся с жизнью печальной, Иду в ее тяжелый путь... Но образ светлый, гениальный Увижу ль я когда-нибудь.
---	---

Похоже, что это стихотворение, как и последнее из перечисленных, посвящено Пушкину, хотя прямых указаний на это нет. Надежда Теплова взволнованно говорит о великой судьбе своего великого учителя и гениальнейшего из художников слова:

Смиритесь, отважные мечтанья,
Здесь ничему свершиться не дано!
Великому—предначертанье!
Прекрасному мгновение одно!

Еще твоих мы ждали песнопений,—
Все кончено! твой грозный час пробил,
Наш вековой поэт и гений,
Исполненный могущественных сил!

Так, и тебя судьба не пощадила!
Задумчиво над урной твоей
Главу поэзия склонила:
Кто заменит утраченное ей?

Как важны были начинанья!
Увы! сколь кратко бытие!
Но имя славное твое
Веков грядущих достоянье!

В стихотворении звучит глубокая признательность и благодарность величайшему из поэтов за совершенный им жизненный и творческий подвиг.

Перу Тепловой принадлежит ряд стихотворений, посвященных природе. Среди них можно упомянуть «Весну», «Осень», «Звезду» (1831), «Цветы» и другие. В этих стихотворениях выражены мысли и чувства влюбленного в свой край человека-патриота. Глубоко и искренне любит поэтесса родную землю, отчий край, с которым она не в силах расстаться даже мысленно, даже после смерти. Сказанное полностью подтверждается и стихотворением «Родина» (1835).

Как много буду плакать я, Когда воскресшею душою Страхну оковы бытия, И вновь предстанут предо мною Бесценной родины поля; Когда я утренней порою	Умоюсь чистою водою Давно знакомого ручья, Когда повеет на меня Полей вечерняя прохлада— О, как слезам я буду рада! Как много плакать буду я!
--	--

О тематическом разнообразии лирики Тепловой можно судить по ее далеко не полному перечню: «К сестре» (1831), «К гению» (1831), «Жертва» (1832), «К чародею» (1832), «Флейта» (1835), «Невеста» (1837), «К красавице», «Бессоница», «На смерть дочери 1846, октября 19» (не датированы). К стати, первое из названных посвящено родной сестре Серафиме—тоже поэтессе. Но все разнообразные по теме стихотворения объединяет чувство грусти, которая была вызвана как личными, так и общественными причинами. Общественные были обусловлены торжествовавшей победой николаевской реакцией, а личные—разочарованием в жизни, потерями самых близких и дорогих людей, неверием в возможность человеческого счастья на земле. Поэтесса называла жизнь вероломной, обманувшей ее лучшие ожидания («В память М. А. Л-ой», 1842).

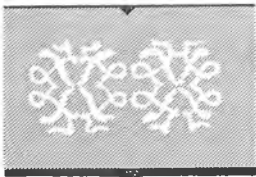
Умерла Надежда Теплова молодой, в 34-летнем возрасте, когда толь-

ко-только приближалась к творческому совершенству. Эта талантливая женщина была сломлена жизнью. В. Г. Белинский, который постоянно следил за творчеством русских женщин и хорошо его знал, причислял Теплову к «дружине молодых талантов», которая «вслед за Пушкиным вышла на литературную арену... Все они пошли по направлению, данному им Пушкиным»².

Имя Тепловой стоит у Белинского в одном ряду с именами Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Языкова, Туманского, Хомякова, Шевырева, что само по себе является признанием. Эстетическое, а тем более историческое значение ее лирики не подлежит сомнению и заслуживает быть названным в курсе истории русской литературы XIX века.

¹ Теплова Н. Стихотворения.— М., 1860, с. 41.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 342.

Мовазнаўства

Л. М. ШАКУН

РОЛЯ Б. А. ТАРАШКЕВІЧА ў РАЗВІЦЦІ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ

Мову стварае народ. Тое, чаго мова дасягнула ў сваім развіцці, што назапасіла яна для таго, каб служыць дасканалым сродкам выяўлення чалавечых думак і пачуццяў, — усё гэта вынік творчай дзейнасці народа, яго шматлікіх пакаленняў, прадстаўнікоў рознага асяроддзя і розных заняткаў. Вышэйшае дасягненне моўнай культуры народа — яго літаратурная мова. На ёй ствараецца мастацкая, публіцыстычная, навуковая літаратура, выдаюцца дзяржаўныя законы, адбываецца выкладанне ў школе, вядзецца афіцыйная і прыватная перапіска, працуюць тэатры і іншыя культурна-грамадскія ўстановы; ёю ажыццяўляюцца зносіны ў вуснай форме паміж яе носьбітамі. «Падзел мовы на літаратурную і народную, — гаварыў А. М. Горкі, — азначае толькі тое, што мы маем, так сказаць, «сырую» мову і апрацаваную майстрамі»¹.

У выпрацоўцы літаратурнай мовы вялікая роля належыць творчым індывідуальнасцям — майстрам слова. У ліку іх называюць у першую чаргу буйнейшых нацыянальных пісьменнікаў, паэтаў, драматургаў. Менавіта найперш яны апрацоўваюць, «шліфуюць» народную мову, узбагачаюць і пашыраюць спосабы і сродкі літаратурнага выказвання. У іх творчасці найбольш выразна выяўляюцца і той узровень, якога дасягнула літаратурная мова, і яе патэнцыяльныя магчымасці, і галоўныя тэндэнцыі далейшага развіцця і ўдасканалення. «Пісьменнікі, выяўляючы і паказваючы ўзоры новага словаўтварэння, смелага пашырэння значэнняў агульнаўжывальных слоў, словатворчасці, фразеалагічнага наватарства, новых сінтаксічных структур, а таксама сродкаў мастацкай выяўленчасці, аказваюць вялікі ўплыў на развіццё стылістычнай сістэмы літаратурнай мовы. Гэта не прыпыняецца і тады, калі нацыянальная літаратурная мова ўжо сфарміравалася і з поспехам абслугоўвае ўсе патрабаванні культуры, навукі, асветы. У эпохі ж больш раннія, калі нацыянальная літаратурная мова толькі яшчэ складваецца, выпрацоўваецца, роля пісьменнікаў больш адказная, бо ім прыходзіцца закладваць асновы не толькі стылістычных норм мовы, але і літаратурных норм, адбіраючы і прысвойваючы правы літаратурнасці словам, выразам, формам слоў, словазлучэнням і г. д.»² Фарміраванне і станаўленне беларускай нацыянальнай (сучаснай) літаратурнай мовы адбывалася ў непасрэднай сувязі з творчасцю такіх пісьменнікаў, як В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч, Я. Лучына, затым — Я. Купала, Я. Колас і іх паплечнікі. Першыя з іх закладвалі асновы беларускай нацыянальнай літаратурнай мовы, у творах апошніх яна «зазяла ўсімі сваімі колерамі»³.

Але майстры слова — гэта не толькі пісьменнікі, паэты, драматургі. Майстрамі слова з поўным правам могуць лічыцца многія грамадскія дзеячы, публіцысты, вучоныя. Іх дзейнасць таксама спрыяе ўзбагачэнню і ўдасканаленню сродкаў і прыёмаў літаратурнага выказвання, роск-

віту нацыянальнай літаратурнай мовы. Вялікі ўплыў на станаўленне нацыянальных літаратурных моў аказала дзейнасць лінгвістаў, якія навукова распрацоўвалі літаратурныя нормы і ўпершыню прыводзілі іх у сістэму, надавалі ім упарадкаванасць і строгую паслядоўнасць. У гісторыі літаратурных моў славянскіх народаў назаўсёды захаваліся разам з імёнамі выдатных нацыянальных мастакоў слова імёны такіх лінгвістаў, як, напрыклад, І. Добраўскі і І. Юнгман — у чэхаў, В. Караджыч і Л. Гай — у сербаў і харватаў, Б. Копітар — у славенцаў, А. Берналак і Л. Штур — у славакаў, Я. Смольяр — у лужычан.

Гісторыю беларускай нацыянальнай літаратурнай мовы нельга ўявіць без імя Браніслава Адамавіча Тарашкевіча (1892—1941), вядомага беларускага грамадскага і палітычнага дзеяча, пісьменніка і вучонага, акадэміка Акадэміі навук БССР. Яго шматгранная і плённая дзейнасць прыцягнула ў апошнія два дзесяцігоддзі пільную ўвагу даследчыкаў⁴. У артыкулах і манаграфіях ярка і ўсебакова асветлена постаць Б. Тарашкевіча як стойкага барацьбіта за шчасце народа, таленавітага пісьменніка і публіцыста, палымнага народнага трыбуна і выдатнага лінгвіста. Яго найважнейшая лінгвістычная праца — «Беларуская граматыка для школ», першае выданне якой выйшла ў Вільні ў 1918 годзе, а апошняе, шостае — там жа ў 1931 годзе, неаднаразова разглядалася даследчыкамі. Найбольш поўна яна аналізуецца ў другім томе «Гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (Мінск: Навука і тэхніка, 1968, с. 160—181) у сувязі з даследаваннем асаблівасцей распаўсюўкі арфаграфічных і граматычных норм сучаснай беларускай літаратурнай мовы (аўтары адпаведнага раздзела ў кнізе — А. К. Юрэвіч і А. І. Яновіч).

Вядома, што многія працы Б. Тарашкевіча, у тым ліку і лінгвістычныя, да гэтай пары яшчэ не адшуканы і, магчыма, наогул не захаваліся. Пра тое, над якімі лінгвістычнымі даследаваннямі ён працаваў і што ўдалося яму падрыхтаваць, акрамя выдадзенай «Беларускай граматыкі для школ», толькі ўпамінаецца ў розных крыніцах; самі ж гэтыя даследаванні, на вялікі жаль, не апублікаваны. Як адзначае польская даследчыца А. Бергман, «быў гэта вучоны, які ўсё сваё жыццё прысвяціў беларускаму мовазнаўству. Працаваў у гэтай галіне ўсюды і заўсёды: у дарозе, у турме, у камандзіроўках, у часе дыдактычнай працы, у студэнцкія гады. Напэўна, было ў яго шмат незакончаных прац або не выдаваных нанова і таму пазней забытых»⁵.

Пакуль што нельга нічога канкрэтнага сказаць пра яго доктарскую дысертацыю «Стыль і фанетыка Лаўрэнцьеўскага летапісу» — вядома толькі яе назва з матэрыялаў аб судовым працэсе ў Вільні ў 1928 годзе над Беларускай сялянска-работніцкай грамадой — масавай легальнай рэвалюцыйна-дэмакратычнай арганізацыяй у Заходняй Беларусі ў 1925—1927 гадах, якую ён узначальваў. А. Бергман на падставе розных звестак прыйшла да вываду, што Б. Тарашкевіч меў задуму ажыццявіць шырокую праграму па падрыхтоўцы дапаможнікаў для вывучэння беларускай мовы: пасля выхаду ў свет «Беларускай граматыкі для школ» напісаць у якасці яе другой часткі сінтаксіс, а затым — гістарычную граматыку. «Сінтаксіс беларускай мовы» ў 1923 годзе быў здадзён у друк, але па нейкіх прычынах з друку не выйшаў. Вялася праца і над гістарычнай граматыкай. У 1933 годзе Б. Тарашкевіч пісаў з турмы да пракурора ў Вільні: «Па адукацыі і прафесіі я філолаг-лінгвіст. Маю некалькі навуковых і літаратурных прац. Між іншымі ў турме пераклаў на беларускую мову «Іліяду» Гамера і «Пана Тадэвуша». Ужо даволі доўгі час працякую над гістарычнай граматыкай беларускай мовы. Гэта праца прадугледжана ў шырокім маштабе»⁶. Можна меркаваць, што яна была закончана, і Б. Тарашкевіч, такім чынам, сваю задуму ў значнай меры здзейсніў.

Усё ж так атрымліваецца, што пра Б. Тарашкевіча-лінгвіста мы сёння гаворым галоўным чынам як пра аўтара першай беларускай граматыкі, і менавіта гэтай працай ён пакінуў незабыўны след у гісторыі беларускай нацыянальнай літаратурнай мовы. Каб паўней зразумець той

уклад, які ўнёс Б. Тарашкевіч у гісторыю беларускай нацыянальнай літаратурнай мовы, варта коратка спыніцца на асаблівасцях яе развіцця да моманту выхаду ў свет «Беларускай граматыкі для школ».

Друкаванне літаратуры на беларускай мове, якое пасля некаторага перапынку зноў адраділася ў XIX стагоддзі, к таму часу прайшло ўжо даволі значны і складаны шлях. Беларуская літаратура ўжо ўзбагацілася творамі такіх выдатных мастакоў слова, як В. Дунін-Марцінкевіч, К. Каліноўскі, Ф. Багушэвіч, Я. Лучына, Цётка, Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, З. Бядуля, Ц. Гартны. Іх творы друкаваліся ў розных перыядычных выданнях, выходзілі асобнымі кніжкамі. За перыяд з 1835 года, на які прыпадае выхад першай асобнай кнігі на беларускай мове, да 1917 года ўключна было выдадзена 320 беларускіх кніг. Асабліва разгарнулася выдавецкая справа на беларускай мове ў пачатку XX стагоддзя пасля таго, як у выніку рэвалюцыйных падзей 1905 года было дазволена друкаваць арыгінальныя творы беларускай літаратуры і пераклады з іншых моў. З тых 320 кніг, што былі надрукаваны ў дакастрычніцкі час, 245 з'явіліся ў пачатку XX стагоддзя, у тым ліку — 81 кніга арыгінальнай мастацкай літаратуры, 25 кніг перакладаў, 24 фальклорныя зборнікі, 43 брашуры на навукова-папулярныя тэмы, 14 календароў. На беларускай мове сталі выходзіць перыядычныя выданні — газеты, часопісы, ў якіх друкаваўся разнастайны па тэматыцы матэрыял. Для выдання беларускай літаратуры былі створаны легальныя выдавецтвы. Беларускія творы друкаваліся таксама ў рускіх і польскіх выданнях. Пашырыўся не толькі легальны беларускі друк. На беларускай мове з'яўляліся шматлікія падпольныя рэвалюцыйныя выданні⁷.

Па меры таго, як шырылася і набірала сілу беларускае кнігадрукаванне, больш устойлівымі і паслядоўнымі становіліся спосабы і прыёмы перадачы беларускай мовы на пісьме, складваліся і стыхійна замацоўваліся ў выдавецкай практыцы правілы арфаграфіі і граматыкі, словаўжывання і г. д. Буйнейшыя беларускія выдавецтвы той пары ва ўмовах адсутнасці кадыфікаваных правіл набылі ў гэтых адносінах вялікі аўтарытэт, і, як сведчаць сучаснікі, беларускія пісьменнікі, не маючы яшчэ пад рукамі пісаных правіл граматыкі і арфаграфіі, перад здачай твораў у друк выпраўлялі іх згодна з тымі традыцыямі, паводле якіх выдавалі сваю прадукцыю такія беларускія выдавецтвы, як «Наша ніва» або «Загляне сонца і ў наша аконца»⁸.

У пачатку XX стагоддзя ўвогуле аформілася на аснове рускай (кірылаўскай) графікі своеасаблівая графічная сістэма беларускай мовы, якая захавалася да нашых дзён (з заменай літары *и* літарай *і*, літары *ѣ* літарай *е*, літары *щ* літарамі *шч*, увядзеннем літары *ў*, абавязковым напісаннем літары *ѣ*, апушчэннем літары *ѣ* на канцы слова і як раздзяляльнага знака і г. д.). Гэта графічная сістэма становілася вядучай у беларускім кнігадрукаванні і паступова выцясняла графічную сістэму, заснаваную на лацінцы ў яе польскім варыянце.

Паколькі беларускія выданні ў той час друкаваліся некалькі відазмененай рускай або польскай графікай, у беларускую арфаграфію пераносіліся асобныя прыёмы і правілы рускай або польскай арфаграфіі, асабліва тады, калі яны не супярэчылі законам беларускай мовы і давалі магчымасць паслядоўна перадаваць яе на пісьме. Разам з тым у практыцы тагачаснага беларускага кнігадрукавання выразна намецілася імкненне захаваць характэрныя рысы беларускай агульнанацыянальнай мовы: аканне і яканне, пераход [e] ў [o] з папярэдняй мяккасцю ў адпаведных выпадках і іншыя яе спецыфічныя з'явы ў сістэме вакалізму. Гэта прыводзіла да канчатковага замацавання фанетычнага прынцыпу напісання галосных. Зычныя перадаваліся ў большасці паводле марфалагічнага прынцыпу напісання, але ад яго адыходзілі, каб адлюстраваць такія рысы беларускай мовы, як дзеканне і цеканне, фанетычнае падаўжэнне зычных, пераход [в] і [л] у [ў] у пэўных выпадках, зацвярдзелыя шыпячыя, [р] і этымалагічны [ц], асіміляцыю зычных па мяккасці і інш. Што датычыць граматычных форм, то найбольш тыповыя з іх таксама

былі ўжо вызначаны; яны даволі паслядоўна выкарыстоўваліся ў тагачасным друку.

Ёсць падставы лічыць, што напярэдадні Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі беларуская літаратурная мова ўжо набыла пэўную ступень унармаванасці, але яе нормы, якія складаліся стыхійна ў практыцы беларускага кнігадрукавання, не былі кадыфікаваны, адсутнічаў адзіны арфаграфічны рэжым. Нават у тых выпадках, калі можна было абаперціся на існуючую правапісную ці граматычную традыцыю, дапускаліся розныя адвольнасці. Тым часцей гэта рабілася ў тых выпадках, якія не маглi рэгулявацца якой-небудзь пісьмовай традыцыяй. Выкарыстоўваліся і такія арфаграмы і граматычныя формы, якія хоць і вытрымліваліся даволі паслядоўна ў тагачасных выданнях, але з-за сваёй штучнасці, умоўнасці не мелі перспектывы замацавацца ў якасці норм (тыпу *плітоў, тысячоў, хмароў, канёў; маеі, тваеі, усеі; белаго, чыстаго, нашаго; белыі, сініі* і інш.).

Адсутнасць у беларускай літаратурнай мове цвёрдых норм надзвычай перашкаджала развіццю кнігадрукавання, пашырэнню яе ў народзе, авалоданню ёю. Паказальным з'яўляецца ліст Цёткі да вядомага беларускага культурнага дзеяча пачатку ХХ стагоддзя прафесара Б. Эпімаха-Шыпіла ад 1906 года, у якім, між іншым, гаворыцца: «Я хачу даведацца ад Вас, што чутно з букваром, ці ўжо гатоў, ці ў нас будзе фанетыка наша беларуска. Гэта вельмі важна, бо буду цяпер выдаваць папулярныя рэчы для народа, ды не ведаю як чаго трымацца...»⁹

Упарадкаванне правапісу і замацаванне граматычных норм беларускай літаратурнай мовы станавілася справай агульнанацыянальнага значэння. Асабліваю актуальнасць набыло гэта ў савецкі час, калі беларуская літаратурная мова атрымала шырокія грамадскія функцыі. Ужо перад Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыяй у беларускім перыядычным друку пачалі публікавацца матэрыялы па пытаннях беларускай арфаграфіі і граматыкі. Зараз стала вядома, што ў 1913 годзе Я. Купала ад імя «Беларускага выдавецкага таварыства» ў Вільні звяртаўся да Б. Тарашкевіча, які тады быў студэнтам трэцяга курса Пецярбургскага універсітэта, з прапановай выдаць беларускую граматыку¹⁰.

«Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевіча, што выйшла некалькі пазней, у 1918 годзе, у Вільні, у друкарні Марціна Кухты, паралельна двума выданнямі — рускімі і лацінскімі літарамі, якраз і з'явілася той працай, у якой быў абагулен накоплены к таму часу вопыт кнігадрукавання на беларускай мове, у цэлым правільна вызначаліся яе граматычныя рысы, чотка фармуляваліся асноўныя правілы беларускай арфаграфіі. Б. Тарашкевіч — кандыдат філалогіі Петраградскага універсітэта, як гэта сам пазначыў ён на вокладцы сваёй кнігі, вучань акадэмікаў А. А. Шахматава і Я. Ф. Карскага — здолеў, як ніхто іншы да гэтага, выявіць галоўныя заканамернасці беларускай літаратурнай мовы, гістарычна абумоўленую сувязь яе фанетыка-граматычных рыс найперш з цэнтральнымі («сярэднімі») беларускімі гаворкамі, ці, як ён іх называў, таго дыялекту, што «мае цвёрдае [r] і вялікае аканне». Строга панавуковаму падыходзячы да ўпарадкавання правіл арфаграфіі і граматыкі, ён не адхіляўся ад рэальных моўных фактаў, — як сам падкрэсліваў, «зусім новага нічога не ўводзіў» — у адрозненне ад аўтараў іншых тагачасных беларускіх граматык (напрыклад, А. Луцкевіча, Б. Пачобкі), якія прапаноўвалі многа штучных, надуманых напісанняў і форм.

Такім чынам, Б. Тарашкевіч упершыню распрацаваў сістэму фанетыка-граматычных і правапісных норм сучаснай беларускай літаратурнай мовы і выканаў гэта на такім узроўні, што задаволіў найбольш надзённы патрабаванні тагачаснай выдавецкай і школьнай практыкі. Праца Б. Тарашкевіча, невялікая па аб'ёму (62 старонкі рускімі літарамі і 112 старонак лацініцай), увогуле проста, але панавуковаму складзеная, атрымала ўсеагульнае прызнанне і тым самым надала беларускай літаратурнай мове так неабходную ёй унармаванасць. Ёю канчаткова быў сцверджан фанетычны прынцып напісання галосных, а для перадачы

зычных — марфалагічны, з некаторымі адхіленнямі ў бок фанетычнага прынцыпу, каб захаваць на пісьме спецыфіку беларускай мовы. Асобна быў сфармуляван правапіс слоў іншамоўнага паходжання паводле ступені асіміляцыі іх беларускай мовай. Усё гэта рабілася ў самым сціслым выглядзе, з арыентацыяй у першую чаргу на школьную практыку і, што асабліва важна, упершыню. Нямала таго, што датычыць арфаграфіі і граматыкі, тут наогул не закраналася; некаторыя правілы, прапанаваныя Б. Тарашкевічам, патрабавалі ўдакладнення або нават замены. Але галоўнае — быў пакладзен пачатак стабілізацыі норм сучаснай беларускай літаратурнай мовы і, акрамя таго, была створана трывалая аснова для яе далейшай паглыбленай граматычнай распрацоўкі, удасканалення ўласцівых ёй структурных элементаў. У гэтым сэнсе значэнне працы Б. Тарашкевіча немагчыма пераацаніць.

¹ Горький А. М. О литературе.— М., 1953, с. 328.

² Ефимов А. И. Задачи сравнительной стилистики восточнославянских языков: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов.— М., 1963, с. 11.

³ Кандрат Крапіва. Збор твораў у трох тамах.— Мінск, 1956, т. II, с. 498.

⁴ Ліс А. Браніслаў Тарашкевіч.— Мінск, 1966; Bergman A. Rzecz o Bronisławie Taraszkiewiczzu.— Warszawa, 1977.

⁵ Тарашкевіч — нязнаны.— Ніва, Беласток, 1976, № 18 (1053).

⁶ Гл.: Bergman A. Rzecz o Bronisławie Taraszkiewiczzu, с. 163.

⁷ Гл.: Александрович С. X. Пуцявіны роднага слова./Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX—пачатку XX стагоддзя.— Мінск, 1971.

⁸ Гл.: Полямя, 1929, № 7, с. 170.

⁹ Гл.: Запіскі аддзела гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры: Працы класа філалогіі.— Мінск, 1928, т. I, кн. 2, с. 296.

¹⁰ Гл.: Рагойша В. П. З купалазнаўчых росшукаў.— У кн.: Народныя песняры.— Мінск, 1972, с. 252.

Н. А. АВЛАСЕНКО

НАРЕЧИЯ СО СТАТУСОМ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Среди языковых средств с оценочной функцией в русском языке выделяется многочисленный разряд слов — «наречия количества и меры», из них наиболее широко распространены те, которые «употребляются для передачи высшей степени, меры, интенсивности какого-либо признака, состояния»¹. Состав количественных наречий со значением высокой степени весьма разнообразен с точки зрения структурных особенностей и экспрессивной окрашенности. В связи с этим их можно подразделить на две функционально-родственные группы. 1) Количественные наречия, «генетически восходящие к другим категориям (например, к местоимениям, глаголам, частицам) или уже потерявшие этимологическую связь с именами прилагательными»². Эта группа представлена наречиями *очень, весьма, слишком, так, совсем, чересчур* и др. Такие наречия служат для объективного обозначения степени, они утратили экспрессивность и воспринимаются как чистые выразители количественных обозначений. 2) Качественно-количественные, по терминологии В. В. Виноградова, наречия, мотивированные прилагательными и адъективированными причастиями. Они имеют чаще всего форму на -о, значительно реже на -ски/цки, -ще, -е: *удивительно, исключительно, поразительно, абсолютно, безмерно, бесконечно, неопишимо, непередаваемо, невыносимо, жестоко, безумно, крепко, здорово, больно, отменно, баснословно, нечеловечески, дьявольски, адски, гигантски, мертвецки, поражающе, вызывающе, крайне* и др. Такие наречия обозначают «количество, степень на основании общего субъективного представления»³. Это очень продуктивный и изменяющийся класс слов, постоянно пополняющийся, поэтому не имеющий в русском языке четких границ. Подобные наречия почти «автоматически воспроизводятся» от соответствующих прилагательных и

употребляются для эмоционального выражения степени признака, состояния. Возможность яркой выразительной количественной оценки заложена в самой семантической структуре таких образований. Значение 'в высшей степени, очень сильно' передается через сопоставление с опорным словом *очень*.

С точки зрения различных семантических оттенков и экспрессивно-стилистической окраски в синонимическом ряду наречий количественной оценки можно выделить два основных типа синонимов: I тип — это синонимические наречия с семантическими качественно-оценочными оттенками значения; II тип представляют наречия с «экспрессивно-синонимическим лексическим значением».

Семантическая структура синонимичных наречий первого типа включает компоненты с количественным значением и значением качественной оценки. Ср., например, *очень* и *бесподобно, необыкновенно, потрясающе, необъяснимо, беспредельно* (счастливый). Если наречие *очень* содержит лишь отвлеченное указание на высокую степень интенсивности и лишено каких-либо специфических оттенков, то другие из перечисленных наречий, помимо количественного значения чрезвычайно высокой степени признака, содержат еще свойственный каждому из них дифференцированный оттенок, соотносительный с семантическим значением мотивирующего прилагательного. Значение качественной оценки является основанием для употребления этих наречий в функции экспрессивно окрашенных синонимов стилистически нейтрального наречия *очень*.

Анализ семантических дифференцированных оттенков позволяет выделить в рассматриваемой группе наречий три разновидности, касающиеся семантических качественных оттенков или градационных количественных оттенков:

1) Синонимичные наречия, которые характеризуются полным тождеством семантики. Это абсолютные синонимы. Семантическая идентичность, предельная равнозначность, отсутствие стилистических различий — характерные признаки абсолютных синонимов⁴. Рассмотрим, например, синонимический ряд: *неописуемо, непередаваемо, невыразимо* (*легко, весело, интересно*). Эти наречия содержат общий семантический оттенок: признак или действие-состояние, которые определяются ими, проявляются в такой высокой степени интенсивности, что трудно или невозможно описать, передать, выразить. Эти наречия преимущественно используются в письменной речи: С дублеными руками в шрамах, ссадинах, В ботинках, издававших тяжкий звук, В штанах *неописуемо* засаленных, Он элегантней был, чем все вокруг (Е в т у ш е н к о); Но страшно и больно *непередаваемо* быть даже любовью непробиваемым (Е в т у ш е н к о). Но как тихо, как *невыразимо* тихо все кругом (Т у р г е н е в).

Один общий оттенок можно заметить в синонимическом ряду наречий, образованных от прилагательных с приставкой *без-*: *безгранично, безмерно, беспредельно, бесконечно*⁵. Они имеют значение логической оценки в выражении степени, которая не имеет границ, меры, предела, конца. Такие наречия употребляются в разных нормативного характера контекстах для выражения тождественных реалий: Я к тебе обращаюсь за помощью и за советом, Я тобой дорожу, я тебя *безгранично* ценю (С и м о н о в). Как *безмерно* смущен, если хвалят тебя... (Г а м з а т о в). Доктор страстно, нежно и *беспредельно* любит свою пятилетнюю дочь (Л е с к о в). Она: Трудно ли представить, что я полюбила его *бесконечно*. (А р б у з о в).

Данные словарей и многолетних наблюдений над живой разговорной речью позволяют объединить в синонимические пары с тождественным значением следующие, например, наречия: *необыкновенно* — *необычайно*, *неограниченно* — *неизмеримо*, *невыносимо* — *нестерпимо*, *удивительно* — *изумительно*. Синонимические наречия с тождественным количественно-оценочным значением взаимозаменяемы в контексте. Выбор наречия в процессе общения зависит от условий коммуникации и логической совместимости его с определяемым словом. Употребление тождествен-

ных экспрессивно окрашенных синонимов связано с эмоциональной окраской высказывания. Синонимическая связь с опорным словом *очень* проявляется в контексте: Голос Касьяна был *удивительно* сладок, молод и почти женски нежен. Все ее тело было мало, худо, но очень стройно и ловко, а красивое лицо *поразительно* сходно с лицом самого Касьяна (Тургенев). Он ждал, потому что слишком *невыносимо* тревожной была тишина в этом тихом доме. При свете огня зрачки *нестерпимо* мучительно режет (Симонов). Лицу придали *необыкновенно* скорбное и печальное выражение (Солоухин). Все приобретает *необычайно* белый свет и глубокий бездонный смысл (Куприн).

2) Синонимические наречия с дифференцированными семантически оттенками — самая многочисленная и все возрастающая группа слов среди рассматриваемого типа наречий. Каждый синоним — наряду с общим значением очень высокой степени признака — имеет свой дополнительный качественный оттенок и тем самым приобретает дополнительный смысл, который и воспринимается как оттенок значения. Информативная ценность семантических синонимов с дифференцированными смысловыми оттенками заключается в детализирующем их содержании. Ср., например, ряд синонимов: *невообразимо*, *необычайно*, *непомерно*, *невыносимо*, *бесподобно*. Наречие *невообразимо* отчетливо сохраняет оттенок мотивирующего прилагательного 'такой, который трудно вообразить, представить'. Этот оттенок и сопутствует основному количественному значению степени (*невообразимо* счастливый, яркий, праздничный), а наречие *необычайно* содержит оттенок необычности, исключительности в проявлении степени названного признака (*необычайно* смущен, нежен, умен). Синоним *непомерно* сохраняет дополнительный оттенок в выражении высокой степени, которая значительно превышает меру, *невыносимо* содержит в своей семантике оттенок 'такой, что трудно вынести, вытерпеть' (*невыносимо* трудно, грустно, страшно). При использовании синонима *бесподобно* для выражения высокой степени названного признака наше внимание обращается на то, что качество определяемого слова проявляется в такой высокой степени, которой нет подобия (*бесподобно* поет, читает, рассказывает). Семантические оттенки синонимичных наречий варьируются в зависимости от словообразовательных связей с мотивирующими их прилагательными. То же можно сказать и о синонимичных наречиях, эквивалентных *очень*, но различающихся смысловыми оттенками, например: *необыкновенно*, *невероятно*, *потрясающе*, *абсолютно*, *необъятно*, *бессчетно*, *бесконечно*, *исключительно* и др. Функция синонимичных наречий с дифференцированными семантическими оттенками обусловлена стремлением эмоциональнее выразить бесчисленные тончайшие смысловые оттенки передаваемой степени признака: Вошел в контору человек с *необыкновенно* длинным носом и весьма горделивой осанкой (Тургенев). Он ждал, потому что слишком *невыносимо* тревожной была тишина в этом тихом доме (Симонов). Михайлов *необъятно* много передумал и перечувствовал в эти две секунды (Л. Толстой). Задачи, стоящие перед народом, *неизмеримо* трудны и велики (из газет). Можно ночью уйти с гулянья с той, которая по неизвестным законам *несравненно* лучше других (Солоухин).

3) Синонимические пары и ряды градационных наречий объединяют слова, в которых каждый последующий синоним включает в свою семантическую структуру все признаки предыдущего и дополнительный усиливающий компонент. В градационные отношения могут вступать синонимичные наречия первой и второй групп. В отношениях градации находятся, например, следующие пары и ряды синонимичных наречий: *чрезвычайно* — *чрезмерно*, *абсолютно* — *максимально*, *неизмеримо* — *гигантски*, *необыкновенно* — *неслыханно*, *недостаточно* — *несравнимо* и др. В синонимическом ряду каждый последующий синоним информативно насыщеннее предыдущего. Например, наречие *чрезвычайно* указывает на высшую степень чего-либо, а находящееся с ним в градационных отношениях синонимичное наречие *чрезмерно* указывает на высшую

степень, превышающую обычную норму, меру: *Чрезвычайно* важен навык общения с книгой, приобретенный в школьные годы (Т в а р д о в с к и й). Он как назло запутался в *чрезмерно* длинных полах своей шубы, упал, дико взывая (Ш о л о х о в).

Если градационные наречия сопоставлять с опорным словом *очень*, то в каждом из них совершенно очевидно ощущается чрезмерное преувеличение количественного признака. Градационно-оценочные наречия очень выразительны и эмоциональны. Они обычно употребляются с теми словами, которые необходимо выделить, заострить на них внимание читателя/слушателя. Ср., например: *очень* и *неизмеримо*, *гигантски* (*очень* широкие масштабы, *неизмеримо* широкие и *гигантски* широкие); или: *очень* и *необыкновенно*, *неслыханно* (высокие темпы производства), *недостаточно* и *необычайно* (организованный коллектив). Употребляя усиленные градационные наречия, автор выражает свое отношение к сказанному и тем самым достигает исключительной силы воздействия на слушателя/читателя, способствует чувственному восприятию высказывания. Градационные синонимичные наречия особенно необходимы там, где требуется немедленно вызвать реакцию слушателя, они незаменимы в устных полемических выступлениях. «Слово,— пишет академик В. В. Виноградов,— является одновременно и знаком мысли говорящего и признаком прочих психологических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения»⁶.

Итак, бесспорно, что разнообразие синонимичных наречий с различными смысловыми оттенками дает возможность авторам варьировать выражение понятия *очень* с помощью различных слов и тем самым достигать наибольшей точности в передаче понятия высшей степени, одновременно избегая повторения одной и той же лексемы. Каждое отдельное слово выбирается автором сознательно в целях выразительного уточнения признака, эмоционального воздействия на слушателя/читателя изображаемых явлений действительности.

Наречия II типа с «экспрессивно-синонимическим лексическим значением», такие, как, например: *чудовищно*, *смертельно*, *мертвецки*, *безумно*, *дико*, *больно*, *здорово*, *шибко*, *отчаянно*, *нечеловечески*, *сказочно*, *отменно*, *зверски*, *дьявольски*, *адски* и др., лишены собственно предметного логического значения, утратили соотносительность с производящими основами. Такие наречия указывают на высшую степень проявления признака или действия-состояния и содержат субъективную оценку сообщаемого факта говорящим. Значение степени в них передается через выражение эмоциональных, психологических оценок. Такие наречия следует рассматривать как эмоционально-оценочные эквиваленты наречия *очень*.

Сравним выбор экспрессивно-оценочного синонимичного наречия: книга *очень* интересная и книга *страшно*, *сильно*, *ужасно*, *здорово*, *больно*, *жутко*, *дьявольски* интересная. Академик В. В. Виноградов отмечает, что «подобные синонимы выражают свое основное лексическое значение не непосредственно, а через семантически основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность»⁷. Меняется лишь отношение к тому, о чем идет речь, а в изменении этого отношения и заключается функция эмоционально-окрашенных синонимичных наречий.

Употребление экспрессивно-оценочных наречий со значением высшей степени признака оживляет речь, придает ей большую выразительность, усиливает впечатление, производимое высказыванием: Письма, письма! *Безбожно* долго вас на Дальний Восток везут. И *смертельно* усталые люди снизу хрипло кричали «ура!» (С и м о н о в). Он *адски* любил королеву и молча пошел умирать (Д у н с к и й). Он замкнул, друг мой, *страшно* замкнул,— Он внутрь себя собою загнан (Е в т у ш е н к о). Сабуров чувствовал, что она *безумно* устала и что койка представлялась ей почти чудом (С и м о н о в). Когда же мы вступили

в его темную прохладную тень, он стал *чудовищно* громаден (Нагибин). Пашка вел себя *дьявольски* развязно (Шушкин). И шепчешь что-то,— что? — не разберешь, И *чертовски* невесомый воздух пьешь (Вознесенский).

Такие наречия оказывают заметное влияние на стиль, придавая высказыванию разговорный, просторечный характер и одновременно усиливая экспрессивное звучание всей фразы. В сознании как говорящих, так и слушающих не возникает конкретных представлений, связанных с семантикой подобных наречий, но мы чувствуем значение чрезвычайно высокой степени проявления признака, связанного с их эмоционально-экспрессивной насыщенностью. Максимальная эмоциональная насыщенность подобных синонимичных наречий вполне удовлетворяет потребности говорящих в чувственной выразительности слова. Именно это назначение рассматриваемых нами наречий обуславливает их существование в лексической системе языка.

Характерно, что в результате частого и длительного употребления наречия количественной оценки могут терять значение эмоциональной экспрессивности. Когда это значение уже не ощущается говорящим коллективом, то такие наречия переходят в группу чисто количественных, а на смену им приходят новые, свежие выразители высокой степени признака с яркой экспрессивностью и эмоциональной оценкой. Так, утратили экспрессивность наречия *довольно*, *совершенно*, *сильно*, *крайне* и некоторые другие; вновь появились для выражения индивидуальных эмоций, вызываемых каким-либо признаком, синонимичные наречия *сказочно*, *баснословно*, *чарующе*, *потрясающе*, *нечеловечески*, *чудовищно*, *исчерпывающе* и многие другие. Круг таких наречий остается незамкнутым.

Развивающийся класс наречий с количественно-оценочной функцией не довольствуется общеязыковыми единицами, он постоянно обновляется более экспрессивными эмоционально-оценочными синонимичными словами. Умение подбирать соответствующие наречия с определенными смысловыми и эмоциональными оттенками учит грамотно и уместно пользоваться ими в устной и письменной речи.

Синонимичные наречия с соответствующими экспрессивно-стилистическими пометами должны занять определенное место в словарях синонимов русского языка.

¹ Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1972, с. 279.

² Там же, с. 279.

³ Словарь синонимов русского языка.— Л., 1970, т. II, с. 113.

⁴ См.: Лагутина А. В. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка.— В сб.: Лексическая синонимия.— М., 1967.

⁵ Большая часть синонимических рядов здесь и в дальнейшем подбирается с учетом лексических и стилистических характеристик и помет, данных различными словарями русского языка.

⁶ Виноградов В. В. Русский язык, с. 21.

⁷ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.— Вопросы языкознания, 1953, № 5, с. 13—14.

Т. В. СЕНЮТА

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛОВООБРАЗОВАНИЕМ ГЛАГОЛОВ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В течение первых четырех-пяти лет ребенок полностью овладевает тем запасом слов и фраз, которые необходимы для выражения его мыслей, его отношения к действительности. Становление речи детей — интересный и сложный процесс. Наблюдая детскую речь, мы как бы находимся в лаборатории, где прослеживаются все стадии формирования речи человека, качественные сдвиги в ее развитии.

Познание родного языка не воспринимается ребенком как специальная задача его бытия. Ребенок не выделяет речевой деятельности из своей жизненной практики, но, общаясь с родителями и взрослыми, он постепенно усваивает родной язык. Безусловно, ребенок ничего не знает о грамматике и не заучивает слов, но это не значит, что в усвоении языка он пользуется случайными связями: в своем словотворчестве он выбирает такие «ходы», использует такие приемы, которые являются оптимальными при прочих равных условиях. «Можно только поражаться, как настойчиво маленький ребенок стремится к поиску закономерностей, к системе, к организации звуковой стороны речи по каким-то правилам»¹. Результаты последних психолингвистических экспериментов позволяют сделать вывод, что «...ребенок сам создает свой язык, вернее, даже несколько моделей языка, которые ребенок затем модифицирует, отбрасывает по мере своего развития. Деятельность ребенка с языком — это прежде всего не процесс имитации готового, «впитывания» готового, а процесс творческого познания, активного поиска связей, закономерностей, отношений элементов языка, поиск правил, по которым ребенок мог бы строить новые высказывания, т. е. такие, которые он не слышал раньше от взрослых»².

Наиболее интересным и ярким является процесс словообразования, или, точнее, словотворчества у детей. Выделение словообразовательных формантов осуществляется у них с двух лет, охватывая сразу ряд категорий существительного и глагола как наиболее употребительных частей речи. Модели образования слов и форм чрезвычайно разнообразны. В качестве строительного материала дети используют сложную систему префиксов, суффиксов и флексий. При этом они никогда не ошибаются и из множества морфемных единиц выбирают ту, которая в комплексе с производящей основой очень точно передает то или иное понятие.

Анализ новообразований позволяет сделать вывод, что дети в первую очередь усваивают все самое продуктивное, часто встречающееся в языке: наиболее продуктивные префиксы, суффиксы, корни в их самом распространенном значении. В дальнейшем словотворчестве они и оперируют ими, обычно игнорируя возможные исключения. Детские образования близки по форме к так называемым авторским неологизмам (окказионализмам), которые создают писатели и поэты, используя в основном продуктивные деривационные модели и словообразовательные морфемы. Ребенок, творя свои слова, никогда не выходит за рамки языковой традиции, почти все детские неологизмы созданы в соответствии с законами русского языка и имеют точные и многочисленные аналоги в кругу канонических слов. В таких словах, как *откоротить* (произвестие действительное, противоположное укорачиванию), *накрапивила* (обожгла руки крапивой), *напустите* (поднимите воротник) и т. д., дети просто реализуют возможности языка, заложенные в его словообразовательной системе. Дети не усваивают сразу всей парадигмы, и в их речи нередко можно встретить лишь отдельные словоформы, поэтому примеры даются не в исходной форме, а так, как зафиксированы.

Детское словотворчество представляет собой процесс комбинирования новых сочетаний из уже известных морфем, оно не носит целенаправленного и организованного характера. Дети строят слова стихийно, произвольно, выражая свои впечатления от окружающего их мира. Как показали наблюдения, строительство новых слов у детей происходит по ступеням. Вначале они соединяют только два структурных компонента с ясной конкретной семантикой, а затем, если необходимо, добавляют третий. Это особенно ярко прослеживается при словообразовании глаголов конфиксным способом. Как известно, при образовании глаголов наиболее продуктивными способами являются префиксация и конфиксация. Префиксация продуктивна при образовании новых глагольных форм от глаголов, конфиксация — от именных основ.

Большой интерес представляет образование в детской речи новых глаголов от глагольных основ способом префиксации. В качестве строи-

тельного материала используются наиболее употребительные в разговорной речи и наиболее активные глагольные префиксы. Так, самыми популярными в детском словотворчестве оказались такие префиксы, как *на-*, *об-*, *за-*, *от-*, *пере-*, *рас-*. И совсем неупотребительны или малоупотребительны, например, *воз-*, *обез-*, *через-*, представляющие трудность для детей с точки зрения их значения, а возможно, и произношения. Новизна детского словотворчества в необычности, неожиданности комбинации морфем.

Одним из наиболее продуктивных значений префикса *на-* в современном русском языке является значение 'направить действие, названное мотивирующим словом, на поверхность чего-нибудь'³ (накрыть, наклеить). Дети чутко улавливают это значение и образуют такие глагольные формы: Я сама в садике и *наделась* и *набулась*; *Напустите* мне воротник; *Налож* мне каши.

Глагольная приставка *об-* в современном русском языке имеет значение охвата действием объекта целиком, полностью (обвязать, обхватить). Высокая продуктивность такого значения префикса подтверждается и многочисленными детскими новообразованиями. Глаголы со значением всестороннего охвата объекта действием дети образуют, используя только префикс *об-*: *Обсыдьте* меня; *Обжалела* всю маму; *Обчисти* меня; Я сегодня *облежался*.

В современном русском языке одним из наиболее употребительных значений глаголов с префиксом *от-* является значение 'отказаться от чего-либо, аннулировать результат предшествующего действия' (отнять, отложить). Как показали наблюдения, дети охотно образуют глаголы с этим префиксом. Причем в их новообразованиях очень четко прослеживается основное значение префикса *от-*, употребленного в необычном морфемном сочетании. Имеется в виду прежде всего необычность производящей основы. Вот, например, как дети говорят о сложении и вычитании: Сегодня в садике мы то *отбавляли*, то прибавляли; Это синее платье надо *отшить*; Я знаю, что ты от меня скоро *отляжешь* (уйдешь на другую кровать).

Детские новообразования подтверждают высокую продуктивность словообразования глаголов при помощи префикса *по-* со значением 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени' (почитать, полежать): Я давно куклу не видела, пойду *повижусь*; *Подогоняй* меня; Я еще немножко *порасту* и перестану.

В разговорной речи продуктивно словообразование глаголов с помощью префикса *под-*, имеющих значение 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью' (подбежать, подбросить). У детей также можно встретить подобные новообразования: Я сейчас немножко *подпомню* и расскажу; У тебя на кухне что-то *подкипивает*; Ты суп чуть-чуть *подваришь* и дашь мне. Своеобразие подобных детских окказионализмов в том, что в каноническом языке глаголы с подобной семантикой образуются при помощи других словообразовательных формантов: припомнить, пострегивать.

Одно из наиболее распространенных значений префикса *пере-* 'повторно, заново... совершить действие, названное мотивирующим глаголом' (пересмотреть, переписать). В речи детей достаточно часто встречаются глаголы, построенные по указанной модели: Я сейчас все *перепомню*; Я еще один раз *перекупаюсь* и выйду; Я только разок тебя *перелюблю* и пойду спать; Так я опять *перегуляю*, можно?; Нет, я *перепредумал*, останусь лучше у бабушки, — решает Саша после некоторых колебаний. Смысловая определенность подобных производных слов поддерживается соотносительными глаголами с префиксом *пере-* в нормативном языке.

Глаголы с префиксом *раз-* имеют несколько значений. Наиболее продуктивны следующие: 'аннулирование результата предшествующего действия', 'направление действия в разные стороны' (разлить, развязать, разъехаться). Данные детской речи подтверждают продуктивность названных значений префикса *раз-*: Это платье надо *раздеть*; Я с то-

бой еще не *разжалелась*; *Разбуй* сапоги; Надуи шарик, а теперь *раздуй*. Это совершенно новое значение слова *раздуй*. В нормативном языке значение этого слова антонимично детскому неологизму. (*Раздуть, -ую, -уешь, -утый*; сов., что 1. Усилить притоком воздуха, разжечь Р. огонь, Р. пламя освободительной борьбы. 2. Увеличить объем, наполнив, надув чем-н. Р. пузырь (Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М., 1964.)

Чрезвычайно интересен в детской речи и процесс образования глаголов от именных основ конфиксным способом. Ребенок, основываясь на аналогии, в привычную словообразовательную модель вместо глагольной основы подставляет в качестве производящей основу существительного с предметным значением или прилагательного. Дети, как правило, используют префиксы в их наиболее распространенном значении, и семантика нового слова в значительной степени раскрывается значением префикса. Глагольные же суффиксы они как бы приклеивают к образованной основе, оформляя слово грамматически. Происходит процесс, подобный агглютинации: *на-крапив-и-л-а, об-заноз-и-л-ся, от-скорлуп-а-й* и т. д. Лексическая семантика подобных отсубстантивных глаголов вполне конкретна и ясна и не нуждается в подсказывающей помощи контекста. Следует отметить, что в нормативном языке глаголы с подобным значением либо отсутствуют, либо образованы иным способом и при помощи иных словообразовательных формантов.

В русском литературном языке глаголы с префиксом *за-* и суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, имеют значение 'наделить (закрывать, заполнить) тем, что названо мотивирующим существительным' (зашторить, запудрить). У детей мы нередко встречаем подобные новообразования: *Заклужи* дверь; *Запакети* подарок бабуле; *Задвери* меня скорее.

Глаголы с префиксом *на-* и суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательными, имеют значение 'наделить тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным' (накислить, начернить). Детские новообразования по этой модели очень яркие по значению, в качестве мотивирующей основы у них могут выступать основы как прилагательных, так и существительных: *Накрапивила* ногу; *Наснежила* в коридоре; Ты меня не причесал, а *налохматил*.

В разговорной речи продуктивен тип образования глаголов от основ существительных при помощи префикса *об-* и суффикса *-и-*. Основным значением производных глаголов, образованных по данной модели, является 'окружить или покрыть со всех сторон тем, что названо мотивирующим существительным' (*обдернить*). Дети образуют подобные глаголы не только от основ существительных, но и от основ прилагательных. Суффикс может быть и другим. Я *обзанозился*; Она вся *обдождалась*; Всю кашу съем и *обсильнею*; Я все ноги *обмокрила*. В последнем случае явно выступает основа прилагательного *мокрый*.

В нормированном языке непродуктивно образование глаголов от основ существительных и прилагательных при помощи префиксов *от-*, *по-* и суффикса *-и-*. А в детской речи такие новообразования встречаются довольно часто: *Отключи* скорее дверь; *Отскорлупай* яйцо; *Откнопкалась* бумага; *Открепи* ложкой масло; Чай надо *посахарить*; Деда, ты *помолоткуешь, помолоткуешь* и отдохнешь? Дай я тебя *поветрю*. Смысловая определенность подобных производных глаголов поддерживается соотносительными глаголами с префиксами *от-* и *по-* в каноническом языке: *отщепить, посолить*. Сочетаемость составных частей в данных словах регулируется внеязыковой действительностью, здравым смыслом. Семантика слова *посахарить* конкретнее и яснее для ребенка, чем слово *посолодить*, а словом *помолотковать* ребенок называет не только действие, но еще и орудие действия. Подобные детские новообразования настолько экспрессивны, что исчезает, «гасится» впечатление неправильности, некодифицированности.

Пользуясь известными словообразовательными моделями, дети блестяще строят антонимические пары глаголов. В префиксе *раз-* наиболее

понятным оказывается значение 'аннулирование результата предшествующего действия', и при образовании антонимических пар дети предпочитают это значение префикса *раз-* всем другим. Отсюда следующие пары: *запакет* (подарок) — *распакет*; *надень* (платье) — *раздень*; *надуй* (шарик) — *раздуй*. Наиболее доступным значением префикса *за-* для детей является значение 'закрыть, замкнуть что-либо'. Это хорошо видно из следующих антонимических пар: *расширь* (руки) — *заширь*; *расплываются* (облака) — *заплываются*; *отключи* (дверь) — *заклучи*; *вытонула* (кукла) — *затонула*.

Приведенные детские новообразования в структурном отношении напоминают известные словообразовательные модели и с точки зрения системных отношений вполне допустимы. Все деривационные морфемы, составляющие данные слова, встречаются в многочисленных канонических образованиях. Дети же образуют свои слова, только по-новому комбинируя сочетания известных в языке морфем, которые выделяются и отождествляются благодаря парадигматическим ассоциациям. Ненормативность и некодифицированность детских глагольных образований исчезает благодаря их мотивированным употреблением в речи. Исследование детских новообразований по аналогии может способствовать выявлению продуктивных деривационных морфем и словообразовательных моделей.

¹ Негневицкая Е., Шахнарович А. Язык и дети.— М., 1981, с. 20.

² Там же, с. 16.

³ Русская грамматика.— М., 1980, с. 361. Все деривационные значения в статье даются по этому изданию.

Л. И. СОБОЛЕВА

О РЕЗУЛЬТАТАХ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ГЛАГОЛОВ ШУМА

В 70-е годы особенно возрос интерес к семантическим проблемам, усилилось внимание к методам изучения семантики, позволяющим объективно раскрывать значения языковых единиц, увеличилось число психолингвистических исследований, анализирующих участки семантической системы в ее различных аспектах с помощью оригинальных экспериментальных методик.

Все психолингвистические эксперименты можно классифицировать по трем основным принципам.

1. Классификация экспериментов обуславливается принципиальным подходом к изучению значения: а) структурный подход, в основе которого лежит идея о том, что все компоненты значения слова и элементы семантической системы в целом находятся в структурной связи и имеют ценность только в данной структуре; б) психологический подход, в основе которого лежит понимание значения как процесса. Сочетание этих двух подходов, когда значение понимается как процесс реализации структурных связей, дает возможность продуктивно исследовать семантическую систему. Так, например, метод семантической генерализации, примененный в исследованиях А. Р. Лурия и О. С. Виноградовой, позволил определить и структуру, и динамику семантических систем¹.

2. Классификация экспериментов в зависимости от аспектов изучения значения²: а) моделирование синтагматических отношений между словами; б) изучение ассоциативных связей слов; в) эксперимент с метаязыковым заданием.

3. В зависимости от характера преобразований все эксперименты делятся на количественные и качественные: а) в ходе количественных экспериментов от информанта получают количественные оценки языковых явлений; б) в результате качественных экспериментов получают языковые единицы, качественно отличные от заданных.

Названные классификации характеризуют три аспекта психолингвистических экспериментов, которые используются как при решении собственно психолингвистических проблем, так и при исследовании статики языковой системы. Но при проведении каждого из них продуктивно комплексное исследование или в пределах психолингвистического метода (например, сочетание количественных и качественных экспериментов), или, более широко: сочетание психолингвистических и некоторых других методов исследования.

Примером такого комплексного подхода при изучении одного из участков семантической системы служит денотативный компонентный анализ группы глаголов с общим компонентом значения «шуметь» в русском и белорусском языках. При исследовании 41 глагола русского языка (*греметь, гроыхать, грохотать, звенеть, звонить, звякать, бряцать, лязгать, брэнчать, дребезжать, брякать, зудеть, свистеть, пищать, гудеть, трубить, дудеть, жужжать, топать, хлопать, цокать, щелкать, шлепать, рокотать, тарахтеть, стрекотать, бить, стучать, скрипеть, скрежесть, скрести, царапать, тереть, хрустеть, тикать, булькать, плескать, бурлить, журчать, капать, аплодировать*) и 42 глаголов белорусского языка (*скрыпець, скрыгаць, скрэбці, храбусцець, хрусцець, гусці, вішчаць, свісцець, дудзець, званиць, звінець, бзыкаць, зумкаць, ляскаць, ляскатаць, бразаць, бразджаць, бразгатаць, пляскаць, капаць, стукаць, грукаць, грукатаць, грымець, грукацець, стракатаць, лапатаць, шоргаць, цокаць, цікаць, лопаць, пстрыкаць, пляскаць, булькаць, пахкаць, шчоўкаць, скрыгатаць, ракатаць, тарахцець, хрусцець, драпаць, сакатаць*) были применены два типа экспериментов. Первый из них — денотативный компонентный анализ, в котором компоненты значений исследуемых слов выявлялись путем предъявления информантом звуков, названных данными словами. На втором этапе проводится свободный ассоциативный эксперимент, с помощью которого устанавливается ассоциативное поле и характер значения каждого слова, и направленный ассоциативный эксперимент, дополняющий данные денотативного анализа.

Проведение этого комплекса экспериментов позволило установить, что исследование семантики глаголов с общим компонентом значения «шуметь» возможно только путем компонентного денотативного анализа, поскольку носители языка, как правило, четко не осознают значения этих слов и всегда определяют их либо через перечисление близких по значению слов, что кажется абсолютно неверным, либо через указание на предмет, источник данного звука. В большинстве случаев именно так объясняют значения данных слов толковые словари.

Выделение компонентов значений глаголов шума позволяет исследовать структуру значения каждого слова и структуру семантической подсистемы глаголов шума вообще, выяснить синонимические ряды слов, определить иерархию слов в синонимическом ряду, степень семантической близости слов в нем.

В ходе эксперимента установлены ассоциативные поля исследуемых слов, направление и четыре типа ассоциативных связей в них.

1. Парадигматические реакции, в которых стимул (С) отличается от реакции (Р) по одному признаку. Между С и Р могут существовать, например, синонимические отношения (*звенеть — звякать, греметь — грохотать*); антонимические отношения (*пищать — молчать*). Здесь значение С уже значения Р, поэтому правильной такие отношения назвать антонимическо-родовыми; Р и С — слова одной семантической группы (*звенеть — позвякивать, греметь — стучать*); Р и С — слова разных семантических групп (*звенеть — стучать*); между Р и С существуют родовидовые отношения, значение С включает в себя значение Р (*свистеть — шуметь, грохотать — звучать*).

2. Синтагматические реакции. С их помощью информанты стремятся создать часть текста, словосочетание со стимулом (*звенеть — колокольчик*).

3. Тематические реакции. Они отличаются от стимула по многим дифференциальным признакам, не составляют с С элемент текста и от-

ражают связь стимула с периферией семантического поля. Отношения между С и Р могут быть причинно-следственные: Р — причина, С — следствие (*звенеть — играть, бряцать — трясти, звякать — закрывать*); обстоятельственные (*бряцать — сражаться*). Здесь, очевидно, С употребляется в суженном значении: бряцать оружием; сопутствующего действия (*звонить — думать, набирать, ждать, учить, тикать*). Здесь Р — сопутствующее действие. А слово «звонить» употребляется не в значении звука, а в значении действия и соединяется в сознании информантов со словами «телефон», «звонок» (в учебном заведении), «бу-дильник».

4. Фонетические реакции. Они представляют собой слова, близкие по звучанию к стимулу; иногда же реакции — просто бессмысленный набор звуков (*звякать — вякать, бряцать — мацать*).

С помощью комплексного исследования подсистемы глаголов шума оказалось возможным осуществить сопоставительный анализ этих глаголов в русском и белорусском языках. При этом дополнительным средством послужили данные словарей. Общим свойством всех глаголов шума является то, что их значения более или менее тесно связаны со значениями предметов, являющихся источниками шумов, обозначенных данными словами. По степени разбросанности ассоциаций в свободном ассоциативном эксперименте можно судить о степени связанности значения источника шума со значением глагола шума, так как наибольшее число тождественных ассоциаций имеют слова, получившие наибольшее число реакций, обозначающих источник шума.

При исследовании глаголов шума устанавливаются не только узкоспецифические свойства данной подсистемы, но и прослеживаются некоторые более общие свойства лексических элементов. Так, значения слов могут различаться не наличием или отсутствием того или иного компонента значения, а степенью его проявления. В подсистеме глаголов шума синонимические ряды слов различаются наличием или отсутствием определенного компонента; например, компонент «удар» есть в глаголах *греметь — грохотать — гроыхать*, но его нет в глаголах *скрежетать — царапать — скрести*.

Внутри же синонимического ряда слова, как правило, различаются либо по степени проявления признака, соответствующего компоненту значения (например, в *звякать* удары менее интенсивные, чем в *звонить*); либо по характеру отношений между семантическими компонентами (например, в *звенеть* и *звонить* есть сигматический денотативный компонент «удар» и компонент «отзвук», но разница в интенсивности удара и отзвука в *звенеть* меньше, чем в *звонить*).

Многие глаголы шума имеют общие семантические компоненты, степень значимости которых может изменяться в разных словах. Глаголы шума различаются степенью проявления того или иного признака, соответствующего определенному компоненту значения. В периферических словах синонимического ряда степень значимости основного для данного ряда семантического компонента уменьшается и увеличивается степень значимости семантического компонента соседнего синонимического ряда. Следовательно, можно сделать вывод о диффузности семантической подсистемы глаголов шума, о взаимопроницаемости семантических систем вообще, о нежесткости семантической системы языка.

Таким образом, комплексное исследование одной семантической подсистемы позволило определить характер структуры каждого из ее элементов, особенности отношений между ее элементами и свойства данной подсистемы.

¹ См.: Лурья А. Р., Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем.— В кн.: Семантическая структура слова.— М., 1971.

² См.: Клименко А. П. Психолингвистические методы исследования значений.— В кн.: Методы изучения лексики.— Минск, 1975.

ЛОЖНО ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ БИЛИНГВОВ (К вопросу о природе лексико-семантической интерференции)

Контактирование двух любых языков в условиях национально-русского двуязычия выдвигает ряд вопросов, решать которые призваны собственно лингвистика, социолингвистика, психолингвистика и лингводидактика. Интерференция, возникающая в процессе использования билингвами более чем одной языковой системы, является объектом исследования всех указанных дисциплин, задача которых представляется как двунаправленная: 1) выявить, раскрыть особенности интерференции, 2) вести борьбу за предупреждение и преодоление интерференции. С уверенностью можно сказать, что решение второй задачи зависит от наиболее полного решения первой.

Отрицательное воздействие одного языка на другой просматривается в первую очередь на фонетическом и грамматическом уровнях. Этим, пожалуй, и объясняется более пристальное внимание ученых к фонетическим и грамматическим ошибкам, возникающим в речи билингвов, хотя исследования такого рода и носят эпизодический характер и еще далеко не полностью раскрывают суть указанных ошибок.

Рассмотрение вопроса о вероятности ложного отождествления лексических единиц носителями двух языков практически только начинается. Опасность же недифференцированного подхода к словам, идентичным лишь односторонне, велика, ибо адекватное соотнесение лексем по форме и смыслу требует довольно высокого уровня знания используемых языковых систем.

Под лексико-семантической интерференцией будем понимать употребление слова одного языка вместо такого же или сходного по форме, но иного по значению слова другого языка (например, употребление в белорусском языке слова *дыван* в значении русского слова *диван* — 'мягкая мебель для сидения и лежания, со спинкой и ручками или валиками'). При этом лексико-семантическая интерференция разграничивается с лексической, под которой подразумевается употребление слова одного языка в другом языке, по отношению к лексической системе которого оно рассматривается как чуждое в своем оформлении (например, употребление в русском языке слова *бусел* вместо *ауст*). Первый случай интерференции — это ложное отождествление слов на основании сходства их лишь в плане выражения, т. е. это верное соотношение (отождествление) формы слов (без учета возможной фонетической или морфемно-словообразовательной интерференции) при неверном соотношении значений слов. Второй случай интерференции — это верное соотношение значений слов при неверном соотношении (отождествлении) формы слов.

Заметим, что разделение интерференции на лексическую и лексико-семантическую несколько условно, ибо понятия 'лексический' и 'лексико-семантический' подразумевают и форму, и значение какого-либо слова. Однако два рассмотренных выше случая проявления интерференции указывают на необходимость подобного разграничения. Понятие 'лексико-семантическая интерференция' как бы подчеркивает возможность неверного использования лексемы с несвойственной ей семантикой, а лексическая интерференция рассматривается как неверное употребление лексемы с присущим ей значением в иной языковой системе.

Лексико-семантическая интерференция имеет целый ряд особенностей, обусловленных сложным процессом общения на двух языках. Тезис **неверное употребление одного слова вместо другого** является лишь общим представлением о данной разновидности интерференции, полная модель которой может возникнуть только в результате более или менее тщательного анализа этого явления.

Язык как система и речь как использование этой системы человеком находятся в тесном диалектическом единстве. Следовательно, ин-

терференция имеет косвенное отношение и к языковой системе. Рассматривая синтагматические связи слов, являющихся потенциальным источником интерференции, можно заметить, что различный характер проявления лексико-семантической интерференции зависит от сочетательных возможностей таких слов. Так, предложение *Жнейка целый день работала в поле* декодируется в соответствии с единственным значением русского слова *жнейка* ('жатвенная машина'). В белорусском же языке эта фраза (*Жнейка цэлы дзень працавала ў полі*) имеет и иное значение, обусловленное семантикой слова *жнейка* ('женщина, жнущая в поле хлеб'). Именно с этим значением слово белорусского языка и может проникнуть в русскую речь, где восприниматься будет иначе. Словосочетание *бескорыстный человек* (бел. *бескарыслівы чалавек*) есть и в белорусском языке — *бескарысны чалавек* (рус. *бесполезный человек*). Однако значения у этих словосочетаний различные. Лексемы рус. *бескорыстный* и бел. *бескарысны* в данном случае имеют идентичные синтагматические связи, поэтому в составе указанных словосочетаний могут быть неверно употреблены и ложно восприняты как в русском, так и белорусском языках.

Характерной особенностью лексико-семантической интерференции в подобных случаях, т. е. при наличии идентичных синтагматических связей слов, способных вызвать ложные ассоциации, является то, что при употреблении одного из таких слов вместо другого меняется значение лексемы как члена конкретного речевого контекста и как члена лексической системы языка. Ведь употребляющиеся в речи слова какого-либо языка являются, как правило, и членами системы этого языка. Поэтому меняется значение слова и по отношению к его существованию в системе, имеющей лексему с иным значением.

Несколько по-иному предстает лексико-семантическая интерференция в случаях, когда слова, являющиеся потенциальным источником ошибок, имеют различные синтагматические связи. К примеру, фраза *У агародзе рос лук* не наведет никого на мысль о том, что речь идет о луке в значении 'оружие для метания стрел в виде гибкой дуги, стянутой тетивой', несмотря на то, что слово *лук* имеет в белорусском языке именно это значение. Данный контекст раскрывает и содержание русского слова *лук* (бел. *цыбуля*), перенесенного в белорусский язык. Речь идет, конечно, о ситуации, когда и билингв, декодирующий эту фразу, хотя бы рецептивно владеет двумя языками. Поэтому в подобных случаях можно говорить об изменении значения слова по отношению к лексической системе языка (в данном случае белорусского), но не по отношению к составному элементу контекста (принимая во внимание оговорку о соответствующем владении билингвом обоими языками).

В одной статье, посвященной «ложным друзьям переводчика», автор дает пример неверного перевода русского слова *свет* на белорусский язык: «Жыхары многіх вуліц на некалькі тыдняў застаюцца без вады і свету»¹. Хотя слово *свет* в данном случае и употреблено вместо *святло*, из контекста ясно, что речь идет о последнем, а не о вселенной или человеческом обществе. Ошибка возникла под воздействием русского слова *свет* ('лучистая энергия, воспринимаемая глазом, делающая окружающий мир видимым'), которое в лексической системе белорусского языка имеет иное значение. Несколько курьезное проявление лексико-семантической интерференции происходит под воздействием слов бел. *асмаліць* ('очистить огнем от волосяного покрова, ворса и т. п.', рус. *оспалить*) и рус. *осмолить* ('покрыть смолой поверхность чего-л.', бел. *асмаліць*). В русской речи билингвов часто слышим *осм[л]ить кабана*, хотя при этом все понимают, что надо очистить огнем свиную тушу от волосяного покрова, а не покрыть ее смолой. Но у человека, владеющего только русским языком, такая фраза могла бы вызвать удивление, так как означала бы лишь одно: покрыть смолой.

Слова, принадлежащие к различным лексико-грамматическим разрядам, образуют одинаковые синтагматические сочетания очень редко, причем лишь в узких контекстах. Например, сочетание *край дарогі*

(*край дороги*) есть в белорусском и русском языках. Но если в белорусском языке составляющими этого сочетания могут быть 1) два существительных или 2) предлог и существительное (рус. *возле дороги*), то в русском языке возможно лишь первое.

Поскольку владение языком/языками предполагает не только умение говорить, но и умение понимать, то лексико-семантическая интерференция раскрывает двойственность своей природы. С одной стороны,— это неверное употребление совпадающих в графико-фонетическом оформлении слов двух языков, с другой,— ложное понимание таких слов, реализованных в контексте. Для неверного употребления лексем бывает достаточно только внешнего их совпадения. При этом, если слово не изменяет общего значения контекста, декодируется он однозначно и в соответствии с истинной своей семантикой (см. выше, например, *у агародзе рос лук*). Ложно воспринятыми и понятыми могут быть слова, функционирующие в одинаковых словосочетаниях, фразах, т. е. имеющие одинаковые сочетательные возможности. Так, выражение *на stole лежит журнал* (бел. *на стала ляжыць журнал*) не раскрывает своего конкретного значения в русском языке. Что же касается белорусского языка, то билингвом данное предложение может быть ложно декодировано под воздействием русского слова *журнал* (бел. *часопіс*).

В рассмотренном случае понимание слова или предложения — процесс, следующий в направлении от билингва, передающего информацию (билингв А), к билингву, принимающему эту информацию (билингв Б). Последний как раз и «расшифровывает» сказанное (написанное) билингвом А. Однако и у информанта А процесс порождения фразы предшествует процесс осознания, понимания того, что через секунду или доли секунды он скажет (напишет). Поэтому интерференция начинается как бы зарождаться еще до того, как билингв произнесет *на стала ляжыць журнал* (вместо *часопіс*). Затем происходит процесс порождения фразы, после чего следует декодирование (осознание, понимание) билингвом Б того, что сообщено билингвом А. При этом возможны две ситуации: 1) билингв А в процессе порождения какого-либо микроконтекста допускает ошибку, а билингв Б в таком виде декодирует этот микроконтекст; 2) билингв А строит верно фразу, в соответствии с лексико-семантическими требованиями используемой языковой системы, а билингв Б ложно декодирует эту фразу под воздействием такого же по форме, но иного по значению слова второй используемой языковой системы. Обе ситуации реальны в отношении слов — источников интерференции, имеющих идентичные или сходные синтагматические связи с другими словами. Если же рассматриваемые лексемы имеют разные синтагматические связи, то при неверном порождении фразы билингвом А билингв Б, как правило, верно декодирует ее (см. *у агародзе рос лук*).

Поскольку лексико-семантические ошибки вызываются всегда минимум двумя словами, каждое из которых принадлежит различным языковым системам, то двойственный характер интерференции раскрывается и в следующем. Так, слово одного языка может вызывать у билингва ассоциации, связанные со значением такого же по форме, но иного по содержанию слова во втором языке. Благоприятной почвой для такого рода интерференции является наличие одинаковых синтагматических возможностей слов — источников ложных ассоциаций. К примеру, бел. *насіць жалобу* может быть воспринято билингвами как *подать жалобу* (*жаловаться*). Данный случай показывает, что сразу после восприятия фразы слово *жалоба* декодируется со значением русского слова *жалоба*.

Второй путь протекания лексико-семантической интерференции — когда слово одного языка вызывает у билингва истинные ассоциации и переносится во второй язык (с учетом закономерных формальных соответствий), в котором оно имеет иное значение. В подобных случаях интерференции билингв уверен, что слово одного языка обладает той же формой и значением в другом языке. Ошибки такого рода могут

быть вызваны как лексемами, имеющими разные синтагматические сочетательные возможности, так и лексемами, способными иметь идентичные или сходные синтагматические сочетания. К примеру, в предложении *Праз 5 хвілін усю ваду выкачалі* (из наблюдений над речью билингов) слово *выкачаць* (вместо *выпампазаць*) появилось под воздействием русского слова *выкачать*. Рус. *выкачать* — лексема, известная всем билингам, и то, что она употреблена в отмеченной фразе, — результат незнания билингвами правильного лексико-семантического соответствия слов в русском и белорусском языках. В указанном контексте бел. *выкачаць* (рус. *обвалить*), конечно, неуместно. Поэтому трудно даже предположить, что рус. *выкачать* в данной контекстуальной ситуации может вызвать ассоциации, обусловленные значением белорусского слова *выкачаць*.

Следует, однако, заметить, что порой очень трудно проследить процесс возникновения ошибки. Это в первую очередь относится к словам, имеющим идентичные синтагматические связи с другими словами. Так, смешение лексем рус. *прозвище* и бел. *прозвішча* (рус. *фамилия*) происходит при общении как на русском, так и на белорусском языке. В предложениях типа *У Міколкі было нейкае дзіўнае прозвішча* — *У Николки было какое-то странное прозвище* эти слова зачастую ложно воспринимаются и неверно употребляются. Когда билингв идентифицирует данные предложения, мы можем лишь утверждать, что они объединены значением или рус. *прозвище*, или бел. *прозвішча*. Какое же конкретно из этих слов ассоциировалось в сознании билингва, сказать сложно. Не всегда и более широкий контекст позволяет безошибочно определить, о чем идет речь — о фамилии или кличке. Можно лишь предполагать, что у билингов, знающих гораздо лучше русский язык и в основном его использующих, бел. *прозвішча* будет ассоциироваться со значением рус. *прозвище*. Для билингов, у которых белорусский язык значительно преобладает над русским, более вероятно, что рассматриваемые слова будут отождествлены значением бел. *прозвішча*.

Все рассмотренные выше случаи интерференции можно объединить, определив такую интерференцию как прямую, или непосредственную, т. к. перед нами употребление одного из ложно эквивалентных слов вместо другого. Непосредственная интерференция отличается от косвенной, или опосредствованной, т. е. когда в речи употребляется синоним одного из слов, способных быть источником непосредственной интерференции. Так, отождествляя бел. *благі* с рус. *благодій*, бел. *маецца* с рус. *мается* (3-е л., ед. ч.), билингв говорит или думает о *благих, хороших намерениях*, когда подразумеваются плохие намерения, или сетует на то, как *мается, мучается этот человек*, когда речь идет о самочувствии этого человека, ибо бел. *маецца* соответствует рус. *чувствует*. Русские слова *благодій* и *хороший*, *маяться* и *мучиться* — синонимы.

В некоторых случаях лексико-семантическая интерференция может быть обусловлена орфографической, фонетической, акцентологической или морфемно-словообразовательной ошибкой. В подобных ситуациях достаточно, к примеру, неверного употребления лишь одной графемы или звука, чтобы значение слова изменилось. Когда билингв пишет или произносит *зародить* (*за[r^]дить*) *автомат*, вряд ли этот факт можно мотивировать влиянием русского слова *зародить*. Скорее это результат орфографической или фонетической ошибки.

В ряде случаев межъязыковая интерференция стимулирует внутриязыковую, равно как и внутриязыковая интерференция стимулирует межъязыковую. То, что при общении на белорусском языке употребляется, к примеру, *ніжэй* вместо *ніжэйшы*, а в русском *маховик* вместо *моховик*, может быть объяснено межъязыковой и внутриязыковой интерференцией.

Как видим, лексико-семантическая интерференция — явление многоплановое. Оно рассматривается с собственно лингвистической или экстралингвистической точки зрения. Однако наиболее полное пред-

ставление о природе интерференции можно получить, лишь проанализировав в тесной связи эти два аспекта проявления интерференции (собственно лингвистический и экстралингвистический).

¹ Шыдлоўскі А. В. Пра фальшывых сяброў перакладчыка.—Польмя, 1970, № 3, с. 226.

Н. ДИАКИТЭ ПУТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ В БАМАНА И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном языкознании полисемичным называют слово, которое имеет несколько значений¹. Но данное определение не позволяет разграничить значения, найти их соотношения и, наконец, ответить на вопрос, сколько же значений может иметь слово. Различные словари, исходя из указанного понимания полисемии, по-разному представляют систему значений и оттенков употреблений одного и того же слова.

Приведенное определение многозначности основывается на понимании слова как основной единицы языка, которое, по мнению А. И. Смирницкого, «в действительности таковой не является, о чем убедительно свидетельствует тот факт, что в слове находится несколько лексико-семантических вариантов, т. е. лексем, имеющих различные значения, устанавливаемые путем интерпретации значимостей (различных форм) на семантическом уровне»². На самом деле, в лексеме форма (значимость) и содержание (значение) однозначно соответствуют друг другу. Многозначное слово содержит несколько различных единств формы и значения.

Ю. Д. Апресян видит «суть полисемии не в том, что одно звучание передает несколько значений, а в том, что в пределах одного слова, как и в лексической системе языка, формальным различиям соответствуют различия в содержании»³.

Сущность полисемии в языке бамана и в русском заключается в том, что какое-то название предмета, явления переходит, переносится на другой предмет, другое явление, в результате чего одно слово обслуживает в качестве названия одновременно несколько предметов, явлений. В зависимости от того, по какому признаку, на каком основании совершается этот перенос названия, различают четыре основных типа полисемии: **метафору, метонимию, синекдоху и перенос по общности функции**.

В обоих языках **метафора** — это перенос названия с одного предмета или явления на другой на основании их сходства по внешним (по форме, по характеру движения, по цвету и т. д.) или по внутренним признакам⁴. Метафорический перенос с одного предмета на другой по внешним признакам воспринимается как одно из образных и ярких переносных значений слов.

В языке бамана, как и в русском, простейшая метафора может строиться на сходстве формы двух и более предметов. Например: *kuḡi* — горб — 'уродливая выпуклость на спине человека и нормальная выпуклость у некоторых животных. 'Ср. *nyaaṁe ko kuḡi* — 'горб у верблюда'. Обозначает оно также и неровную поверхность, например: горбатый пол.

Многие метафоры построены на сходстве в расположении двух предметов по отношению к чему-то (чаще всего по расположению части по отношению к целому). Например, верхнюю, боковую, заднюю, переднюю или нижнюю часть каких-то разных предметов называют одним и тем же словом: *ku* — хвост — у животных это 'придаток (обычно подвижный) на задней части тела или вообще задняя суженная часть тела'. Ср.: *jeke ku* — рыбий хвост. *Ku* обозначает еще и заднюю

конечную часть чего-нибудь движущегося: rapkugun ku — хвост самолета. Bolo — рукав — 'часть одежды, покрывающая руку'. Например, doloki bolo — рукав рубашки. Слово bolo имеет и значение — 'ответвление от главного русла реки, преимущественно в ее устье'. Ср.: ba bolo — рукав реки.

Метафоры могут возникать на основе сходства по характеру движения. Например: jéké — рыба — 'живущее в воде и дышащее жабрами позвоночное животное с конечностями в виде плавников и с кожей, покрытой чешуей'. Ср.: kokoji jéké — морская рыба. Это же слово употребляется и для обозначения хорошо плавающего человека. Ср.: pi sēni yé jéké yé jilaa — этот мальчик — рыба в воде. В обоих языках наблюдается метафоризация слов по сходству цвета предметов: fin — черный — 'цвета сажи, угля'. Например, banfula fin — черная шляпа и faga fin — черная кожа.

Из приведенных примеров видно, что материальное сходство (по форме, характеру движения, расположению и по цвету) бросается в глаза, однако в более сложных случаях метафора замаскирована. В языке бамана, как и в русском, существуют метафоры, построенные на основе сложных внешних признаков или качеств, их переноса из круга явлений, свойственных человеку, на мир неодушевленной природы и наоборот. Например, gingin — сова — 'хищная ночная птица с большими глазами и крючковатым клювом, которая охотится только ночью'. Совой называют также человека, который не спит по ночам. Ср. ne ka gingin bi kasila — моя сова (о ребенке) плачет. Слово siné — газель символизирует не только быстроту движения, но и употребляется для названия красивой, стройной, грациозной девушки. Как указано выше, в обоих языках метафора может строиться на основе сходства внутренних качеств между явлениями, между человеком и явлениями или животными.

Метафорические переносы наименований наиболее интенсивно затрагивают те группы лексики, которые связаны с определенным качеством или признаком животных и птиц. Например, wolo — куропатка — 'дикая птица из семейства куриных': wolo soko ka di — куропатка — вкусная птица. В языке бамана это слово употребляется и тогда, когда речь идет о хитром человеке: I kolosi Sèdu la, wolo do — осторожно с Сейду, он куропатка. В русском языке в этом же значении употребляется слово *лиса*.

Метафора может возникать на основании впечатлений, сложных ассоциаций, порожденных восприятием предметов или явлений. Например, бага — яд — 'вещество, вызывающее отравление, иногда со смертельным исходом'. Ср. sa бага — змеиный яд. В обоих языках это слово имеет также и переносное значение — 'злоба, ехидство, язвительность'. Ср.: pi kuma бага ka fari dē — сколько яду в его словах. Jirikugum — дубина — 'толстая, тяжелая палка'. Ср.: n'ta se ka jirikugum korota — не мог поднять дубину. В обоих языках эта лексема употребляется и для обозначения тупого, глупого человека, например: pi jirikugum ni bi mun fola? Что говорит эта дубина?

Метафора может возникать на основании отношений, обусловленных культурными, историческими и социальными причинами. Эти отношения могут быть отрицательными или положительными. Doppibaga — знаток, т. е. 'знающий дело'. Но в глазах суверенных крестьян это — 'колдун, тот, кто связан с дьяволом'.

Перенос названия по **общности функций** имеет много общего с метафорой, так как основан на сходстве, общности. Мы придерживаемся мнения, что перенос названия по общности функции должен рассматриваться как самостоятельный прием полисемии. Главное отличие метафоры от переноса по общности функции состоит в том, что метафорический перенос основан на сходстве материальной характеристики: цвета, формы, характера движения и т. п., т. е. совокупность непосредственно воспринимаемых органами чувств (особенно зрения) сходств то-

го, с чего переносится название, на то, куда это название переносится. При функциональном переносе общность не опирается на чисто материальное сходство: вещи могут быть совершенно разными по форме и по цвету и т. д. Объединяет их общность функции. Например: в языке бамана, как и в русском, *dep sen i li sen* — ножки ребенка и ножки кровати. Здесь не только внешнее, но и определенное функциональное сходство. *Katap* — крыло в прямом значении обозначает 'орган летания у птиц, насекомых, а также некоторых млекопитающихся', например: крыло совы соответствует в языке бамана *gingin katap*. В обоих языках это слово имеет и второе значение — 'несущая плоскость летательного или другого движущегося аппарата'. Ср.: *rapkagun katap* — крылья самолета.

В бамана и русском нередки случаи и метонимичного возникновение многозначности слов. «**Метонимия** — это способ выражения, который можно охарактеризовать как перенос обозначения или, точнее, определить как подстановку одного слова вместо другого, связанного с ним либо по результату действия, либо по веществу предмета»⁵. Круг метонимии значительно шире, чем указано в определении Ж. Марузо. В своей работе мы придерживаемся точки зрения А. А. Реформатского, который пишет, что «метонимия — такой перенос названия, который совершается не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи и новой, а на основании смежности, т. е. соприкосновения вещей в пространстве или во времени»⁶.

Действительно, при метафоре два одинаково называемых предмета, явления должны быть чем-то похожи друг на друга. При метонимии два предмета, явления, получающих одно название, должны быть смежными. В настоящей работе мы установили метонимическую связь в следующей семантической структуре: перенос названия по временной смежности и перенос названия по смежности, вызванный историческими и социальными причинами, т. е. сложные переносы названия пространственной смежности. В языке бамана, как и в русском, наблюдается перенос названия по пространственной смежности, в частности, смежности двух предметов, из которых один помещается внутри другого. Например: *kalanso* — аудитория в бамана, как и в русском, обозначает 'помещение для чтения лекций'. В сочетании же *kalanso puɛmajolen*, соответствующем русскому послушная аудитория, это слово употребляется в значении 'слушатели'.

Несколько сложнее метонимия, основанная на других типах смежности. Так, при временной смежности одно и то же слово называет не только процесс действия, но и результат этого действия, процесса. Например, когда мы говорим о питании человека, то довольно своеобразно относимся к терминам, относящимся к этой области. Ср.: слово *ɗutɛ* — чай имеет следующие значения: 1) южное растение (*ɗutɛ fo* — плантации чая); 2) высушенные и обработанные листья этого растения (*ɗutɛ fura* — пачка чаю); 3) напиток, приготовленный из таких листьев (*ɗutɛ wɛrɛ* — чашка чаю); 4) процесс чаепития (*ɗutɛ iɛmɛ nɛko bɛ carinna* — после чая все разошлись). Словом *tilɛlafana* — обед мы называем и набор кушаний, например, *tilɛlafana na duman* — вкусный обед, и процесс приема пищи и время, в которое обычно происходит такой прием пищи: *bɛ sumanen kun do tilɛlafana dun yorola* — обед прошел в молчании; *ka taa tilelafanala* — уехал в обед.

Переносы названия по смежности могут возникать по историческим или социальным фактам. Например, *juɟu* — веревка, в своем основном значении совпадает с русским словом. Это 'изделие из крученых или витых в несколько рядов длинных прядей пеньки или материал, употребляемый для завязывания и других надобностей'. Например: *ka dopi siri pi juɟu uɛ* — завязывать багаж веревкой. Однако в языке бамана оно имеет и переносное значение 'долг', отсутствующее в русском. *Sap* — дождь в обоих языках обозначает 'атмосферные осадки в виде водяных капель'. Например, *sap be na* — идет дождь. В бамана у

этого слова возникло и переносное значение, которое отсутствует в русском: *san* (дождь) употребляется как обозначение возраста или года. Чтобы проникнуть в связь между значениями этого слова, надо просто понять, что основное занятие носителей этого языка было земледелие, поэтому для них вся жизнь связана с дождем. И каждый первый дождь — это начало нового года. Например, в русском говорят: сколько тебе лет? а бамана скажет: сколько дождей видел ты? *yè san jòli yè?*

Несколько реже наблюдаются случаи **синекдохи**. Под синекдохой мы понимаем случаи, когда «наименование целого заменяется названием отдельных его частей или наоборот»⁷. Часто синекдоху не выделяют из метонимии, так как у них много общего. Мы считаем синекдоху самостоятельным видом полисемии. В основе синекдохи также лежит смежность, однако существенным отличием синекдохи является количественный признак соотношения того, с чего переносят наименование, и того, на что переносят наименование. Один член такого соотношения всегда будет больше, шире, более общим, другой — меньше, уже, более частным. Она, как и другие виды многозначности, является образным средством речи. Как и в бамана, в русском языке чаще наблюдается перенос названия с части на целое. Например, *da* — рот в словосочетании *da senyi*, соответствующем русскому «красивый рот», обозначает 'полость между верхней и нижней челюстями, имеющую отверстие в нижней части лица'. Но в выражении *da kelen farala jama kap* — в семье прибавился лишний рот обозначает «человека». Синекдоха возникает и на основе употребления родового названия вместо видового, при котором также наблюдается сужение значения: *pa gamafen* — оружие — 'совокупность средств, приспособленное, технически пригодное для нападения или защиты', а также обозначение всякого вида этих средств.

Как следует из наблюдений, в бамана и русском, принадлежащим к разным языковым семьям, прослеживаются сходные пути развития полисемии, что обусловлено единством психологических процессов. Различия же определяются особенностями культурно-исторических, общественных, природно-климатических и других факторов в жизни каждого народа.

¹ См.: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов.— М., 1960, с. 216. Аналогичное определение у Родзевича: Словник лінгвістичних термінів.— Київ, 1957, с. 127.

² Смирницкий А. И. К вопросу о слове: Проблема «тождества слова»/Труды Института языковедения АН СССР.— М., 1954, т. IV, с. 47.

³ Апресян Ю. Д. О понятиях и методах структурной лексикологии: Проблемы структурной лингвистики.— М., 1962, с. 143.

⁴ См.: Реформатский А. А. Введение в языковедение.— М., 1967, с. 77.

⁵ Марузо Ж. Указ. работа, с. 157.

⁶ Реформатский А. А. Указ. работа, с. 80—81.

⁷ Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика.— М., 1977, с. 101.

Б. Ю. НОРМАН, С. К. ОСИПОВА

ОБ ОДНОМ СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ТИПЕ БОЛГАРСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

(прилагательные с префиксом *въз-*)

В современном болгарском языке четко выделяется группа прилагательных, образованных посредством префикса *въз-*, таких, как: *възстар* «староватый, довольно старый», *възчервен* «красноватый», *възголям* «великоватый» и т. п. Не будучи связаны непосредственно с важнейшими типологическими особенностями болгарского языка — с его аналитизмом и «балканизмом», — прилагательные на *въз-*, тем не менее, представляют собой специфический фрагмент словообразова-

тельной системы, важный для описания всего грамматического строя данного языка.

В других славянских языках болгарским прилагательным с префиксом *въз-* соответствуют, как правило, суффиксальные образования. В частности, в русском языке примерно то же значение передается прилагательными с суффиксом *-оват-*. (Впрочем, русским говорам известна также модель с префиксом *во-*, этимологически родственная болгарской модели с *въз-*).¹

В самых общих чертах значение описываемых образований — это ослабленность признака, называемого корневой морфемой. Говоря же точнее, семантика болгарских прилагательных с *въз-* и их русских соответствий с *-оват-* заключается в ослаблении степени некоторого признака, понимаемого как избыточный. Так, рус. *староватый* означает «более старый, чем нужно (чем должно быть), но не слишком старый». *Широковатый* значит «более широкий, чем нужно (чем обычно), но не слишком широкий». Аналогично описывается и значение болгарских дериватов с *въз-*.² Таким образом, семантика этих прилагательных оказывается внутренне противоречивой: с одной стороны, обнаруживается избыток некоторого качества по отношению к норме. С другой стороны, данный избыток ослабляется, снижается. (Заметим, что если упомянутая норма и избыток качества — это скорее объективная данность, то снижение этого избытка, наоборот, скорее проявление субъективного отношения говорящего.) Исходя из описанного противоречия словари нередко фиксируют у данного класса лексем два оттенка значения: «избытка» и «недостатка» качества. В частности, выходящий ныне многотомный толковый словарь болгарского языка — «Речник на българския език» — последовательно дает при словах на *въз-* толкование типа: «имеющий соответствующее свойство, качество в несколько меньшей или несколько большей степени». Однако, на наш взгляд, говорить здесь об энантиосемичности или вообще многозначности вряд ли стоит: перед нами одно, цельное, хотя и сложное, значение: ослабление избытка качества.

Состояние лексикографической разработки прилагательных с префиксом *въз-* заслуживает особого внимания. Нами были обследованы следующие 8 словарей болгарского языка, толковых и переводных (в скобках дается их условное обозначение): Геров Н. Речник на българския език: Фототипно издание. — София, 1975, ч. I, А—Д (Г); Младенов С. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. — София, 1941 (М); Речник на съвременния български книжовен език. (Гл. ред. Ст. Романски. — София, 1955, т. I (РСБКЕ); Речник на българския език. (Гл. ред. К. Чолакова. — София, 1979, т. II, В (РБЕ); Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. — М., 1953 (Б-53); Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. — М., 1975 (Б-75); Чукалов С. Българско-руски речник. — София, 1960 (Ч); Руско-български речник. / Под ред. на С. Влахов, А. Людсканов и Г. А. Тагамлицкая. — София, 1960, т. I, А—О (РБР).

В общей сложности в указанных словарях нами было обнаружено 76 прилагательных с префиксом *въз-*. В это число не входят морфологические варианты (типа *възчер—възчерен*) и производные формы (типа *възголемичък* от *възголям*; если же словарь давал только производную основу — вроде *възголемичък*, — но не давал производящей, то последняя автоматически восстанавливалась нами). Представим полный список зафиксированных словарями прилагательных в виде таблицы, в которой плюс будет обозначать наличие лексемы в соответствующем источнике.

Как следует из данных таблицы 1, различные словари включают в себя неодинаковое количество прилагательных с префиксом *въз-*, причем, что характерно, это количество не коррелирует с величиной словника. Так, словарь Б-53 (объем около 45 тыс. слов) содержит 31 лексему анализируемого типа, а словарь того же автора Б-75 (око-

Таблица 1

Прилагателно	С л о в а р и							
	Г	М	РСБКЕ	РБЕ	Б-53	Б-75	Ч	РБР
възблаг					+	+	+	
възбледен			+	+		+	+	+
възблудкав					+		+	
възбърз				+				
възбял	+			+	+	+	+	+
възвисок	+		+	+	+	+	+	
възглунав				+				+
възглух	+			+				+
възголям		+	+	+	+	+	+	+
възгорд					+			
възгорчив			+	+	+	+	+	
възграпав				+				
възгрозен	+			+				
възгруб				+				+
възгърбав				+				+
въздебел			+	+	+	+	+	
въздлъгнест				+				
въздребен			+	+		+	+	
въздрезгав								+
въздълъг		+	+	+	+		+	
възедър				+				
възжилав				+				
възжълт		+	+	+	+		+	+
възжълтеникав				+				
въззелен			+	+		+	+	+
въззеленикав				+				
възкален								+
възкафяв				+				
възкисел	+	+	+	+	+	+	+	+
възкисав				+				
възкратък					+	+	+	
възкрив				+				
възкръгъл				+				
възкъдрав	+			+				
възкъс		+	+	+	+		+	
възлек				+				
възмалък	+		+	+	+		+	
възмек				+				
възмлад					+		+	
възмокър								+
възморав				+				
възмургав			+	+			+	
възмътен								+
възмъчен	+							
възнисък	+		+	+			+	

Прилагательное	С л о в а р и							
	Г	М	РСБКЕ	РБЕ	Б-53	Б-75	Ч	РБР
възостър	+							
възплнтък					+			
възпрост								+
възпълен				+			+	
възрозов				+				+
възрус		+	+	+	+	+	+	
възрядък				+	+		+	+
възсветъл				+				
възснв		+	+	+	+		+	
възснвкав				+				
възснн			+	+	+			+
възсннкав				+				
възснпкав								+
възслаб			+	+	+		+	+
възсладък				+	+		+	+
възсляп	+							
възстар			+	+	+	+	+	+
възстуден					+			
възсух			+	+			+	
възтвърд								+
възтежък		+	+	+	+		+	
възтесен			+	+	+	+	+	
възтопъл			+	+				
възтъмен			+	+	+		+	
възтънък			+	+	+		+	
възтъп				+				
възхладен			+	+			+	
възчервен		+	+	+	+		+	+
възчервенкав				+				+
възчерен			+	+	+		+	+
възширок					+		+	+

ло 58 тыс. слов) — лишь 14. Другой пример: ряд болгарских лексем, например, *възмлад*, *възплнтък*, *възстуден* и т. д., фиксируется отдельными словарями среднего объема и в то же время отсутствует в более полных словарях — РСБКЕ и РБЕ. Наконец, многие образования с префиксом *въз-* вообще остаются вне поля зрения лексикографов. Болгарский языковед Й. Еленски в специальной статье, посвященной происхождению данной словообразовательной модели, приводит внушительный список прилагательных с *въз-*, встречающихся в речи, но не зафиксированных ни в одном словаре. Отсюда следует вывод, что включение или невключение в словарь того или иного болгарского прилагательного происходит «случайно, бессистемно, без специально выработанного у автора отношения к этому словообразовательному типу»³.

Какие же факторы, кроме личных «симпатий» составителя словаря, влияют на трактовку исследуемого класса слов, какое место занимает данная модель в словообразовательной системе современного болгарского языка? Можно предположить, что та случайность в лексико-

графическом описании прилагательных с *въз-*, которую мы только что наблюдали, свидетельствует о потенциальном характере последних. Это значит, что словообразовательная система современного болгарского языка разрешает присоединение префикса *въз-* теоретически к любой адъективной основе, лишь бы обозначаемое ею качество могло существовать в разной мере. Запреты же семантического, фонетического и прочего плана вступают в действие лишь при речевой реализации этой общей закономерности. Для того, чтобы проверить данную гипотезу, мы провели эксперимент. Ста болгарам (студентам-филологам Софийского университета) были предложены одинаковые задания с текстом: «Отметьте, пожалуйста, оценкой для каждого слова, какое из них более возможно, какое — менее возможно. Совершенно нормальное слово оценивается отметкой 3, совершенно невозможное слово — отметкой 0, в остальных случаях оценки могут быть 1 или 2». Далее следовал список из 21 прилагательного, частично взятых из словарей (в таблице 2 это отмечено), частично созданных нами искусственно: *възтвърд, възвисок, възгърбав, възедър, възкафяв, възумен, възпнян, възголям, възрус, възсладък, възскромен, възбял, възлош, възгорд, възлилав, възжълт, възкисел, възморав, възчервен, възгруб, възмалък*. Оценки суммировались и сводились (по убывающей) в таблицу 2.

Таблица 2

Прилагательное	Словари	Оценки				Общий балл	Средний балл	Дисперсия
		3	2	1	0			
възкисел	М Г РСБКЕ РБЕ Б-53 Б-75 Ч РБР	83	8	5	4	270	2,7	0,5
възсладък	РБЕ Б-53 Ч РБР	40	23	22	15	188	1,9	1,2
възголям	М РСБКЕ РБЕ Б-53 Б-75 Ч РБР	48	13	18	21	188	1,9	1,5
възрус	М РСБКЕ РБЕ Б-53 Б-75 Ч	41	16	25	18	180	1,8	1,3
възедър	РБЕ	33	22	23	22	166	1,7	1,3
възвисок	Г РСБКЕ РБЕ Б-53 Б-75 Ч	32	22	24	22	164	1,6	1,3
възгруб	РБЕ РБР	36	13	22	29	156	1,6	1,5
възтвърд	РБР	26	17	35	22	147	1,5	1,2
възчервен	М РСБКЕ РБЕ Б-53 Ч РБР	26	15	20	39	128	1,3	1,5
възгърбав	РБЕ РБР	19	22	20	39	121	1,2	1,5
възмалък	Г РСБКЕ РБЕ Б-53 Ч	22	16	21	41	119	1,2	1,4
възжълт	М РСБКЕ РБЕ Б-53 Ч РБР	21	14	22	43	113	1,1	1,4
възкафяв	РБЕ	17	16	20	47	103	1,0	1,3
възбял	Г РБЕ Б-53 Б-75 Ч РБР	15	19	18	48	101	1,0	1,3
възморав	РБЕ	13	16	25	46	96	1,0	1,1
възлилав	—	15	14	19	52	92	0,9	1,2
възгорд	Б-53	17	10	20	53	91	0,9	1,3
възскромен	—	13	13	18	56	83	0,8	1,2
възпнян	—	14	12	7	67	73	0,7	1,3
възлош	—	10	8	16	66	62	0,6	1,0
възумен	—	4	6	10	80	34	0,3	0,6

Результаты эксперимента могут быть обобщены в виде следующих основных выводов.

1. В целом данные словарей получили объективное подтверждение. Наибольшую суммарную оценку получило в эксперименте слово *възкисел*, которое (единственное!) зафиксировано во всех 8 словарях. С другой стороны, прилагательные, искусственно сконструированные нами и не отмеченные словарями — *възмилиав*, *възскромен*, *възпнян*, *възлош*, *възумен*, — оказались в самом низу таблицы.

2. Вместе с тем, ни одно из прилагательных не получило в сумме ни максимально возможного (300), ни минимально возможного (0) числа баллов. Более того, для каждого конкретного слова разброс в оценках очень велик. Это отражено в последней графе таблицы 2.

Дисперсия вычислялась по формуле $\sigma^2 = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{k}$, где числитель — сумма квадратов отклонений индивидуальных оценок от средней, а знаменатель — общее число оценок. Характерно, что дисперсия не повышается к середине таблицы, как можно было бы ожидать, а представляет собой (за исключением первого и последнего слов) весьма стабильную и высокую величину.

3. Такое распределение оценок, по-видимому, как раз и свойственно классу потенциальных слов: все они примерно в равной степени представляют данный класс в сознании носителя языка. Поэтому, естественно, словари и не могут охватить все прилагательные на *въз-* (заметим, что в первую десятку по результатам эксперимента вошли некоторые слова, фиксируемые лишь 1—2 словарями из 8 обследованных: *възедѣр*, *възгруб* и др.).

Потенциальный характер анализируемого класса слов, несомненно, связан с грамматической природой имени прилагательного и, в частности, с категорией степеней сравнения. Уже сама чрезвычайно широкая продуктивность данных образований указывает, что они находятся на грани словообразования и словозменения. А в описании семантики этих прилагательных не зря участвует слово «степень»: они и образуются, как уже указывалось, только от тех основ, которые обозначают качество, могущее проявляться в разной степени. Не случайно также среди обследованного класса наиболее активны лексемы, принадлежащие к семантическим группам цвета, размера, вкуса и т. п., — это все очень яркие представители разряда качественных прилагательных.

Прилагательные с *въз-* в современном болгарском языке соотносятся с формами степеней сравнения не только семантически, но и формально. Дело в том, что значения степеней сравнения выражаются там унифицированно, только при помощи префиксов (ср.: *стар* — *по-стар*, *най-стар* и т. п.). И прилагательные с *въз-* (*възстар* и т. п.) вполне естественно соотносятся к этому ряду, образуя своего рода «четвертую степень сравнения» — явление, пограничное между лексикой и грамматикой.

¹ См.: Филлин Ф. П. *Вокрасно, вокрасный*. — В сб.: Русское и славянское языкознание. — М., 1972; Пенъковски А. Б. К изучению степеней качества прилагательных, наречий и предкативов. — В сб.: Исследования по исторической морфологии русского языка. — М., 1978.

² Пенчев И. Значение на прилагателните с представка *въз-*. — В сб.: В памет на професор Ст. Стойков. Езиковедски изследвания. — София, 1974, с. 453.

³ Еленски И. За праславянския характер на българските форми от типа *въззелен*. — Български език, София, 1980, кн. 4, с. 351.

А. В. ВАЯХИНА

НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ. МОТИВЫ ПРЕРВАННОСТИ

Условия применения разговорной речи определяют целый ряд ее особенностей в области фонетики, лексикологии, морфологии, синтаксиса. Выдающийся французский лингвист Ш. Балли писал: «Было бы весьма странно, если бы разговорный язык не обладал особым синтак-

сисом; действительно, с этой точки зрения он представляет целый ряд особенностей, которые столь же интересны, сколь мало изучены.»¹

Именно синтаксис разговорной речи отклоняется все больше и больше от синтаксиса письменного языка. Именно в синтаксисе наиболее ярко проявляется специфика речевого стиля, основные структурные сдвиги, характеризующие разговорную речь. Условия применения разговорного стиля (непосредственность общения, ситуативность, интонация, мимика, жест), само содержание высказывания не требуют обычно использования сложных синтаксических конструкций. Поэтому в речи преобладают простые предложения. Специфика разговорной речи вызывает появление так называемых неполных и незаконченных предложений.

Незаконченные предложения (НП), т. е. предложения с неполной реализацией их структурно-логической модели в силу действия каких-либо внешних или внутренних обстоятельств речевого акта, сами по себе являются отступлением от нормы языка. НП дают богатый материал для исследователя при изучении процесса зарождения фразы в сознании говорящего, процесса ее формирования, стадий ее построения до того момента, как фраза будет произнесена и получит окончательное словесное выражение. Этот процесс является скрытым, мы можем судить о его особенностях только по результату, конечному продукту. Вот тут-то и приходят на помощь всевозможные отклонения от нормы языка, как-то афазия, гезитация, аутокоррекция, а также незаконченные предложения, которые являются объективирующим показателем прямо не наблюдаемого процесса порождения речи. Интересно было бы установить, каким же образом НП позволяют характеризовать латентный процесс.

Есть предположение, что до произнесения фразы в сознании говорящего зарождается ее структурно-логическая модель, основная структурная схема ее построения, которая затем приобретает частичное, а при реализации и окончательное словесное выражение. Наблюдения над собранными примерами НП позволили определить факторы, под воздействием которых схема предложения, существующая в сознании субъекта высказывания, обрывается или разрушается.

Анализ собранного материала показал, что причины прерванности предложений могут быть как внутреннего, так и внешнего характера. Под факторами внутреннего характера понимаются причины прерванности, идущие от самого субъекта высказывания (намеренный обрыв речи по разным мотивам, размышление, желание уточнить или исправить сказанное, робость, растерянность, возмущение, колебание в выборе формы выражения, поиски нужного слова, сомнение в целесообразности высказывания, различные эмоции, компенсация паралингвистическими факторами и т. п.). Причем НП могут выражать не только состояние глубокого внутреннего потрясения говорящего, а вообще внутреннее состояние его, переживания, настроения, так как речь идет о причинах, часто связанных с повышено-эмоциональным, аффективным характером высказывания. Это может быть и просто раздумчивая речь, и обрыв как нарушение последовательности в логическом развитии мысли, и речь, обусловленная физической болью, которую испытывает говорящее лицо, и т. д.

Каждый из внутренних мотивов прерванности НП имеет свои особенности. Так, например, перерывы, вызванные пробелом в памяти говорящего, обладают рядом структурно-семантических особенностей, в частности, возможностью устранения с помощью собеседника — особенность, усложняющая структуру диалогической речи. Затруднение в подборе лексического материала как мотив прерванности имеет ту особенность, что предполагает различные варианты домысливания фразы, и наиболее вероятный из них определяется, как правило, только на фоне широкого предваряющего контекста. Обрыв речи в результате колебания, сомнения в целесообразности высказывания может иметь и

«социальное» происхождение, т. е. порождаться представлением говорящего о собеседнике или вообще о каком-то другом лице; говорящий может на ходу изменить или оборвать высказывание из сдержанности, не желая обидеть собеседника, высказав свою мысль в чересчур категорической форме.

Внешняя прерванность предусматривает обрыв высказывания действиями или речью собеседника или же какими-то посторонними факторами (стук в дверь, телефонный звонок, появление третьего лица, шаги в коридоре и т. д.).

Смешанный характер прерывания (прерывает то автор, то собеседник или какое-нибудь внешнее обстоятельство) имеет разговор, в котором принимают участие многие. Каждый старается высказать свою мысль, но его перебивают другие. Это сложнейшая синтаксическая структура, обладающая своими функциональными, структурными, лексическими и композиционными особенностями.

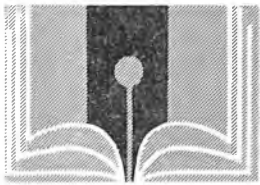
Высказываемая человеком мысль выступает как словесная реакция на какое-то его внутреннее переживание, в котором преобладают моменты либо эмоционального, либо рационального характера. Эмоциональность речи, являясь одной из ее главных отличительных особенностей, оказывает самое непосредственное влияние на характер ее структуры. Эмоциональность включает все аспекты: фонетический, лексический и грамматический, в данном случае, синтаксический. Под влиянием различных эмоций изменяется конструкция фразы: логическая связанность членов предложения между собой, которая как будто должна способствовать пониманию, на деле является препятствием непосредственному выражению мысли, так как она сдерживает проявление чувств и волевых импульсов. Внутренняя прерванность НП включает следующие мотивы, в которых преобладает эмоциональный момент: размышление, воспоминание, сожаление о нереализованном желании, смущение, замешательство, волнение, возмущение, недоумение, удивление, возможность компенсации паралингвистическими факторами и т. п.

С другой стороны, особую группу мотивов прерванности составляет внутренняя прерванность высказывания, в которой преобладает рациональный момент: сомнение в целесообразности высказывания, сознательно допускаемая пауза с целью удивить собеседника, заданность обратного хода, нежелание называть вещи своими именами, затруднение в подборе лексического материала, желание прервать, исправить сказанное, стремление адаптироваться к уровню собеседника. Несмотря на спонтанный характер разговорной речи, говорящий всегда учитывает ситуацию, в которой осуществляется общение, социальное положение и психологические особенности собеседника, его отношение к говорящему, возможные последствия неосторожного высказывания и т. д.

Из вышесказанного можно заключить, что коммуникативные значения НП необычайно разнообразны, насколько разнообразны могут быть чувства и желания человека. НП, в отличие от всех других типов предложения, сами по себе являются великолепной характеристикой говорящего, его внутреннего состояния и поэтому представляют собой богатейший материал для литераторов. Необходимо отметить, что зачастую бывает трудно выделить какую-то одну причину прерванности, так как мотивы прерванности в большинстве случаев накладываются друг на друга, действуют в комплексе. Разделить их и выделить доминирующий мотив прерванности довольно сложно, как сложно определить чувства человека, его желания или настроение. Полные и неполные предложения, разумеется, тоже могут выражать различные чувства, сомнения, желания, какие-либо субъективные оценки, но в этих типах предложения эмоции передаются лексическими средствами или интонацией. В НП же сама форма выражает внутреннее состояние говорящего. НП несут двойную смысловую нагрузку: во-первых, они сообщают какие-то объективные факты, во-вторых, позволяют дополнить характеристику персонажа. Однако в разрезе данной работы наиболее важное значение

имеет третья функция, а именно — НП как объективирующий показатель латентного процесса. НП доказывают наличие такого важного звена при построении фразы в сознании говорящего, как структурно-логическая схема высказывания. Если в процессе производства текста схема предложения разрушается (причины анализируются), значит, она существует. Ее существование доказывается также тем, что в определенном контексте прерванная схема предложения может быть полностью восстановлена. Сама обстановка речи подсказывает собеседникам понятия или представления, необходимые для понимания, но словесно не выраженные. Именно благодаря контексту соответствующее понятие или представление облечено в сознании говорящего и его собеседника в языковую форму. Это значит, что хотя схема предложения и не реализована полностью, хоть она и не получила достаточно полного словесного выражения из-за действия посторонних факторов, в сознании говорящего она сохраняется и даже более того, аналогичная модель возникает и в сознании его собеседника. Разумеется, в каждом конкретном случае возможно и ошибочное понимание НП. Решающую роль здесь играют реальные обстоятельства, в которых была произнесена данная фраза, само действие этой сцены — ситуация, интонация, мимика, т. е. экспрессивное окружение. Немаловажную роль играют также отношения между собеседниками. Если люди близки друг другу, хорошо знакомы, «понимают друг друга с полуслова», то возможность безошибочного понимания НП увеличивается. Очевидно, говорящий и не оборвал бы сознательно высказывание, если бы не был уверен в том, что его правильно поймут, ибо он, как указывалось ранее, всегда учитывает ситуацию речевого общения и бессознательно подчиняется ей. Таким образом, контекст и ситуация речи играют решающую роль в восстановлении структурно-логической схемы в сознании собеседников, которая является важным этапом латентного процесса.

¹ Балли Ш. Французская лингвистика.— М., 1961.

А. Ф. МЯСНІКОЎ

САЦЫЯЛІСТЫЧНАЕ СПАБОРНІЦТВА ПРАЦОЎНЫХ БЕЛАРУСІ І ЛІТВЫ НА СТАРОНКАХ РЭСПУБЛІКАНСКАГА ДРУКУ

Упершыню працоўнае пагадненне паміж Беларуссю і Літвой на ўзроўні рэспублік было падпісана ў 1973 годзе. Часу прайшло параўнальна нямнога, аднак цяпер практычна няма ніводнай сферы гаспадарчай і культурнай дзейнасці, дзе саперніцтва прадстаўнікоў дзвюх рэспублік не пусціла б свае глыбокія і надзейныя каранні. Для пацвярджэння гэтага — некалькі лічбаў. У 1973 годзе дагаворы на сацыялістычнае саборніцтва заключылі 410 прадпрыемстваў, аб'яднанняў, арганізацый, калгасаў, саўгасаў і ўстаноў нашай рэспублікі, 29 міністэрстваў і ведамстваў, 22 гарады і раёны. Сёння ж малюнак наступны: амаль 700 калектываў, 52 міністэрствы і ведамствы і 39 гарадоў і раёнаў плённа сапернічаюць з літоўскімі калегамі.

Працоўны энтузіязм, наватарства і творчасць, якія нараджаюцца ў ходзе гэтага саборніцтва, знаходзяць шырокае адлюстраванне і распаўсюджванне на старонках беларускіх газет і часопісаў, у перадачах рэспубліканскага тэлебачання і радыёвяшчання. Такім чынам, усё новае, перадавое становіцца здабыткам шырокіх працоўных мас.

Аднак рашэнні XXV з'езда Камуністычнай партыі Савецкага Саюза, снежанскага (1977) і ліпенскага (1978) пленумаў ЦК КПСС патрабавалі ад партыйных камітэтаў далейшага развіцця і ўдасканалення сацыялістычнага саборніцтва. У адказ на гэтую ўстаноўку Цэнтральны Камітэт Кампартыі Беларусі, мясцовыя партыйныя органы вялікую ўвагу сканцэнтравалі і на паглыбленні працоўнага саперніцтва з калектывамі Літоўскай ССР. Асабліва — на такім важным напрамку, як пашырэнне індыўдуальнага саборніцтва паміж працаўнікамі вядучых прафесій у прамысловай і сельскагаспадарчай вытворчасці, а таксама паміж нізавымі звяннямі. І гэта не выпадкова. Менавіта тут выразней можна ўбачыць магчымасці для павышэння і ўдасканалення індыўдуальнага прафесійнальнага майстэрства, дакладней акрэсліваюцца тыя непаладкі і недахопы, якія перашкаджаюць паступальнаму руху наперад не толькі таго ці іншага працаўніка, а і цэлага калектыву.

Творчыя калектывы «Звязды», «Советской Белоруссии» і «Сельской газеты» у сваёй штодзённай рабоце надаюць пільную ўвагу індыўдуальнаму саборніцтву беларускіх і літоўскіх працоўных. На старонках газет даволі часта публікуюцца грунтоўныя замалёўкі, карэспандэнцыі і артыкулы, у якіх раскрываецца не толькі так званы механізм арганізацыі саперніцтва сяброў, але і маральныя аспекты яго, уздзеянне на фарміраванне асобы чалавека-працаўніка.

Даўно і шчыра сябруюць памочнік майстра Брэсцкага дыванова-суконнага вытворчага аб'яднання А. Кавальчук і яго калега К. Бальчунас з Лентварскай дывановай фабрыкі, што ў Літве. У адным са сваіх нумароў «Советская Белоруссия» і прадаставіла слова перадавіку з горада над Бугам.

«Нярэдка ездзім мы ў госці адзін да аднаго і, як кажуць, не з пустымі рукамі, — піша А. Кавальчук. — Абменьваемся самым каштоўным здабыткам — набытым вопытам. Калі раней, здаралася, толькі па паперах звяралі свае паказчыкі, то цяпер у час рэгулярных сустрэч на практыцы паказваем, як можна лепш выканаць тыя ці іншыя аперацыі, як рацыянальней арганізаваць працу людзей і машын»¹.

Сябруюць і саборнічаюць не толькі брыгады А. Кавальчука і К. Бальчунаса, а і ткачыкі двух аднатыповых прадпрыемстваў. У 1974 годзе, прыгавяе майстар з Брэста, у Лентварысе праходзіў Усесаюзны конкурс дываноўшчыц. Суддзям, удзельнікам і глядачам конкурсу спадабалася тады выдатная праца і высокае выканаўчае майстэрства Галіны Раманенка з Брэста і Біруты Стасюнай з Лентварыса. Дзяўчаты пасябравалі, заключылі дагавор на сацыялістычнае саборніцтва. Неаднойчы пабывалі потым на рабочых месцах адна другой, дасканала вывучылі «сакрэты» работы, арганізацыі працы. Дзевятую і дзесятую пяцігодкі і працаўніцы, і калектывы у цэлым выканалі датэрмінова.

Вельмі характэрным і павучальным з'яўляецца сяброўства вытворчых калектываў Віцебска і Каўнаса. Рэгулярны абмен дэлегацыямі, узаемадапамога ў мантажы і абсталеванні новых вытворчых карпусоў і ліній, актыўнае перайманне перадавога вопыту — гэтыя формы творчай садружнасці даўно сталі добрай традыцыяй. У невялікім па памеры, аднак вельмі змястоўным артыкуле аб гэтым расказаў у «Звяздзе» загадчык прамыслова-транспартнага аддзела Віцебскага гаркома КП Беларусі У. Кічыгін. «Аднымі з першых, — адзначаў аўтар, — устанавілі сяброўскія кантакты тэкстыльшчыкі камбінатаў шаўковых тканін, якія ёсць у абодвух гарадах. Саборніцтва пачалося 13 гадоў назад. Для яго характэрна канкрэтнасць і дзелавітасць. І каўнаскія, і віцебскія тэкстыльшчыкі імкнуцца прыйсці на дапамогу адзін аднаму ў вырашэнні складаных вытворчых пытанняў. Атрымалі, напрыклад, віцябчане новую высокапрадукцыйную шліхтавальную машыну, а вопытных спецыялістаў для яе запуску не было. Сваімі сіламі арганізаваць наладку — значыць патраціць шмат часу. Зварнуліся да літоўскіх сяброў, для якіх аналагічная тэхніка даўно знаёмая. На камбінат адразу прыехаў вопытны спецыяліст С. Казлаўскас. Ён не толькі хутка і якасна выканаў наладку і запуск шліхтавальнай машыны, але і... навучыў рабоце на ёй...»²

Такія сувязі дазваляюць беларускім і літоўскім калегам творча пераймаць і ўкараняць навінкі навукі і тэхнікі, розныя ўдасканаленні. Параўнальна за невялікі прамежак часу на Віцебскай фабрыцы «КІМ» укаранілі восем мерапрыемстваў, перанятых у працаўнікоў Каўнаса. Эканамічны эфект ад гэтага — 12 тыс. рублёў у год.

Побач з пастаянным развіццём вытворчых кантактаў больш шырокім становіцца і культурны абмен. Традыцыйным стаў і ўдзел прадстаўнікоў гарадоў у правядзенні сходаў партыйна-гаспадарчага актыву, злётаў пераможцаў сацыялістычнага саборніцтва, навукова-практычных канферэнцый і г. д. На іх сапернікі разам аналізуюць вытворчыя дасягненні, выяўляюць недахопы ў арганізацыі вытворчасці, бытавога абслугоўвання, адпачынку працоўных.

Нямала сумесных намаганняў, пошукаў нявыкарыстаных рэзерваў і магчымасцей праяўляюць у ходзе міжрэспубліканскага сацыялістычнага саборніцтва сельскія працаўнікі Беларусі і Літвы. Два раёны — Астравецкі Гродзенскай вобласці і Швянчонскі Літоўскай ССР — суседзі. Жыхары іх з даўніх часоў звязаны вузамі вялікай дружбы. Вяскоўцы саборнічаюць паміж сабой за эфектыўнае развіццё сельскагаспадарчай вытворчасці. Найбольшую цікаўнасць уяўляе супрацоўніцтва калгасаў «Радзіма» і «Кратуоніс». Асабліва баявым стала іх саборніцтва ў гонар XXVI з'езда КПСС. «Сельская газета» прысвяціла адлюстраванню хода гэтага саперніцтва цыкл публікацый. «Цяжка сказаць сёння, — адзначала газета ў першым артыкуле, — які з двух — перадавых у сваіх раёнах — калгасаў лепшы. У кожнага ёсць свае перавагі, свая перспектыва. Аднак у пастаянных зносінах калектывы атрымліваюць шмат карыснага для сябе. Нездарма ж кажуць: калі ў двух чалавек ёсць па адной добрай ідэі, то, абмяняўшыся, кожны з іх будзе валодаць дзвюма. У гэтым і заключаецца сутнасць адной з выдатных граняў сацыялістычнага саборніцтва паміж «Радзімай» і «Кратуонісам»³.

Так, пастаянныя зносіны сяброў-сапернікаў з'ядноўваюць братнія народы, умацоўваюць іх інтэрнацыяналісцкую свядомасць. Здавалася, «Сельская газета» знайшла «сваю» тэму — расказаць аб перадз'ездаўскай працоўнай вахце суседзяў. На жаль, наступная публікацыя з гэтага цыкла з'явілася на старонках газеты... праз пяць месяцаў. Ва ўрэзцы да артыкула гаварылася, што прысвечаны ён аднаму з маральных аспектаў саборніцтва — выхаванню чалавека, аднак тэма засталася не раскрытай, «засакрэчанай». Ды і чытачы, відаць, ужо забыліся, што гэта — адзін з артыкулаў цыкла, задуманага рэдакцыйным калектывам⁴.

Між іншым, на нашу думку, іменна для «Сельской газеты» у рабоце па прапагандзе сацыялістычнага саборніцтва дзвюх братніх рэспублік ёсць вельмі шырокае кола пытанняў, нявырашаных праблем. Калі тыя ж астравецкія і швянчонскія працаўнікі вёскі маюць пастаянных партнёраў, з якімі і вядуць абмен перадавым вопытам, то ва ўсіх іншых гаспадарках нашай рэспублікі здабыткі суседзяў яшчэ не знаходзяць шырокага прымянення.

Работнікі беларускіх гаспадарак з ахвотай пазнаёмліся б з каштоўным вопытам на старонках перыядычных выданняў, і ў прыватнасці «Сельской газеты».

Прынцыпова новым напрамкам творчага саперніцтва працоўных Беларусі і Літвы стала саборніцтва калектываў навуковых устаноў. У нашай краіне навука пераўтварылася ў непасрэдную вытворчую сілу. Таму ў працоўных пагадненнях, якія заключаюць паміж сабой галіновыя інстытуты Акадэміі навук БССР і Акадэміі навук Літоўскай ССР, асабліва пільная ўвага звяртаецца на тое, як навуковыя распрацоўкі і адкрыцці ўкараняюцца ў вытворчасць, які эканамічны эффект даюць яны народнай гаспадарцы дзвюх рэспублік. У 1974 годзе паміж вучонымі было заключана дзесяць дагавораў аб сацыялістычным саборніцтве. А ўжо праз чатыры гады—у 1978-м—такіх пагадненняў стала дваццаць. Шырока пачалі практыкавацца сумесныя даследаванні беларускіх і літоўскіх вучоных у самых розных галінах народнай гаспадаркі. Кіруюць гэтым супрацоўніцтвам, каардынуюць сумесную дзейнасць вучоных партыйныя камітэты акадэміі.

Сацыялістычнае саборніцтва акадэміі Беларусі і Літвы, адзначаў у артыкуле «Мацнеюць сувязі вучоных» намеснік старшыні аб'яднанага камітэта прафсаюза АН БССР С. Некрашэвіч, «стала важным стымулам павышэння эфектыўнасці і якасці даследаванняў, дзе магчымасць шырока карыстацца вынікамі сумесных пошукаў, дабратворна ўплывае на ўсю творчую атмасферу навуковых устаноў. ...Намаганні вучоных былі сканцэнтраваны на выкананні плана творчага супрацоўніцтва акадэміі, якім прадугледжана правядзенне комплексных і сумесных навукова-даследчых работ больш чым па 30 важнейшых праблемах і тэмах, укараненне вынікаў даследаванняў у народную гаспадарку, падрыхтоўка і павышэнне кваліфікацыі кадраў, сумеснае выкарыстанне эксперыментальнай базы і лабараторнага абсталявання, а таксама правядзенне экспедыцый, навукова-тэхнічных і культурна-масавых мерапрыемстваў»⁵.

Паспяхова і плённа супрацоўнічаюць увесь гэты час калектывы Інстытута механікі металапалімерных сістэм АН БССР і Інстытута фізіка-тэхнічных праблем энергетыкі АН Літоўскай ССР. Свае намаганні вучоных накіравалі на даследаванне і глыбокае вывучэнне палімерных і кампазіцыйных матэрыялаў, пакрыццяў на аснове іх. Беларусы вырабілі і перадалі сваім літоўскім калегам устаноўку для атрымання палімерных пакрыццяў, аказалі ім дапамогу ў мантажы яе, адладцы вытворчага працэсу. Для больш поўнага і шырокага азнаямлення са сваімі распрацоўкамі даследчыкі арганізавалі ў літоўскім інстытуце спецыяльную выстаўку. У сваю чаргу ў Інстытуце механікі металапалімерных сістэм Акадэміі навук Беларусі шырокае прымяненне знайшоў метады дыфузнай стабілізацыі палімераў для павелічэння працаздольнасці палімерных і металапалімерных вырабаў, які распрацаваны ў Інстытуце фізіка-тэхнічных праблем энергетыкі АН Літвы.

Міжрэспубліканскае сацыялістычнае саборніцтва паміж навуковымі ўстановамі Беларусі і Літвы ўпэўнена ідзе па шляху паглыблення і ўдасканалення. І, думаецца, правільна зробіць рэдакцыйныя калектывы «Звядзды», «Советской Белоруссии» і «Сельской газеты», калі будуць часцей друкаваць на старонках газет дзелавыя артыкулы і карэспандэнцыі, прысвечаныя прапагандзе і шырокай папулярызацыі творчага супрацоўніцтва вучоных дзвюх братніх рэспублік.

«Цяпер на прадпрыемствах і будоўлях, у калгасах і саўгасах, арганізацыях і ўстановах рэспублікі, як і ўсёй краіны, шырыцца барацьба за ажыццяўленне велічных прадвызначэнняў XXVI з'езда КПСС,— адзначаў кандыдат у члены Палітбюро ЦК КПСС, першы сакратар Цэнтральнага Камітэта Кампартыі Беларусі Ціхан Якаўлевіч Кісялёў пры падпісанні дагавора аб сацыялістычным саборніцтве працоўных Беларускай і Літоўскай рэспублік на 1981 год.—Мы цвёрда ўпэўнены ў тым, што далейшаму вырашэнню пастаўленых партыяй задач будзе садзейнічаць дасяжнае развіццё і паглыбленне, павышэнне дзейнасці сацыялістычнага

спаборніцтва паміж Беларускай і Літоўскай Савецкімі Сацыялістычнымі Рэспублікамі»⁶. У спаборнічаючых дзвюх братніх рэспубліках адзіныя мэты і імкненні ў жыцці—дасягненне новых поспехаў у эканамічным і сацыяльным развіцці, ва ўмацаванні вялікага, непарушнага адзінства і дружбы савецкага народа. Задача друку—шырока і рознабакова прапагандаваць здабыткі суседзяў, услаўляць іх натхнёную творчую працу, выяўляць недахопы і ўсяляк садзейнічаць іх выпраўленню.

¹ Советская Белоруссия, 1976, 1 января.

² Звезда, 1979, 28 ліпеня.

³ Сельская газета, 1980, 14 августа.

⁴ Гл.: Сельская газета, 1981, 18 января.

⁵ Звезда, 1979, 18 сакавіка.

⁶ Звезда, 1981, 21 сакавіка.

О. Г. СЛУКА

В. И. ЛЕНИН И РАЗВИТИЕ ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Активную агитационно-пропагандистскую работу в массах молодежи В. И. Ленин считал важнейшей задачей партии. Печать, специальные молодежные издания должны были выполнять задачи политического образования молодежи, сближения ее с пролетариатом и вовлечения в активную революционную борьбу.

Проблемы революционного воспитания молодежи были сформулированы В. И. Лениным в статье «Задачи революционной молодежи», напечатанной в газете «Студент» в 1903 году. В статье говорилось, что редакции газеты не следует ограничиваться только студенческими интересами, надо стремиться разобраться в сущности борьбы российского пролетариата, вступившего на путь «...массового, организованного движения под руководством социал-демократии, под знаменем программы, которая уже давно стала программой всего международного сознательного пролетариата»¹.

В. И. Ленин выдвигает свою программу идейного объединения студенчества. «Не ясно ли само собой, — указывает он, — что о революционизировании студенчества можно говорить только с точки зрения вполне определенного взгляда на содержание и характер этого революционизирования? Для социал-демократа, например, оно означает, во-первых, распространение социал-демократических убеждений среди студенчества и борьбу с теми взглядами, которые хотя и называются «социалистическими революционными», но с революционным социализмом не имеют ничего общего, а во-вторых, стремление расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве»². Основная задача газеты — распространять идеи социал-демократии, критикуя практику «ложных друзей», которые отвлекали молодежь от революционной борьбы.

В постскрипту к статье, высказывая свое желание и в дальнейшем сотрудничать со «Студентом», Ленин указывает на проблемы, которые подлежали обсуждению на страницах газеты и фактически могли стать программой ее деятельности. Это — пропаганда марксизма для выработки мировоззрения молодежи, задач социал-демократической партии, молодежных организаций и их отношения к пролетарскому движению³.

В. И. Ленин сотрудничал и в других молодежных изданиях с целью вовлечь молодежь в сознательную борьбу против самодержавия под руководством марксистской партии. Его статья «Рабочая партия и ее задачи при современном положении» была опубликована в газете «Молодая Россия», которая вышла 4 января 1906 года как орган студентов социал-демократов. Авторами «Молодой России», кроме В. И. Ленина, были М. Ольминский, А. Гапеев, А. Замятин, М. Горький.

В. И. Ленин настоятельно советовал своим соратникам как можно шире вовлекать молодежь в революционную борьбу. В письме в Петербургский боевой комитет в революционные дни 1905 года он писал: «Идите к молодежи, господа! вот одно единственное, всеспасающее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учеными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела. Идите к молодежи»⁴.

Пример внимательного отношения и тесного сотрудничества с молодежными организациями показывал сам В. И. Ленин. Когда в Цюрихе в сентябре 1915 года начал выходить журнал «Интернационал молодежи» — орган Международного союза социалистических организаций, Ленин пристально следил за его работой, оказывал помощь редакции, способствовал улучшению журнала. Редактор «Интернационала молодежи» В. Мюнценберг в своей книге «С Либкнехтом и Лениным» вспоминал: «Ленин писал много статей для «Интернационала молодежи» и давал мне ценные указания по редактированию этого журнала и «Свободной молодежи». По его рекомендации я провел различные усовершенствования в последней, а также напечатал серию статей по вопросам партийной программы»⁵.

Ленинские советы и рекомендации по улучшению печати Международного союза социалистической молодежи изложены в заметке «Интернационал молодежи», напечатанной в декабре 1916 года в «Сборнике «Социал-Демократа» за подписью Н. Ленин. С большим одобрением и теплотой отозвался автор заметки о работе журнала. «Разумеется, — писал он, — теоретической ясности и твердости в органе молодежи еще нет, а может быть, и никогда не будет именно потому, что это — орган кипищей, бурлящей, ищущей молодежи»⁶. Ленин подробно остановился на разборе наиболее существенных ошибок, заботливо поправлял журнал «Интернационал молодежи». Отмечая «недостаточную теоретическую ясность», он советовал изживать ее кропотливой и настойчивой работой. Нужно особое большевистское чутье, классовая солидарность, чтобы укрепить, а не разрушить шаткие убеждения молодежи. В поиске твердых идейных позиций, своего политического лица молодежные печатные издания не были застрахованы от ошибок. Ленин указывал, что это является неизбежным для организаций молодежи, которые заявляют о своем желании — «готовить работников социалистических партий».

Организуемая принципиальные дискуссии по остропроблемным политическим вопросам, печатая материалы, выражающие различные точки зрения, молодежная печать может зримо представить для читателя сущность социальных задач. Этот процесс должен быть управляем. Необходимо, с одной стороны, представлять союзам молодежи полную самостоятельность, с другой стороны, оказывать им всемерную помощь в работе, терпеливо разъясняя их заблуждения. «...Ошибки надо опровергать и разъяснять, — говорил В. И. Ленин, — изо всех сил ища соприкосновения и сближения с организациями молодежи, всячески помогая им, но и подходить к ним надо умеючи»⁷.

Под умением подойти В. И. Ленин понимал гибкость тактики, мудрую дальновидность политики партии в отношении организаций революционной молодежи, скрупулезного учета быстро изменяющихся условий приближения разных поколений к социализму, использования широких возможностей идейно-воспитательного процесса, составной частью которого являлась организация печатных органов для молодежи. Ленинская статья благотворно повлияла на работу редакции «Интернационала молодежи», способствовала дальнейшему идейному укреплению позиций журнала. «За свою пятнадцатилетнюю работу в движении социалистической молодежи, — писал В. Мюнценберг, — я получил очень много от известных вождей рабочего класса, но не могу вспомнить ни одного, который бы, как человек и политик, стоял ближе к юношеству и политически больше воздействовал бы на пролетарскую молодежь, чем Владимир Ильич Ульянов — Ленин»⁸. Он не только следил за журналом, но и сам принимал активное участие в его работе. В номерах 9 и 10 за сентябрь и октябрь 1917 года была напечатана ленинская статья «Военная программа пролетарской революции», которую редакция журнала «Интернационал молодежи» проводила интересным предисловием. «В наши дни, когда Ленин является одним из тех деятелей русской революции, о которых чаще всего говорят, нижеследующая статья этого старого железного революционера, излагающая значительную часть его политической программы, представляет особый интерес. Статья доставлена в нашу редакцию незадолго до его отъезда из Цюриха в апреле 1917 г.»⁹. В майском номере журнала «Интернационал молодежи» за 1918 год была опубликована статья В. И. Ленина «За хлеб и за мир». Участие вождя международного пролетариата в работе журнала поднимало его авторитет, привлекало к нему внимание широких слоев молодежи.

В выступлениях В. И. Ленина в юношеской печати прослеживается внимательное отношение великого журналиста к организациям молодежи.

Он требовал от работников партии бороться «...за организационную самостоятельность союза молодежи... Ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших специалистов ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед»¹⁰. Ленинские идеи об участии молодежи в жизни общества и революционной борьбе легли в основу организации комсомола, стали определяющими в становлении и развитии молодежной печати.

В. И. Ленин оказывал содействие созданию комсомола, возникновению первых юношеских газет и журналов. В его трудах заложена основа функционирования молодежной печати в условиях строительства социализма. Задачи молодежной печати вытекали из общих законов коммунистического воспитания, сформулированных В. И. Лениным в его речи «Задачи союзов молодежи» на III съезде РКСМ.

Функции молодежной печати не только значительно расширились, они наполнились новым содержанием социалистической действительности. От критики буржуазного строя необходимо было перейти к практике построения нового социалистического общества. В. И. Ленин призывает молодежь учиться коммунизму, что означало глубокое усвоение марксизма-ленинизма, выработку коммунистического сознания, воспитание идейной убежденности юношей и девушек. Это была первая часть работы комсомола и его печати.

Вторая, наиболее важная, заключалась в том, чтобы воплотить коммунистические идеи в практику социалистического строительства. «...Коммунистического общества нельзя построить, если не возродит промышленность и земледелия, ...возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе»¹¹, — учил В. И. Ленин. Перед комсомолом и его печатью стояла задача принять участие в организации социалистической армии молодых строителей. Созидательная функция комсомольской печати стала ядром пропагандистской деятельности газет и журналов. В первые годы Советской власти необходимо было разрушить вековые традиции частнособственнической психологии, воспитать в подрастающем поколении органическую потребность общественного труда. «Надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде»,¹² — завещал В. И. Ленин.

Третья задача, которую В. И. Ленин поставил перед комсомолом и его печатью, — воспитание коммунистической нравственности. Молодежные газеты и журналы были призваны высвободить сознание человека от пережитков буржуазного строя: эксплуатации, индивидуализма, стяжательства, веры в бога, возвысить личность равноправием в обществе. Это создавало предпосылки для воспитания человека социалистического общества, утверждало в подрастающем поколении сильные черты характера, вырабатывало общественную направленность поведения юношей и девушек, формировало их ответственность за дело строительства народного государства.

Таким образом, В. И. Ленин стоял у истоков создания печати нового типа — прессы Ленинского комсомола, он разработал ее идейно-политическую программу, основные принципы деятельности. Комсомол превратился в массовую организацию и имеет широко разветвленную систему своей печати, рассчитанную на разные социальные слои и категории молодежи. Комсомольская пресса, в основе деятельности которой лежит ленинская теория о роли молодежи в жизни общества, является одним из эффективнейших идеологических средств Ленинского комсомола.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 345.

² Там же, с. 347.

³ Там же, с. 356.

⁴ Там же, т. 11, с. 336.

⁵ Мюнденберг В. С Либкнехтом и Лениным. — М., 1930, с. 51.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 226.

⁷ Там же, с. 229.

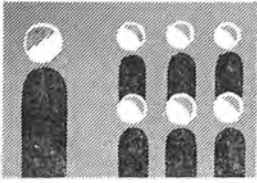
⁸ Мюнденберг В. С Либкнехтом и Лениным, с. 58.

⁹ В. И. Ленин о молодежи. — М., 1966, с. 409—410.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 226.

¹¹ Там же, т. 41, с. 307.

¹² Там же, с. 318.

А. Г. МУРАШКО, А. В. САННИКОВА

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Явление переноса навыков родного языка учащегося на чужой, обозначаемое в лингвистической литературе термином трансфер, может быть положительным и отрицательным (для обозначения отрицательного влияния норм родного языка на изучаемый употребляется термин интерференция). При взаимодействии близкородственных языковых систем кажущееся сходство языков усиливает интерференцию. Проявление интерференции в процессе обучения русскому языку как иностранному проявляется на разных уровнях: графическом, фонетическом, грамматическом, лексическом.

К графическим ошибкам относится замещение букв русского алфавита соответствующими буквами латинского алфавита: *лампа* (лампа), *пуля* (пуля), *сам* (сам), *баран* (баран), *смелый* (смелый), *трамвай* (трамвай), *нашли* (нашли) и др. Особую трудность составляет употребление букв *я, ё, ю*, обозначающих мягкость предшествующего согласного: *люди* (люди), *свет* (свет), *мягкий* (мягкий) и т. п. (ср. в польском *s'wiat, s'mialy*).

Нередки ошибки фонетико-орфоэпического плана, обусловленные воздействием фонетико-орфоэпических навыков родного языка: *своя* (своя), *твёрдый* (твёрдый), *сверху* (сверху), *светлый* (светлый) и др. В польском языке в результате прогрессивной ассимиляции при взаимодействии признаков звонкости и глухости звонкие согласные *u, v'* оглушаются под влиянием предшествующего глухого. Подобные ошибки проявляются не только в устной речи, но и в письменных работах. Как влияние интерференции следует рассматривать и фонетические ошибки в письменных работах польских учащихся типа *дзень* (день), *цело* (тело), *чистый, читать* и т. п. В польском языке русским *д', т'* соответствуют мягкие *dz', c'*, которые отличаются не только степенью палатализации, но и способом артикуляции; мягкому же русскому *ч'* в польском противостоит всегда твёрдый *cz*.

Морфологические ошибки в работах иностранных учащихся отражают неправильное формообразование и формоупотребление, смешение определенных категорий и т. п. Это может быть неправильное употребление категории рода некоторых существительных, например: *она получила телеграм; ему помогла аспирина; коллоквиум прошло интересно; большая класса; одна флага* и т. п. Как правило, ошибки этого типа — результат отрицательного воздействия навыков в области родного языка.

Под влиянием норм грамматической системы своего языка в работах учащихся-поляков встречаются ошибки формообразовательного плана, например: *нам понравилась книга Льва Толстого; ездили по разных городах; в Минску мы живём и учимся; это очень хороши чело-*

век; она была очень добра; в Белорусском университете; в соседнем помещении, мы подарили её цветы и книгу; два солдата; я приехала в Минск в семидесятым шестым году.

Очень часты ошибки на употребление форм возвратных глаголов. При этом можно наметить две тенденции: отбрасывание возвратной частицы или присоединение ее к невозвратным формам: *они боролись с фашистами; мы возвратили поздно; она стремилась объяснить ему; я очень хорошо загорался на море; мы гулялись; я очень нервничаюсь перед экзаменом* и др. В данном случае также имеет место перенесение навыков родного (польского) языка на русский (ср. в польском *walczysz* 'бороться'; *nerwiczysz* — 'нервничать').

К синтаксическим ошибкам относятся неправильные формы связи между словами, что проявляется как во флексиях, так и в использовании служебных слов. Их можно обнаружить в предложно-именных конструкциях со значением обстоятельства места, в конструкциях «определение + определяемое», «подлежащее + глагол-сказуемое в форме прошедшего времени», в управлении творительным падежом, на стыке главного и придаточного предложений.

В предложно-именных сочетаниях обстоятельств места чаще всего ошибки встречаются после предлогов *в, на* — употребление предложного падежа вместо винительного и наоборот: *мы ездили в Бресте* (в Брест); *они были в музей; книга лежала на стол; они сидели на берег*. Видимо, категория места ассоциируется с предложным падежом и местом пребывания. Это же наблюдается и в сочетаниях с предлогами *к* и *у*.

Часты ошибки на согласование в роде: род определяемого переносится на русское определенное: *золотой медаль, сильный боль, большой собака*. Подобные ошибки следует отнести к этапу «осмысления» в отличие от морфологических ошибок, которые соответствуют этапу незнания. Ошибки этого рода обнаруживаются и в сочетаниях «существительное + глагол в форме прошедшего времени», что объясняется отсутствием в родном языке студентов согласования в роде между подлежащим и глагольным сказуемым в форме перфекта и имперфекта. Ошибочно употребляется предлог *с* для выражения инструментального дополнения, где очевидна аналогия *с* с предлогом в родном языке в значении совместности: *писать с ручкой, есть с ложкой, чертить с карандашом, работать с лопатой* и т. п.

Часто допускаются ошибки на употреблении союзов *что, чтобы* после глаголов желания: *я хочу, чтобы жить с Хуаном; я хочу, что он пришел ко мне*. Французскому союзу *que* в русском языке соответствуют *что* и *чтобы*, это и вызывает определенную трудность в их употреблении при изучении подобных синтаксических конструкций. Можно еще предположить, что союз *чтобы* ассоциируется у студентов преимущественно с выражением цели. Та же природа у замещения в косвенной речи частицы *ли* союзом *если*. Иногда *если* появляется под влиянием французского союза (например, *она пишет так, как если не было у нее другого сына; он спросил, если пойдет она в кино*), употребляемого как в придаточных условия, так и в косвенной речи. Количество ошибок возрастает также за счет нарушения правил, связанных с порядком слов, так как союз ставится перед подлежащим, а частица *ли* — после сказуемого.

В письменных работах и устной речи учащихся-поляков также немало синтаксических ошибок, допускаемых под влиянием норм родного языка. К наиболее типичным и часто повторяющимся можно отнести ошибки, появляющиеся при конструировании синтаксической связи слов, преимущественно глагольного, именного и предложного управления: *подражать учителя, благодарить ему, заниматься по пятницам* и т. п. Влияние интерференции затрагивает не только форму управляемого слова, замену одного предлога (или иного служебного слова) другим, но и существенно изменяет характер, структуру всей синтакси-

ческой модели: предложная конструкция может заменяться беспредложной и наоборот: *я часто пишу к матери; через какого архитектора построено это здание? Она была величины ребенка; он болеет на грипп, ей сильно болит голова* и т. п.

Русская синтаксическая модель «именное сказуемое в именительном падеже + нулевая связка» под влиянием синтаксиса родного языка передается как присвязочная конструкция с именным сказуемым в творительном падеже: *она есть студенткой филфака; профессия учителя есть очень трудной профессией*. В ошибках такого типа мы видим сохранение без изменений модели родного языка. Однако при наложении одной модели на другую могут появляться и «гибридные» конструкции вроде: *мой муж есть студент; ей дядя есть писатель и Минск столицей Белорусской республики; Пушкин величайшим русским писателем*. К часто повторяющимся синтаксическим ошибкам относятся нарушения порядка слов в предложениях, из них наиболее характерно постпозитивное положение определения: *это задание было очень трудное; эта книга интересная*.

Таким образом, в основе большинства синтаксических ошибок лежит полное или частичное калькирование структур, свойственных родному языку учащихся.

Лексические ошибки отражают различные отклонения в области словоупотребления. Можно выделить несколько видов лексических ошибок. 1. Ошибки фонетического происхождения, возникающие при фонетическом сходстве слов или их частей и словообразовательных морфем в русском языке: *провести — привести, остаться — остановиться, умилять — умолять, гимнастика — гимнастерка, лапочки — тапочки* и т. п. (Например, *она сняла туфли и одела лапочки; утром я делаю гимнастерку; он заболел грибом; мы хорошо привели время*). 2. Ошибки морфологического происхождения, например, смешение разновидных глаголов и неправильная подстановка в текст глаголов одновидовых и движения: *он хотел сидеть на этот стул* (вместо *сесть*); *студент конспектировал всю работу* (вместо *законспектировал*); *я сейчас хожу на почту за посылкой* (вместо *иду*). 3. Ошибки, связанные с такими чисто лексическими явлениями, как синонимия, антонимия внутри одной языковой системы: *паркетный потолок; на потолок постелили ковер; в комнате был очень низкий пол; он приходил завтра; у нее было очень прекрасное* (т. е. красивое) *лицо; сильный дуб* (т. е. крепкий). 4. Ошибки, связанные с отсутствием лексико-семантической дифференциации в одном языке и с ее наличием в другом: *мы подошли к великому зданию* (т. е. большому); *она осталась дома сама* (т. е. одна); *нам от сентября поднесли зарплату* (т. е. повысили); *хочу еще донести* (т. е. сообщить). 5. Ошибки, обусловленные наличием межъязыковой омонимии и паронимии: *я запомнил сделать это задание* (*zaropnic' — 'забыть'*); *мы пришли на дворец за полчаса до прибытия поезда* (*dworzec — 'вокзал'*); *не решили жадной задачи* (*zaden — 'ни один'*); *они с лыжами пошли на каток* (*lyżwy — 'коньки'*). 6. Ошибки, вызванные незнанием соответствующей русской лексемы: *у нее платье в пасы* (т. е. в полоску); *он положился на лужко* (т. е. лег на кровать); *выпили кавы* (т. е. кофе); *он завязал новый крават* (т. е. галстук).

Перед иностранцами, изучающими русский язык, возникает целый ряд трудностей, которые не в состоянии разрешить грамматика одного отдельно взятого языка. Это связано с различиями в грамматическом строе русского и родного языков учащихся, с различным группированием отдельных типов структур и с возникающей на основе этого интерференцией родного языка, с различными внутриязыковыми аналогиями. При этом ошибки, типичные для носителей одного языка, в некоторых случаях могут оказаться характерными и для носителей других языков. Например, русский вопрос *Как тебя зовут?* во многих языках (английском, испанском, немецком, французском) выражается иными конструкциями. Ошибки в употреблении данной конструкции определяются не только интерференцией родного языка, но и внутриязыковой

аналогией. Вместо глаголов *называть* и *называться* по аналогии могут быть употреблены глаголы *звать* и *зваться*. Кроме того, по аналогии с *Как называется эта улица?* может возникнуть и вопрос *Как ты называешься?*

Изучение чужого языка осложняется и тогда, если в этом языке имеются грамматические категории, которые в родном языке учащихся отсутствуют — категория вида русского глагола в неславянских языках не находит единого грамматического выражения. Эта категория передается либо путем соответствующего выбора глагольных форм, обычно форм времени, либо лексически — путем выбора разных глаголов. Трудности возникают и в случаях, когда определенная категория не только свойственна обоим языкам, но и употребление ее во многом совпадает, однако отдельные случаи формального несовпадения вызывают значительное число типичных ошибок. Например, на употребление личных и притяжательных местоимений: *я взял себе свой костюм; я вынул себе руки из карманов*. Как видим, множество самых разнообразных ошибок в работах иностранных учащихся — результат воздействия родного языка, деформирующего элементы семантической и грамматической структуры изучаемого. Источником ошибок являются также и отклонения от нормы, вызванные особенностями самой системы русского языка. Кроме того, на частотность ошибок влияют как внутриязыковые факторы (употребительность того или иного слова), так и чисто формальные моменты (вид упражнения).

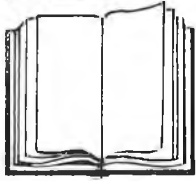
Учитывая трудности в обучении русскому языку под влиянием интерференции, нужно четко осмыслить этот процесс, разграничить позитивное и негативное воздействие со стороны родного языка, определить, чем обусловлено это воздействие. Важно выяснить, что способствует интенсивности влияния отрицательного и положительного трансфера на усвоение русского языкового материала.

При выработке различных навыков в процессе обучения русскому языку иностранцев необходимо привлекать не только сходные, но и различные факты интерферирующих языковых систем. Такой подход поможет определить необходимые методические приемы, круг и количество дидактических упражнений, которые нужны не только для выработки навыков рецептирования и репродуцирования, но и для овладения языком с целью коммуникации.

С методической точки зрения, учитывая влияние интерференции со стороны родного языка, материал лучше распределить следующим образом: 1) материал, аналогичный в интерферирующих языках, усвоению которого способствует положительный трансфер; 2) разный материал, на усвоение которого оказывает воздействие отрицательный трансфер; 3) материал, не имеющий соответствий в русском и родном языке учащегося, усвоению которого приобретенные навыки не способствуют.

Учитывая данное методическое положение, следует правильно производить подборку упражнений в разных языковых сферах: лексике, фонетике, грамматике. Материал упражнений должен содействовать развитию навыков, противодействующих отрицательному влиянию родного языка на разных этапах обучения.

Четкое представление о системе родного языка учащегося поможет не только интенсифицировать процесс обучения русскому языку, но также объяснить и устранить ошибки, допускаемые под воздействием отрицательного трансфера, или вовсе избежать их.

В. В. Гура. Как создавался «Тихий Дон»: Творческая история романа М. Шолохова.— М.: «Советский писатель», 1980.— 400 с.

О художественных открытиях Шолохова написано немало. И тем не менее каждая новая публикация вызывает вопросы: что нового вносит она в шолоховедение, насколько помогает восприятию и правильной оценке произведений выдающегося писателя?

Монография «Как создавался «Тихий Дон» является новым словом в исследовании творчества одного из старейших мастеров советской литературы.

Новая работа В. Гуры посвящена непосредственно творческой истории эпопеи «Тихий Дон». Однако глубокое знание предмета исследования, большой литературоведческий опыт и мастерство позволяют автору решить весьма широкий круг проблем: формирование личности автора, своеобразие творческих принципов, история восприятия шолоховского творчества критикой, история публикаций произведений М. Шолохова, библиографии и другие. Так, например, в первой главе («На подступах к «Тихому Дону») много внимания уделяется биографии будущего писателя, его пути в литературу. Исследуя диалектическую связь различных периодов творчества М. А. Шолохова (первые фельетоны и очерки — рассказы — замысел историко-хроникального повествования «Донщина» — эпопея «Тихий Дон»), В. Гура подробно останавливается на начальном периоде.

Книга В. Гуры отличается редкой даже для опытного литературоведа последовательностью в решении сложной задачи: «проникнуть в лабораторию писателя со всеми ее творческими принципами и особенностями работы над романом, вскрыть замыслы художника, их эволюцию в процессе реализации в художественных образах». Автор монографии «Как создавался «Тихий Дон» использует богатейший фактический материал, который позволяет дать подлинно науч-

ное освещение проблем творчества М. А. Шолохова и тем самым опровергнуть ряд бытующих в зарубежном литературоведении фальсификаций, домыслов и просто неточных, хотя и устоявшихся, мнений. Многие исторические документы, архивные сведения, мемуарная литература, материалы прессы разных лет, результаты текстологических наблюдений вводятся в литературоведческий обиход впервые. О серьезности и обстоятельности монографии В. Гуры свидетельствуют не только результаты его научно-исследовательских поисков. Работа насыщена интересными материалами, сведениями, почерпнутыми из личного опыта, встреч с М. А. Шолоховым, поездок по донской земле, бесед с реальными и предполагаемыми прототипами шолоховских героев.

Исследование В. В. Гуры отличается множеством разнообразных комментариев к текстам Шолохова, библиографии его произведений. Оно, несомненно, найдет благодарного читателя.

И. А. Черота

В. М. Тимофеева. Литература европейских социалистических стран.— Минск: Изд-во БГУ, 1979.— 262 с.

Духовное богатство советских людей в наши дни определяется не только бурным развитием собственно национального искусства, но также и определенными достижениями в сфере культуры социалистических стран. Единая общественно-экономическая формация братских стран социализма породила и качественно новую, ранее не существовавшую социалистическую культуру. Процесс взаимного эстетического обогащения всего интенсивнее происходит в области литературы. Но чтобы яснее представить себе и познать законы типологической общности, осмыслить магистральные пути развития литературы стран социализма, изучить идейно-стилевую и жанровую специфику отдельных произведений, необходимо приобщиться к

литературоведческой науке. Одним из таких исследований литературного процесса является учебное пособие кандидата филологических наук, доцента кафедры зарубежной литературы БГУ имени В. И. Ленина В. М. Тимофеевой «Литература европейских социалистических стран».

В книге подробно и на высоком идейно-теоретическом уровне анализируются произведения известных писателей, поэтов и драматургов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии, а также осмысливаются национальное своеобразие и общность основных закономерностей литературного процесса в целом. При этом автор большое внимание уделяет таким не легким аспектам литературоведческого анализа, как проблема традиций и новаторства в границах одной национальной литературы. Говоря о становлении современной художественной прозы и поэзии в Болгарии, В. М. Тимофеева подробно анализирует творчество Е. Багряны, В. Ханчева, В. Петрова, Д. Димова, П. Вежинова, Г. Караславова, Е. Станева, что позволяет ей сделать вывод о преемственности основных идейно-художественных концепций старшего и младшего поколений болгарской литературы. Творческой удачей автора книги «Литература европейских социалистических стран» следует признать доказательность тезиса о повышении художественного мастерства современной литературы Венгрии, ГДР и Румынии. На большом фактическом материале (зачастую впервые введенном в орбиту научного осмысления) В. М. Тимофеева зримо показывает художественную и эстетическую ценность романов Г. Канта «Актный зал» и «Выходные данные», Э. Нойча «След камней», У. Пленцдорфа «Новые страдания молодого В», Л. Мештерхази «Загадка Прометея», Ш. Ж. Фая «Эта ночь, этот зимний день...»

Автор пособия умело сочетает монографический и обзорный принципы в рассмотрении общей литературной обстановки в отдельно взятой стране и творчества наиболее крупных писателей. На одинаково высоком идейно-теоретическом уровне исследуются и роман, и поэзия, и драматургия. Об этом свидетельствуют главы, посвященные творчеству венгерских поэтов А. Гидаша, Л. Кашшака, Д. Ййеша, Л. Беньямна, польских поэтов Ю. Тувиμα, В. Броневского, К. И. Галчиньского, Т. Ружевица, чешского поэта В. Незвала, польских романистов Е. Анджеевского, Е. Путрумента, чешских и словацких романистов М. Пуймановой и П. Илемницкого и многих других.

Достоинством книги В. М. Тимофеевой является исследование не только положительного потенциала, накопленного литературами европейских социалистических стран, но и определенных отрицательных тенденций, проявившихся в их развитии, таких, в частности, как элементы авангардизма в поэзии Венгрии, модернизма в литературе Румынии и Югославии, определенный отход части чешских писателей на мелкобур-

жуазные позиции в 50-х — начале 60-х годов и т. д.

Изложение литературного материала, скрупулезный анализ художественной структуры наиболее выдающихся произведений прозы, поэзии и драматургии, четкая оценка литературных направлений и тенденций умело сочетаются с развернутой характеристикой социально-общественной и исторической ситуации в стране и фактами писательских биографий. В учебном пособии приводятся многочисленные высказывания и мнения советских и зарубежных исследователей о творчестве анализируемых писателей, что создает достаточно полную и многогранную картину литературного процесса в европейских социалистических странах в период с 1945 по 1970 год.

Недостаточно внимания, на наш взгляд, уделено в книге драматургии, особенно венгерской, сделавшей большой шаг в своем развитии за послевоенные годы. Следовало бы, как нам кажется, дать более подробный анализ творчества крупнейших представителей национальных литератур европейских социалистических стран.

Книга В. М. Тимофеевой является не только полезным учебным пособием для студентов, но и глубоко оригинальным и многогранным научным исследованием литературы европейских социалистических стран на сложном современном этапе ее развития.

В. И. Гончаров, С. М. Шардыко

Вопросы воспитания и образования в трудах зарубежных педагогов-марксистов. /Под ред. К. И. Салнмовой.— М.: Педагогика, 1980.—192 с.

Коллективная монография «Вопросы воспитания и образования в трудах зарубежных педагогов-марксистов» является, на наш взгляд, одной из интереснейших советских книг по зарубежной педагогике последних лет. Авторы, используя богатый фактический материал, предприняли первую попытку исследовать педагогические направления и концепции современного коммунистического и рабочего движения, изучить специфику подходов коммунистических и рабочих партий к проблемам образования и воспитания.

Широкое освещение этих проблем в таких высокоразвитых капиталистических странах, как Франция, Италия, Англия, ФРГ и США, позволяет глубже понять, какими критериями пользуются педагоги-марксисты этих стран для разработки своих педагогических теорий и концепций. Так, прогрессивные английские и американские педагоги концентрируют основное внимание на разоблачении псевдонаучных буржуазных педагогических теорий; в ФРГ больше внимания уделяется теоретическому обоснованию требований, предъявляемых компартией ФРГ к народному образованию; педагоги-марксисты Франции и Италии занимаются разработкой общетеоретиче-

ских и методологических проблем современной педагогики.

Авторы видят причины кризиса народного образования в неспособности буржуазной педагогики ставить и решать теоретические проблемы, в ограниченности возможностей получения полноценного образования детьми трудящихся, в утилитарности и отставании содержания школьного обучения от современного уровня научных знаний. Прделанный авторами монографии критический с марксистско-ленинских позиций анализ творческих основ буржуазной педагогики, буржуазных концепций обучения и воспитания помогает яснее понять тенденции развития буржуазной школы на современном этапе, ознакомиться с некоторыми направлениями зарубежной марксистско-ленинской педагогической мысли, деятельностью коммунистических партий в области народного образования, понять специфические особенности развития образования и теории педагогики в этих странах.

Системы воспитания и образования всегда выражают интересы господствующего класса, и хотя это в современном буржуазном обществе завуалировано, стремление обеспечить социальные интересы буржуазии накладывает неизгладимый отпечаток на систему образования. Основное место в книге отведено анализу последовательной и принципиальной борьбы педагогов-марксистов за демократизацию школы.

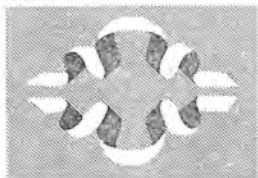
Авторы отмечают, что прогрессивные педагоги, подвергая критическому анализу основы современной буржуазной педагогики, определяют научные ос-

новы своей школьной политики, ставят и решают важнейшие общетеоретические проблемы. Полностью отвергая селективную систему образования, основанную на теории врожденной умственной одаренности, на преувеличении роли наследственности, они выступают за предоставление всем равных образовательных возможностей, возможностей всестороннего развития личности. В связи с этим рассматриваются программные документы коммунистических партий капиталистических стран в области народного образования.

В каждом определенном обществе в воспитании и образовании большую роль играет идеология господствующего класса, проводящего обучение в соответствии со своим мировоззрением. Поэтому в настоящее время в условиях острой идеологической борьбы двух социальных систем ясное понимание педагогических целей и задач помогает обстоятельной, аргументированной критике идейно-политических основ школы в капиталистическом мире, реакционных педагогических теорий и концепций.

Авторам монографии удалось выделить ключевые теоретические проблемы буржуазной школы и педагогики, проанализировать те принципиальные направления, которые предлагают педагоги-марксисты для их решения. Книга будет способствовать дальнейшему улучшению идеологической, политико-воспитательной работы, как требует XXVI съезд КПСС.

Л. В. Сундукова,
А. А. Кадушкина

Нашы юбіляры

НІЛ СЯМЭНАВІЧ ГІЛЕВІЧ (Да 50-годдзя з дня нараджэння)

Споўнілася 50 гадоў Нілу Сямёнавічу Гілевічу—вядомаму беларускаму паэту і вучонаму, заслужанаму дзеячу навукі БССР, лаўрэату Дзяржаўнай прэміі БССР імя Янкі Купалы. Жыццёвая і творчая дзейнасць Н. С. Гілевіча вызначаецца мэтанакіраванасцю і падпарадкаванасцю высакароднай ідэі служэння свайму народу і нацыянальнай культуры. Любоў да роднай мовы, жаданне авалодаць багачэйшымі скарбамі літаратуры і сказаць у ёй сваё паэтычнае слова прывялі юнака з Лагойшчыны спачатку ў Мінскае педагагічнае вучылішча, а затым на філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Пасля заканчэння яго (1956) была вучоба ў аспірантуры. Пачынаючы з 1960 года Н. С. Гілевіч працуе на кафедры беларускай літаратуры, дзе праішоў шлях ад выкладчыка да прафесара.

Кола інтарэсаў Н. С. Гілевіча як даследчыка і крытыка даволі шырокае: Я. Купала і М. Багдановіч, П. Панчанка і С. Дзяржаў, В. Вітка і К. Крапіва, творчасць маладых. Крытычныя і публіцыстычныя артыкулы, сабраныя ў кнігу з характэрнай назвай «У гэта веру» (1978), ярка выяўляюць творчую індывідуальнасць аўтара, яго грамадзянскую пазіцыю і эстэтычныя крытэрыі.

З найбольшай сілай талент даследчыка праявіўся ў фалькларыстычнай дзейнасці Н. С. Гілевіча. У яго аспе беларуская навука мае аднаго з буйнейшых тэарэтыкаў і практыкаў савецкай фалькларыстыкі. На працягу 20 гадоў Н. С. Гілевіч чытаў курс беларускага фальклору, кіраваў студэнцкім навуковым гуртком і спецсемінарам па паэтыцы фальклорных жанраў. Ён стаў арганізатарам і навуковым кіраўніком збіральніцкай работы, маштабы і значэнне якой цяжка пераацаніць. Заслужаны аўтарытэт прынеслі Н. С. Гілевічу выданні беларускага фальклору «Песні сямі вёсак» (1973), «Песні народных свят і абрадаў» (1974), «Лірычныя песні» (1976), «Лірыка беларускага вясельля» (1979), укладальнікам і навуковым рэдактарам якіх ён з'яўляецца. Артыкулы Н. С. Гілевіча ў гэтых зборніках—гэта самастойныя навуковыя даследаванні сучаснага стану бытавання традыцыйнай народнай паэзіі. Тэарэтычныя праблемы беларускай фалькларыстыкі распрацаваны ў яго манаграфіях «Наша родная песня» (1968), «З клопатам пра песні народа» (1970), «Паэтыка беларускай народнай лірыкі» (1975), «Паэтыка беларускіх загадак» (1976), а таксама ў дакладзе на VIII Міжнародным з'ездзе славістаў «Вусная народная творчасць і сучасная лірычная паэзія ўсходніх і паўднёвых славян» (1978).

Выкладчыцкую і навуковую дзейнасць Н. С. Гілевіч плённа спалучае з літаратурнай. На яго творчым рахунку звыш 20 паэтычных зборнікаў і зборнік п'ес. Шырока вядомы ён і як перакладчык на беларускую мову з іншых славянскіх моў. Да перакладу і прапаганды лепшых здабыткаў славянскіх культур Ніл Сямёнавіч прыйшоў, клопаючыся пра пашырэнне даляглядаў роднай літаратуры. У гэтай галіне дзейнасці ён выступае і як вучоны, аб чым сведчыць яго цікавая манагра-

фія «Верная вялікім заповітам. Сучасная балгарская паэзія. 1956—1976» (1977). За заслугі ў развіцці беларуска-балгарскіх культурных сувязей урад НРБ узнагародзіў Н. С. Гілевіча ордэнам Кірылы і Мефодзія I ступені. За заслугі ў развіцці савецкай літаратуры і ў сувязі з пяцідзесяцігоддзем з дня нараджэння пісьменнік узнагароджаны ордэнам Дружбы народаў.

Арыгінальны мастацкі талент, багатая эрудыцыя і шчыры клопат аб развіцці роднай культуры і захаванні яе скарбаў заўсёды збіралі Н. С. Гілевічу аўдыторыю ўдзячных слухачоў. Яго ўплыў на фарміраванне некалькіх пакаленняў беларускіх філолагаў надзвычай вялікі. Сёння тыя якасці, якія выпрацаваліся за час педагогічнай работы ў БДУ, надзейна служаць Н. С. Гілевічу на пасадзе першага сакратара праўлення Саюза пісьменнікаў БССР.

Выкладчыкі і студэнты Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта сардэчна віншуюць Ніла Сямёнавіча з юбілеем і жадаюць яму добрага здароўя і новых творчых поспехаў.

Л. К. Тарасюк

СЦЯПАН ХУСЕЙНАВІЧ АЛЕКСАНДРОВІЧ

(Да 60-годдзя з дня нараджэння)

Сцяпан Хусейнавіч Александровіч — прафесар кафедры беларускай літаратуры і пісьменнік, ветэран Айчынай вайны і кавалер ордэна Славы — чалавек асаблівага лёсу. Сын гарбара з Капыля, які змалку меў вялікую схільнасць да беларускай кнігі і мовы, у 1939 годзе паступае на філалагічны факультэт Белдзяржуніверсітэта. Але абставіны часу па-свойму распарадзіліся жыццёвым лёсам будучага філолага. Ужо праз месяц ён быў прызваны ў армію. Амаль тры гады нясе нялёгкую салдацкую службу на Паволжы, у Баку. З пачаткам Вялікай Айчынай вайны удзельнічае ў абароне Крыма. Паранены, трапляе ў палон. Але прага свабоды вядзе яго, разам з сябрамі-украінцамі, да здзяйснення ўцёку з крыва-рожскага лагера ваеннапалонных. Прага ж помсты ворагу ставіць яго ў рады народных месціўцаў. Цяпер ужо на радзіме, у складзе капыльскай падпольнай групы...

Далейшы жыццёвы лёс С. Х. Александровіча цалкам звязаны з яго педагогічнай, навуковай і пісьменніцкай дзейнасцю. Чатырнаццаць гадоў аддае ён настаўніцкай працы ў школах Маладзечанскага і Дзятлаўскага раёнаў, у Навагрудскай сярэдняй школе і Мінскім бібліятэчным тэхнікуме. Адначасова — завочная вучоба ў БДУ, затым у аспірантуры АН БССР. Абароненая ў 1958 годзе кандыдацкая дысертацыя «Янка Купала — майстар мастацкага перакладу» становіцца пачаткам яго актыўнай дзейнасці як вучонага-літаратуразнаўцы.

З'яўляючыся навуковым супрацоўнікам Інстытута літаратуры АН БССР, Літаратурнага музея Якуба Коласа, а затым, з 1963 года, выкладчыкам кафедры беларускай літаратуры БДУ, С. Х. Александровіч настойліва, карпатліва даследуе шляхі развіцця і фарміравання беларускай дакастрычніцкай літаратуры, яе творчыя ўзаемасувязі з братнімі славянскімі літаратурамі, а таксама гісторыю беларускага кнігадрукавання і журналістыкі. Вынікам яго даследаванняў становяцца змястоўныя, насычаныя багатым фактычным матэрыялам зборнікі артыкулаў і манаграфіі «Старонкі братняй дружбы» (1960), «Гісторыя і сучаснасць» (1968), «Пуцявіны роднага слова» (1971), «Кнігі і людзі» (1976), «Слова — багацце» (1981), вучэбны дапаможнік «Беларуская літаратура XIX — пачатку XX ст. Хрэстаматыя крытычных матэрыялаў» (1978), іншыя навуковыя працы.

У 1971 годзе С. Х. Александровіч абараняе доктарскую дысертацыю «Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX — пачатку XX ст.». За заслугі ў навукова-педагогічнай дзейнасці яму ў 1974 годзе прысвойваецца званне прафесара кафедры беларускай літаратуры.

Гаворачы пра С. Х. Александровіча як даследчыка і педагога, нельга не адзначыць яго талент пісьменніка-дакументаліста, майстра нарыса. Аб гэтым яскрава сведчаць зборнікі біяграфічных нарысаў пра беларускіх пісьменнікаў «Незабынутымі сцэжкамi» (1959, 1962), «Па слядах паэтычнай легенды» (1965), «Тут зямля такая...» (1974), аповесці аб жыцці і творчасці Якуба Коласа «Ад роднае зямлі...» (1962, 1972) і «Ад гоману бароў...» (1972), аўтабіяграфічная аповесць «Далёкія зарніцы» (1967).

Літаратуразнаўца і пісьменнік, прафесар Сцяпан Хусейнавіч Александровіч сустракае свой шасцідзесяцігадовы юбілей у росквіце сіл, з новымі творчымі планами і задумамі. І вельмі хочацца, каб яны, гэтыя планы і задумы, спаўна ажыццявіліся.

І. Ключановіч

ЗМЕСТ

ДА 60-ГОДДЗЯ БДУ імя У. І. ЛЕНІНА

<i>Рагойша В. П.</i> Набыткі літаратуразнаўчай думкі (1970—1980)	3
<i>Германовіч І. К.</i> Развіццё мовазнаўства ў БДУ	7
<i>Піскунов М. У.</i> Становленне і развіццё педагогічнай навуцы	16
<i>Войдэйко Р. И.</i> Развитие психологической науки	18
<i>Булацкі Г. В.</i> Кузняца журналістскіх кадраў Беларусі	20

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Лемешев А. Н.</i> Эвалюцыя эстэтычных поглядаў М. М. Філіппова і пазітывізм	23
<i>Ванковіч Л. А.</i> Стыхотворення Надзежы Тепловой	25

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Шакун Л. М.</i> Роля Б. А. Тарашкевіча ў развіцці беларускай літаратурнай мовы	24
<i>Авласенко Н. А.</i> Наречія со статусам катэгорыі ацэнкі ў рускай мове	33
<i>Сенюта Т. В.</i> Наблюдения над словообразованием глаголов в детской речи	37
<i>Соболева Л. И.</i> О результатах комплексного исследования семантической подсистемы глаголов шума	41
<i>Ровдо И. С.</i> Ложно эквивалентная лексика в речи билингвов (К вопросу о природе лексико-семантической интерференции)	44
<i>Дякитэ Н.</i> Пуці развіцця полісеміі ў беларускай і рускай мовах	48
<i>Норман Б. Ю., Осипова С. К.</i> Об одном семантико-словообразовательном типе болгарских прилагательных (прилагательные с префиксом <i>вѣз-</i>)	51
<i>Ваяхіна А. В.</i> Незаконченныя высказванні ў дыялагічнай мове. Матывы прерваннасці	56

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Мяснікоў А. Ф.</i> Сацыялістычныя слаборніцтва працоўных Беларусі і Літвы на старонках рэспубліканскага друку	60
<i>Слука О. Г.</i> В. И. Ленин и развитие пропаганды среди молодежи	63

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Мурашко А. Г., Саннікова А. В.</i> Преодоление интерференции в процессе обучения русскому языку как иностранному	66
---	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Черота И. А. В. В. Гура.</i> Как создавался «Тихий Дон»	70
<i>Гончаров В. И., Шардыко С. М. В. М. Тимофеева.</i> Литература европейских социалистических стран	70
<i>Сундукова Л. В., Кадушкіна А. А.</i> Вопросы воспитания и образования в трудах зарубежных педагогов-марксистов	71

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Ніл Сямёнавіч Гілевіч (Да 50-годдзя з дня нараджэння)	73
Сцяпан Хусейнавіч Александровіч (Да 60-годдзя з дня нараджэння)	74

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. ЛЕНИНА
Серия IV, № 3, 1981

Издательство Белорусского государственного
университета им. В. И. Ленина
220048, Минск, пр. Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-52.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Л. Г. Мядзведзева*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 16.10.81. Падпісана да друку 30.11.81. АТ 18231. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Друк высокі. Ум.-друк. арк. 7,0. Ул.-выд. арк. 7,69. Ты-
раж 1050 экз. Заказ 539.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна,
220048, Минск, пр. Машэрава, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Минск, Ленінскі пр., 79.

УКАЗАЛЬНИК

**артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна». Серыя IV (філалогія,
журналістыка, педагогіка, псіхалогія) у 1981 годзе**

Булахаў М. Г. Першы акадэмік-беларусавед 1 3

ДА 60-ГОДДЗЯ БДУ ІМЯ У. І. ЛЕНІНА

Рагойша В. П. Набыткі літаратуразнаўчай думкі (1970—1980) 3 3
Германовіч І. К. Развіццё мовазнаўства ў БДУ 3 7
Піскунов М. У. Становленне і развіццё педагогічнай навуцы 3 16
Водейко Р. И. Развитие психологической науки 3 18
Булацкі Г. В. Кузняца журналістскіх кадраў Беларусі 3 20

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Автуховіч Т. Е. Ранніе стихотворения Феофана Прокоповича 1 11
Банковіч Л. А. Стихотворения Надежды Тепловой 3 25
Воран Д. Д. Трагічнае ў сучаснай беларускай навеле 2 3
Ільіна Н. Г. Нравственно-философское содержание повести В. Долгого
«Порог» 2 13
Коколо Л. И. Проблема внесемных цивилизаций в русской фантастике на-
чала XX века 2 6
Коржыцкая И. И. Ольминский о Льве Толстом 1 8
Лемешев А. Н. Эволюция эстетических взглядов М. М. Филлипова и пози-
тивизм 3 23
Любич С. Н. В тревоге за судьбу мира (Роман Р. Мерля «Разумное жи-
вотное») 1 14
Синило Г. В. Лирика Бехера периода изгнания и национальная классиче-
ская традиция 2 8

МОВАЗНАЎСТВА

Авласенко Н. А. Наречия со статусом категории оценки в русском языке . 3 33
Антронаў М. П. Аб прынцыпах намінацыі ў беларускай народнай арніта-
німіцы 1 24
Ахмед Мохамед эль-Агали. Семантические группы существительных общего
рода 1 35
Бурак Л. І. Стылістычная дыферэнцыяцыя некаторых канструкцый сучас-
най беларускай літаратурнай мовы 1 17
Бурак Л. І. Складанае сінтаксічнае цэлае ў паэме Я. Коласа «Новая зямля» . 2 30
Ваяхіна А. В. Незаконченные предложения в диалогической речи. Мотивы
прерванности 3 56
Гюлюмянц К. М. Русские фразеологические заимствования в польском языке . 2 43
Диакирэ Н. Пути развития полисемии в бамана и русском языке 3 48
Івашко В. А. К проблеме статистического анализа русского именника . . . 2 37
Клюсов Г. Н. О личных значениях существительных 1 27
Копач А. І. Аказіяналізмы ў сучаснай беларускай паэзіі 1 21
Круталевіч М. М. Вытворныя асабовыя назоўнікі ў «Допісах» Ф. Кміты-
Чарнабыльскага 2 19
Леценко В. Л. Варианты словосочетаний и критерии их выделения 1 31
Мечковская Н. Б. Лингвистическое содержание классификаций в восточно-
славянских грамматиках XVI—XVII веков 2 22

<i>Мохамед эль-Фатих Махджуб. Литературно-книжная фразеология в романе Ю. Бондарева «Горячий снег»</i>	2	40
<i>Наркевіч А. І. Граматыкалізаваныя спалучэнні слоў</i>	2	28
<i>Норман Б. Ю., Осипова С. К. Об одном семантико-словообразовательном типе болгарских прилагательных (прилагательные с префиксом <i>вѣз-</i>)</i>	3	51
<i>Ровдо И. С. Ложно эквивалентная лексика в речи билингвов (К вопросу о природе лексико-семантической интерференции)</i>	3	44
<i>Сенюта Т. В. Наблюдения над словообразованием глаголов в детской речи</i>	3	37
<i>Соболева Л. И. О результатах комплексного исследования семантической подсистемы глаголов шума</i>	3	41
<i>Хведченя Л. В. Лексическая сочетаемость прилагательных тајог и таіп</i>	2	46
<i>Шакун Л. М. Роля Б. А. Тарашкевіча ў развіцці беларускай літаратурнай мовы</i>	3	24
<i>Шевченко Г. И. К вопросу о фразеологических кальках с латинского языка в русском</i>	2	34
<i>Янович Е. И. Отыменные наречия и предлоги в их историческом соотношении и функционировании</i>	2	15

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Горчакова И. В. Роль партийных журналов Белоруссии в политическом образовании трудящихся (1926—1932)</i>	2	51
<i>Дубовик В. И. Античные образы в произведениях В. И. Ленина</i>	1	39
<i>Мельников Э. Р. Газета «Рабочий» в борьбе за коллективизацию (1927—1932)</i>	2	54
<i>Мяснікоў А. Ф. Сацыялістычнае спаборніцтва працоўных Беларусі і Літвы на старонках рэспубліканскага друку</i>	3	60
<i>Пономарева А. В. Пропаганда решений III съезда РСДРП в листовках большевиков Белоруссии 1905 года</i>	1	43
<i>Руденко А. А. О языковом мастерстве Горького-очеркиста (структура абзаца в очерке «Город Желтого Дьявола»)</i>	2	57
<i>Слука О. Г. В. И. Ленин и развитие пропаганды среди молодежи</i>	3	63
<i>Юранова Т. А. О некоторых особенностях газетной композиции</i>	1	37

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Галёб аль-Тамими. Место терминологии в обучении арабов русскому языку</i>	1	49
<i>Гончарова Н. А. О критериях отбора лексического минимума по латинскому языку</i>	2	64
<i>Дичковская Л. Н., Овчаренко В. И. К вопросу о психоаналитической концепции структуры личности</i>	1	53
<i>Кухарчук А. М. Влияние межличностных отношений на оценочные суждения старшеклассников и их профессиональные намерения</i>	2	66
<i>Мещераков В. П. А. С. Макаренко о воспитании детей в семье</i>	2	62
<i>Мурашко А. Г., Санникова А. В. Преодоление интерференции в процессе обучения русскому языку как иностранному</i>	3	66
<i>Мяцельскі М. С. Народнае настаўніцтва Беларусі ў перыяд рэвалюцыі 1905—1907 гадоў</i>	1	46
<i>Саватеева Л. А. Куратор академической группы как воспитатель студенческой молодежи</i>	1	51

ХРОНІКА

<i>Актуальные проблемы методики преподавания дисциплин классической филологии и зарубежной литературы</i>	2	72
<i>Теория и практика преподавания русской и советской литературы студентам ГДР</i>	2	71

РЭЦЭНЗІІ

<i>Барыс С. В. Лірыка беларускага вяселля</i>	2	75
<i>Германович И. К. М. Г. Булахов. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность</i>	1	57
<i>Гончаров В. И., Шардыко С. М. В. М. Тимофеева. Литература европейских социалистических стран</i>	3	70
<i>Груца А. П. А. М. Булыка. Лексічныя запазычанасці ў беларускай мове XIV—XVII стагоддзяў</i>	2	73
<i>Лысенко С. А. С. Асадуллаев. В русле социалистического реализма</i>	2	78
<i>Павленко Н. А. И. Кодухов. Введение в языкознание</i>	1	60
<i>Павленко Н. А. И. Г. Милославский. Вопросы словообразовательного синтеза</i>	2	76
<i>Сундукова Л. В., Кадушина А. А. Вопросы воспитания и образования в трудах зарубежных педагогов-марксистов</i>	3	71
<i>Суррун А. Е. Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв.</i>	2	77

<i>Трыпуціна Т. М., Шчарбакова І. М.</i> Сучасная беларуская літаратурная мова	2	74
<i>Черота И. А. В. В. Гура.</i> Как создавался «Тихий Дон»	3	70
<i>Шахов В. В. Н. В. Головки.</i> Русская критика в борьбе за реализм	2	77
<i>Яцкевич Л. Г. Е. И. Янович.</i> Наречие в истории русского языка. Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий	1	58

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Сцяпан Хусейнавіч Александровіч (Да 60-годдзя з дня нараджэння)	3	74
Рыгор Васільевіч Булацкі (Да 60-годдзя з дня нараджэння)	1	62
Ніл Сямёнавіч Гілевіч (Да 50-годдзя з дня нараджэння)	3	73
Алег Антонавіч Лойка (Да 50-годдзя з дня нараджэння)	1	64
Васіль Андрэевіч Пыжкоў (Да 60-годдзя з дня нараджэння)	1	63

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Міхась Рыгоровіч Ларчанка	2	80
---------------------------	---	----

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

1. Статья должна быть изложена с предельной краткостью, окончательно отредактирована и оформлена. Статья является оригиналом для печати.

2. Статьи, напечатанные на машинке (не портативной) через два интервала с полями не менее 4 см на одной стороне листа, представляют в редакцию в двух экземплярах.

3. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста (включая приложения) и 3 рисунков; кратких сообщений — 3 страниц и 2 рисунков.

4. К статье должны быть приложены: акт экспертной комиссии, рекомендация кафедры, реферат статьи (до 0,25 стр. машинописного текста) и сведения об авторе (место работы, должность, адрес, рабочий и домашний телефоны).

5. Особое внимание следует обращать на тщательность и аккуратность внесения в текст математических и химических формул, на оформление таблиц, списка литературы, рисунков и подписей к ним. Следует избегать повторения в тексте данных, содержащихся в таблицах и графиках, а также представления численных результатов одновременно в виде таблиц и графиков.

6. Формулы и буквенные обозначения необходимо аккуратно и разборчиво вписать в два экземпляра от руки черными чернилами и разметить синими чернилами: греческие буквы обвести красными; латинские, набираемые курсивом, подчеркнуть волнистой чертой; прописные двумя черточками снизу ($\underline{\underline{A}}$), строчные — двумя черточками сверху ($\overline{\overline{a}}$). Следует различать буквы O (прописную), o (строчную) и 0 (ноль), для чего буквы O и o подчеркивают двумя черточками и ноль отмечают квадратной скобкой снизу ($\underline{\underline{O}}$, $\underline{\underline{o}}$, $\underline{\underline{0}}$). Необходимо различать в написании буквы l (эль), e , а также I , и

I (йот), для чего I пишут, как римскую единицу, подчеркивая ее двумя черточками снизу. Векторы подчеркивают черными чернилами одной чертой сверху. Математические символы \cos , \lg и др., набираемые прямым шрифтом, и химические символы элементов ($\underline{\underline{H_2O}}$, $\underline{\underline{Ag}}$ и т. д.) отмечают квадратной скобкой снизу. Показатели степени и индексы, а также надстрочные знаки отмечают дугой A^2 (для верхнего индекса) и A_2 (для нижнего).

7. Для формул и символов, а также между ними следует оставлять достаточные пробелы в тексте.

8. Необходимо придерживаться Международной системы единиц (СИ).

9. Рисунки представляют в двух экземплярах в виде графиков, схем, фотографий отдельно от текста; фотографии, отпечатанные на глянцевой бумаге с накатом, должны иметь четкое и контрастное изображение. Чертежи и схемы выполняют тушью на плотной белой бумаге или кальке 150×200 мм. На обороте карандашом необходимо указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

10. Таблицы (обязательно с заголовками) и подписи к рисункам следует печатать на отдельных листах. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подписях к рисункам. Представление одного и того же материала в виде таблиц и рисунков не допускается. Места для таблиц и рисунков необходимо указать на полях рукописи.

11. Ссылки на литературу даются в порядке цитирования (порядковый номер в квадратных скобках). Список литературы (прилагается на отдельном листе) должен быть оформлен следующим образом:

а) для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, год издания, страницы;

б) для журнальных статей: фамилия и инициалы автора, принятое сокращенное название журнала, год издания, том, номер выпуска, страницы.

12. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации и авторефераты не допускаются.

13. В конце статьи (после литературы) ставится название кафедры, где выполнена работа. Статью должны подписать все авторы.

14. В случае возвращения статьи автору на доработку первоначальный текст статьи необходимо вернуть в редакцию. При задержке статьи автором на месяц и более первоначальная дата поступления не сохраняется.

15. Редакция посылает автору одну корректуру. Изменения и дополнения как в тексте, так и в рисунках не допускаются. Корректур за подписью автора и датой ее подписания сдается в редакцию в течение двух дней с момента ее получения.

16. Статьи, оформленные с нарушением «Правил», редакция не принимает.

80 кап.

Індэкс 74854

Весн. Беларускага ун-та.
Сер. 4, філал., журн., пед., псіхал., 1981, № 3, 1—80.